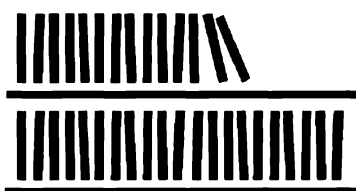

Проблематика
ВОИНЫ
в гуманитарных
науках

**НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС**

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики
Факультет гуманитарных наук
Школа философии

Проблематика ВОИНЫ в гуманитарных науках

Под общей редакцией
А. Д. Куманькова, С. Е. Любимова, М. А. Сидоровой

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2019

УДК 172.4
ББК 87.7
П 781

*Печатается по решению Ученого совета
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)*

*Сборник подготовлена в ходе проведения исследования
(№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств
субсидии на государственную поддержку ведущих
университетов Российской Федерации в целях повышения
их конкурентоспособности среди ведущих мировых
научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ*

П 781 Проблематика войны в гуманитарных науках. Сборник трудов второй всероссийской конференции «Проблематика войны в гуманитарных науках: история и перспективы исследования» / под общ. ред. А. Д. Куманькова, С. Е. Любимова, М. А. Сидоровой. – СПб.: Алетейя, 2019. – 314 с.

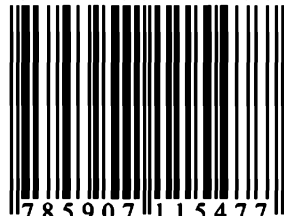
ISBN 978-5-907115-47-7

В сборник вошли труды учёных, представителей различных областей гуманитарного знания, объединённых общим интересом к прояснению сущности войны. Статьи объединены в три основных блока: история, философия войны и теория международных отношений.

Книга адресована широкому кругу читателей – философам, историкам, специалистам по международным отношениям и международному праву, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами философии войны, этики, истории философии и политической теории.

УДК 172.4
ББК 87.7

ISBN 978-5-907115-47-7

9

© Коллектив авторов, 2019
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Война, история и культура

Смилянская Е.Б.

Начало военного присутствия России в Средиземноморье: блистательная операция с долгими последствиями*

The article 'Commencement of the Russian Military Presence in the Mediterranean: a Brilliant Operation with Long Consequences' studies a special meaning of the Eastern Mediterranean for Russia since 1770-s, when Catherine the Great sent her naval forces to the region. The author discusses three long-term consequences of that military action: the presence in the Eastern Mediterranean became an attribute of a great power (for Russia economic or tactical reasons were secondary ones); in their interactions with Greek and Slave co-religionists and some anti-ottoman Arab rulers Russians poorly took into consideration differences of political cultures and very often failed to strengthen a support from peoples of the Levant; instead of reasonable motivations Russian activity in the region was frequently supported by mythological discourse of a special 'anti-barbarism' mission.

Ключевые слова: Российская империя, Средиземноморье, Греция, Сирия, Архипелагские экспедиции российского флота, Екатерина II
Key words: Russian Empire, Mediterranean, Greece, Syria, Archipelago expeditions of Russian naval forces, Catherine the Great

Война в Сирии и российская база на сирийском побережье Средиземного моря стали жаркой темой современной политики, добавив актуальности исторической оценке российских акций в этом регионе. Если современная военная ситуация в Восточном Средиземноморье пока является темой преимущественно дебатов политологов и военных экспертов, то анализ *истоков* российского присутствия в Средиземномо-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант а № 17-01-00261).

Начало военного присутствия России в Средиземноморье...

рье позволяет осмыслить причины, по которым уже 250 лет средиземноморское направление занимает особое место в российской внешней политике.

Известно, что военные корабли России стали бороздить воды Восточного Средиземноморья с 1770 г. Выход эскадр российского флота из балтийских портов Ревеля и Кронштадта, их проход вокруг Европы получили большой международный резонанс. После Чесменской победы российской императрице в 1771-1773 гг. присягнули на подданство три десятка островов в Эгейском море, и тогда грекам была предложена возможность создания первый в Новое время независимой от Османской империи конфедерации островов под покровительством империи Российской. Россия строила свою военно-морскую базу на острове Парос. Российский флот имел возможность контролировать в это время левантийскую торговлю Запада с Востоком, а командование экспедиции (прежде всего, граф А.Г.Орлов и адмирал Г.А.Спиридов) свободно вступали в переговоры и союзнические отношения не только с единоверными греками и славянами, но и с арабскими правителями на Ближнем Востоке: Али-беем и шейхом Захиром ал-Омером; российские суда и эскадра греческих капитанов, подчинявшаяся российскому командованию, дважды брали Бейрут. Однако вмешательство европейских держав и проблемы внутри страны не позволили Екатерине II надолго закрепить свои успехи. После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира с турками российский флот оставил и подданных императрицы на Эгейских островах, и союзников на Ближнем Востоке¹.

Между тем, эскадры военного флота Российской империи с тех пор продолжали бороздить Средиземное море, а широкая сеть российских консульств в Средиземноморье представлять интересы империи, покровительствовать ее подданным и православным единоверцам. Опыт Первой Архипелагской экспедиции повлиял на содержание так называемого «Греческого проекта» Екатерины II (1782 г.), на дея-

¹ См. подробнее: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011 (далее: Россия в Средиземноморье).*

тельность Ф.Ф.Ушакова на Адриатике и в Восточном Средиземноморье в 1798-1800 гг., на задачи Второй Архипелагской экспедиции Д.Н.Сенявина 1805-1807 гг. А это, в свою очередь, уверило Николая I, внука Екатерины, в том, что «по своему могуществу... [Россия] должна иметь силу во всем Востоке» и имеет право на вмешательство в религиозные конфликты христиан на Ближнем Востоке и на политическую ситуацию во всем Восточном Средиземноморье².

Что же позволяет говорить об особом интересе к Средиземноморью в российской истории и почему плодотворным здесь может оказаться изучение военного предприятия XVIII в.? Попробуем, обратившись к материалам Первой архипелагской экспедиции Российского флота 1769-1775 гг., ответить на три вопроса: 1) в чем причины интереса России к присутствию в данном регионе? 2) в ком находили опору и союзников в Средиземноморье? 3) как обосновывали российского вмешательства в дела региона? Также в заключении представляется важным наметить направления междисциплинарного сравнительного исследования военных акций России в Средиземноморье, на наш взгляд, не нашедших пока достаточного освещения в историографии.

Долгое время считалось, что Екатерина II решила отправить свой флот в Восточное Средиземноморье только в 1768 г./1769 гг., когда началась война с турками и возник план ударить по Османской империи силами Балтийского флота России с помощью балканских греков и славян. Было ли это лишь тактической составляющей военной операции? Безусловно, Восточное Средиземноморье в условиях русско-турецкой войны представляло особый интерес в связи с противодействием османской угрозе, но демонстрация всей Европе военно-морской силы России явно была рассчитана на большее³.

² См. подробнее: Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015. С. 66-68 и др.

³ Уже опубликовано достаточно документальных подтверждений тому, что Екатерина готовила свое вторжение в регион с начала своего царствования, что, императрица по сути возродила идею Петра, который планировал вступление на Балканы, отправляясь в свой неудачный Прутский поход:

Начало военного присутствия России в Средиземноморье...

Тактический успех был важен, но Екатерина понимала военное присутствие в Средиземноморье как составляющую *большой политики великой державы*, каковой она мыслила свою империю; в ее время этот регион был центром мира, а, не имея своего присутствия на пересечении важнейших торговых и политических интересов, Россия продолжала бы оставаться империей периферийной. Правда, претензии Екатерины были весьма скромны – получение небольшого порта для пристанища военных судов. Зимой 1771 г. императрица собственноручно составляла послание Фридриху Прусскому относительно возможных условий мира с турками, отметив в нем, что не считает чрезмерным в числе плодов «войны победоносной, но весьма дорогостоящей» получение одного острова в Архипелаге, чтобы разместить флот и торговать, притом это не будут «ни Кандия, ни Родос, ни Кипр, но какой-нибудь маленький остров с хорошим портом, что не вызовет никакого неудовольствия [вероятно, держав Европы. – Е.С.], тем более что можно будет надеяться на гарнизон и что я обязуюсь иметь всего лишь ограниченное число офицерских кораблей»⁴. Таким образом, нарушив сформировавшийся баланс сил в Средиземноморье, Россия в 1770-1774 гг. заявила претензии на получение своей части «средиземноморского пирога», а также дополнительных рычагов давления на Османскую империю. Но прежде всего: приведя военный флот в Восточное Средиземноморье, Российская империя стремилась надолго там закрепиться и заявить о новом статусе державы.

На какую *опору* в данном регионе тогда можно было рассчитывать? Такой вопрос был решен задолго до начала войны: в Петербурге надеялись на православное население Балкан и, в особенности, на греков, неоднократно заверявших единоверных «россов» в том, что готовы при поддержке рос-

Виноградов В.Н. Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 55–63; Лещиловская И.И. Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2; Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.

⁴ Собственноручные примечания Екатерины II на декларацию Порты 1770 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 79. Л. 5 об.–6. 4 января 1771 г.). См. также: Сб. РИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 301–302.

сийского оружия восстать против османского владычества. Но реального военного взаимодействия с греческими отрядами на Пелопоннесе, куда прибыли первые две эскадры российского флота, не получилось. Совместные сухопутные операции потерпели крах, а греческое восстание 1770 г., вошедшее в историю как *Орлофика* ('*Orlov revolt*'), было жестоко подавлено. Греки винили русских за то, что те не смогли предоставить значительной помощи людьми и оружием, а русские считали, что именно греки не оправдали возлагавшихся на них надежд. Показательны в этой связи слова сожаления адмирала Г.А.Спиридова относительно «робости грецких народов», обращенные к греческим депутатам зимой 1771 г.: «Государыня императрица Екатерина Алексеевна, будучи известна о греках, стелящих под ыгом агарянским, соболезна о толь бывшем храбром народе, пришедшем в таковой великой упадок и рабство, что турков стали бояться, как бы малыя дети каких страшилищ...» (выделено мною. – Е.С.)⁵. Между тем, взяв под контроль после разгрома турецкого флота при Чесме острова Архипелага, уверившись в собственные силы и без поддержки греков, именно Спиридов не только попробовал привести греков к присяге на подданство Екатерине II, но и начал выстраивать систему новой государственности в так называемом «Архипелагском княжестве».

Авторство проекта «Архипелагского княжества», равно как и воплощение его в жизнь принадлежало не петербургским политикам и не самой императрице, рассуждавшей о «маленьком острове» и верившей в то, что греки *сами* в состоянии создать свое независимое государство, а командующему флотом в Архипелаге Г.А.Спиридову. Он вынужден был действовать на свой страх и риск: обратиться к греческим старшинам островов, предложив российское покровительство в обмен за уплату «посильных податей» и отказ от турецкого подданства. И когда старшины объявили себя подданными Екатерины II, Спиридов отправил реляцию в Петербург, при этом *очень удивив* и порадовав императрицу. Примечательно, что условия войны заставили адмирала продумывать вопро-

⁵ РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.

сы государственного строительства на завоеванных греческих островах, тогда как в Петербурге так и не сложилось определенного представления о том, что делать с возможными завоеваниями в Средиземноморье и какой тип правления для них избирать⁶.

За тридцать лет до того, как адмирал Ф.Ф.Ушаков трудился над созданием Ионической республики Семи островов (1800-1807 гг.)⁷ Г.А.Спиридов уже создал пространный конституционный проект идеального, с его точки зрения, государственного образования в форме «республики» или «архидукства» объединенных островов, имеющих свой выборный Сенат, свои органы местного самоуправления и судопроизводства, силы самообороны, определявший отношения церкви и светских институтов. Этот проект, долго незаслуженно не замечавшийся исследователями, может считаться одним из первых проектов возрождения греческой государственности с созданием институтов народного представительства. Но значение этого опыта можно оценить лишь в контексте аналогичных проектов государственного строительства эпохи Просвещения, исходя из понимания политической культуры, как российского военного командования, так и греческого населения. И если первое лучшим образцом государственного устройства почитало знакомые российские порядки (да и не должно было им предпочитать иного!), то второе не готово было ломать сложившиеся при османах патриархальные основы самоуправления, а лишь предполагало поменять «злого» иноверного сюзерена на «доброе» православное. В итоге как и в совместных военных акциях русских и греков, так и при первом опыте строительства нового политического образования на эгейских островах итогом было взаимное разочарование союзников и сомнение в надежности опоры на единоверцев.

Еще отчетливее различие политических культур и ожиданий от союзнических отношений проявилось в 1770-е гг.

⁶ *Смилянская Е.Б.* Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015. С. 127 – 178.

⁷ См.: *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф.Ушакова в Греции, 1798-1806. М., 1983.

при контактах русских с *иноверными* арабскими правителями. Интерес к Египту и Сирии, а точнее к возможности использовать сепаратистски настроенных правителей этой части Османской империи, появился, когда военный флот России уже был в Восточном Средиземноморье⁸. Этот интерес возник и в Петербурге, и в штабе Орлова с первыми известиями об успехах египетского правителя Али-бея, в 1770 г. объявившего о независимости Египта от Османской империи. В 1770 г. Али-бея оживленно обсуждали в переписке Екатерина и Вольтер, с осени 1771 г. осторожные контакты с Али-беем стал налаживать глава Архипелагской экспедиции А.Г.Орлов., а весной 1772 г. к египетским берегам прибыли российские переговорщики — близкий к Орлову граф Иван Войнович в сопровождении небольшой «греческой эскадры»; в помощь Али-бею и его союзнику палестинскому шейху Захиру ал-Омеру эта маленькая эскадра без особого труда изгнала турецкий десант, взяв Бейрут. В сентябре 1772 г. на помощь осадившим Яффу Али-бею и Захиру были присланы и российские военные советники С.И.Плещеев и Клингенау, правда, ожидаемого арабскими правителями военного подкрепления тогда не последовало. Только в 1773 г. к сирийским берегам, правда, уже после поражения и гибели Али-бея прибыли две небольшие российские эскадры, снова взяли Бейрут, и даже получили письменные уверения правителя друзов эмира Шихаба и шейха Акки Захира Омера быть в «подданстве» Екатерины II. Но, как и с греками Архипелага, в этом случае *покровительство* императрицы России, *присяга* и даже переход в российское *подданство* стали по большому счету лишь выражением разных форм сотрудничества с российским командованием. В политической системе региона господствовали личностные связи — вассальные или патрон-клиентские, и понятия «присяга», «покровительство», «подданство», зафиксировавшие это сотрудничество, все еще имели для левантийцев смысл не столько политико-юридический, как их определяет современное международ-

⁸ Это подробно рассматривает И.М.Смилянская, чьими выводами я пользуюсь. См.: Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. С. 333-411.

Начало военного присутствия России в Средиземноморье...

ное право, сколько репрезентативно-протекционистский, подобный выбору вассалом своего сеньора.

Таким образом, взаимодействие российских военных и с арабами в 1772–1774 гг., как и с греками, весьма красноречиво свидетельствовало о различии политических культур, военных стратегий и о преувеличенных ожиданиях партнеров. Разочарование в греках, которые оказались к удивлению российской императрицы и ее просвещенного окружения мало похожими на древних спартанцев, привели к тому, что дальнейшие планы освобождения Балкан и Архипелага от турок больше обсуждались с европейскими монархами, нежели с греческими депутациями. Опыт контактов с мятежными арабскими правителями также, кажется, имел весьма ограниченное применение, а между тем, недоучет этого опыта потом недешево стоил при планировании и проведении новых операций по утверждению российского влияния в регионе⁹.

Отдаленность Восточного Средиземноморья от российских границ, недостаточная очевидность (как по экономическим, так и по политическим соображениям) необходимости российского присутствия в этом регионе всегда порождали одновременно с открытием военных действий активизацию действий иного рода – войны словесной и символических демонстраций освободительной миссии России против «варваров».

Первая Архипелагская экспедиция была отправлена Екатериной под лозунгом спасения греков, стонущих под «иглом нечестивых», как защита наследников античной цивилизации от османского *варварства*¹⁰, даже как противостояние христианского и мусульманского мира (последний тезис Екатерина использовала в надежде на поддержку католиков). Для оповещения о своей праведной миссии по освобождению единоверцев российской императрицей были использо-

⁹ См.: Там же. С. 729-744; Кобищанов Т.Ю. Политика России на Ближнем Востоке в годы экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798-1801) // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2013. № 1.

¹⁰ Примечательно, что своего союзника мусульманина Али-бея императрица таким *варваром* не называла, напротив, ища в нем *веротерпимость!*

ваны, казалось бы, все имевшиеся в ее время каналы информации: российская и зарубежная периодическая печать, церковные проповеди, празднования побед.

Уже в 1769 г., когда флот отправлялся в Архипелаг в прессе была опубликована проповедь, включавшая обязательную похвалу Екатерине, которой Бог дарует: *«ревность к освобождению церкви святой и всего Христоименитого достояния от горького порабощения Сарацынского»*¹¹. Вскоре о миссии *россов* стали произносить стихи лучшие поэты екатерининского царствования В.Майков, М. Херасков, В. Петров. В 1775 г. В.Майков и В. Баженов стали организаторами больших многомесячных торжеств в Москве, посвященных победе в Русско-турецкой войне. На этих торжествах обыграны были и преимущества от приобретения земель в Новороссии, и восторженно отмечен успех флота в Восточном Средиземноморье. В частности, тогда будущий московский митрополит Платон (Левшин) произнес: *«Внезапу в отдаленнейших странах блеснул меч Россиан, и те места, которья прежде во училищах малым отрокам только перстом на бумаге показывали, та самыя места начал воин наш попирать победоносными стопами своими. Внезапу храбрым российским воинством покрылись не токмо поля Влашския, Молдавския, Бессарабския, Болгарския, Херсонския, Кубанския, Черкеския, но и Колхидския и Морейския, и Негромонтския [в смысле Черногорские. — Е.С.], и берега Архипелажские, но при том могу сказать и Сирийские, и Египетские. Везде приносили с собою страх и любовь; страх противящимся, человеколюбие побежденным»*¹².

В ходе войны пропагандистское оружие праздничных торжеств было нацелено на весьма обширную аудиторию и за пределами Российской империи: особенно значительны были праздники, устраиваемые А.Г.Орловым в Пизе (где подолгу пребывал Орлов и его штаб) и в Ливорно (где российские военные корабли находили пристанище), в Порт-Маоне

¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1769. №83. Прибавление.

¹² Платон (Левшин). Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Платон (Левшин). Слова... М., 1780. Т. 3. С.76.

на Менорке (где также принимали эскадры российского флота), в самом Архипелаге¹³.

Так, несколько европейских изданий описали российские праздники в Порт-Маоне с особенной иллюминацией: на фасаде собора появилась «перспектива, представлявшая армию и имя российской императрицы», а «на резиденции консула укрепили прекрасное искусственное пламя, которое с одной стороны пожирало турецкие мечети (вариант: зажженные огни представляли с одной стороны крест, торжествующий над турецкими мечетями), посреди чего читалась надпись «*Caterina Alexiovvona II. Imperatrice di tutte le Russie. Vivat. Vivat*». Екатерина II послала в дар местной греческой церкви Евангелие высотой два фута и шириной 15 дюймов в золотом окладе, чашу размером в полтора фута, два небольших блюда и большой золотой крест¹⁴.

Передача даров российской империи православным единоверцам являлась особым аспектом символического вторжения на новые территории¹⁵. Эти дары должны были подкрепить идею: российское присутствие в Средиземноморье является по сути *противовесом* военному насилию и призвано *защитить* православных от «ига неверных агарян». Уже при экипировке экспедиции, как известно, императрица дала распоряжения Синоду отправить на военных судах иконы, облачения, церковную утварь для раздачи в православные храмы и монастыри¹⁶. Исследование русских церковных памятников в Греции показало, что со второй половины XVIII в. поток таких даров, как от прави-

¹³ Смилянская Е.Б. Символическое значение "русских праздников" в Средиземноморье в 1770-е годы // Е.Р.Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 164-172.

¹⁴ *Notizie del Mondo*. 1770. № 95. P. 777; *Gazette d'Amsterdam*. 1770. № 101.

¹⁵ О многообразии символического значения даров см., например: На языке даров. Прав символической коммуникации в Европе 1000-1700 гг. / отв. ред. Г.Альтхоф и М.Бойцов. М.: РОССПЭН, 2016.

¹⁶ Судьба этих даров – дело непростых изысканий, которые мы проводили с искусствоведами и реставраторами во время экспедиций в Грецию в последние несколько лет. Игошев В.В., Смилянская Е.Б. Российские памятники в Греции и историческая память о российско-греческом взаимодействии в XVIII–XIX веках // Вестник РГНФ. 2013. № 2. С. 73-84.

телей, так от русских паломников и от греков, переселившихся в Россию, не прекращался. Золотые медали Екатерины, драгоценный кинжал А. Орлова на Патмосе, митры русской работы на Санторине и Паросе, оклады икон и книг на Тиносе и Наксосе оказываются важными свидетельствами многообразия путей, которыми Россия утверждала свое присутствие в Леванте. Щедрыми подарками Россия продолжала одаривать православное духовенство на Балканах, в Архипелаге, в Святой Земле и в дальнейшем, подкрепляя этими дарами шаги по созданию собственных дипломатических и церковных миссий¹⁷.

Обращаясь к изучению причин и специфики акций России в Восточном Средиземноморье в XVIII и XIX-XXI вв. нетрудно заметить некоторые параллели, найти повторяющиеся сетования относительно несбывшихся надежд, обвинения в сторону нестойких религиозных и идейных союзников. И хотя я далека от прямого, не учитывающего исторического контекста, сравнения российских операций разных эпох, мне представляется, что анализ *истоков* средиземноморской политики России позволяет выявить ряд недооцененных перспектив изучения и позднейших конфликтов в этом регионе. Важно в сравнительной ретроспективе:

- определить влияние культурных и религиозных стереотипов на восприятие реалий и на поведение участников военных походов в «чужую» цивилизацию в разные исторические эпохи;

- проанализировав политическую культуру сторон конфликта, оценить соответствие форм и методов действий российского командования на занятых территориях сложившимся реалиям политических институций Запада и Востока и др.;

- наконец, оценить успешность работы власти с общественным мнением в своей стране и за ее пределами, а так-

¹⁷ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006; Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013; Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции.

же резонанса, который, каждая военная операция получала в европейском и российском общественном мнении, формируя историческую память современников и потомков.

Постановка таких задач потребует, без сомнения, более широкого обращения к методологии исторической и политической психологии, компаративной культурологии, лингвистики, культурной антропологии, но, вероятно, в итоге позволит найти скрытые черты исторической преемственности и точнее оценить «человеческое измерение» войн и значение достигнутых в них успехов и допущенных ошибок.

Список литературы

Источники:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 79. Л. 5 об.-6.
2. Сб. РИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 301–302.
3. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 190. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.
4. Санкт-Петербургские ведомости. 1769. №83. Прибавление.
5. *Платон (Левшин)*. Слово на торжество славного мира, празднованного 1775 года иулия 10 дня (Успенский собор в Кремле) // Платон (Левшин). Слова... М., 1780. Т. 3. С.76.
6. Gazette d'Amsterdam. 1770. № 101.
7. Notizie del Mondo. 1770. № 95.

Литература:

8. *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.
9. *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 55–63.
10. *Игошев В.В., Смилянская Е.Б.* Российские памятники в Греции и историческая память о российско-греческом взаимодействии в XVIII–XIX веках // Вестник РГНФ. 2013. № 2. С. 73–84.

11. *Кобищанов Т.Ю.* Политика России на Ближнем Востоке в годы экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798-1801) // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2013. № 1.
12. *Лещиловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2.
13. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006.
14. На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе 1000-1700 гг. / отв. ред. Г.Альтхоф и М.Бойцов. М.: РОССПЭН, 2016.
15. *Смилянская Е.Б.* Греческие острова Екатерины II. Опыты имперской политики России в Средиземноморье. М.: Индрик, 2015.
16. *Смилянская Е.Б.* Символическое значение "русских праздников" в Средиземноморье в 1770-е годы // Е.Р.Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 164-172.
17. *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011.
18. *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик, 2015.
19. *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ф.Ф.Ушакова в Греции, 1798-1806. М., 1983.
20. *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о значении первого военного вторжения России в Восточное Средиземноморье в 1770-е гг. В центре внимания оказывается вопрос о причинах интереса России к присутствию в данном регионе и доказывается, что главным было закрепление статуса великой державы. Опорой России в регионе всегда считались православные единоверцы, но взаимодействие с

Начало военного присутствия России в Средиземноморье...

ними, как и с временными арабскими союзниками, не давало желаемого успеха из-за различия политических культур и нежелания осознать эти различия. Свою стратегию имела и война словесная, направленная на обоснование военных акций России в Средиземноморье.

Смилянская Елена Борисовна, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Кауркин Р.В., Павлова О.А.
**Некоторые наблюдения о потерях российской
армии в войне 1914-1918 гг.**

The criteria for statistical analysis were the titles of the lower ranks, religious status, marital status. The study authors came to a conclusion: the lower ranks of the considered provinces he served in almost all military units of the Russian Imperial army and Navy; the greatest number of lowest ranks – privates; the bulk of the losses involved in hostilities is classified as «missing in action»; the majority of the lower ranks were of the Orthodox religion, but there are also Muslims, the believers, old believers, Jews, Catholics, Protestants.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая война, «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны», «Воронежская Книга памяти Великой войны 1914–1918 гг.», потери, нижние чины российской императорской армии и флота.

Key words: the first world war, the Great war, «the Book of memory of Nizhegorodtsev –the lower ranks of the Russian army and Navy, the killed, deceased, missing in the First world war», «the Voronezh Book of remembrance of the great war 1914–1918».

Первая мировая война коренным образом повлияла на судьбу многих европейских государств, в том числе и нашего. Впервые, в мировой практике в этой войне главенствовал принцип тотального уничтожения живой силы противника. И надо особо отметить, что, как и в любой войне, в первую очередь на ней гибли представители наиболее здоровой, в физическом и моральном планах, части общества. Россия единственная из стран ее участников, которая до 2013 г. не имела государственного Дня памяти жертв этой войны.

Как отмечает Е.С. Сенявская: «Только за период с начала войны до 1 марта 1917 г. число мобилизованных в русскую ар-

Некоторые наблюдения о потерях российской армии...

мию достигло 15,1 млн. чел., а общие потери личного состава к 31 декабря 1917 г. составили 7,4 млн. чел., из них безвозвратные — около 1,7 млн. чел., не считая свыше 3,4 млн. пленных»¹.

Безвозвратные потери России в этой войне, по разным оценкам, составили от 1,5 до 3,5 млн. человек. Б. Ц. Урланис приводит следующий свод данных о погибших во время Первой мировой войны по различным источникам (Таб. 1.)².

Таблица 1. Данные о погибших в Первой мировой войне (в тыс.)

Автор, источник	Антигерманский блок						Германский блок			
	Россия	Франция	Англия	Италия	Румыния	США	Германия	Австро-Венгрия	Турция	Болгария
Дэринг	3000	1400	800	600	159	52	2000	1500	500	65
Французский журнал «Драпо блё»	1700	1385	934	465	159	51	2000	800	250	100
«Союз французских патриотов»	1700	1071	498	466	159	51	1677	688	437	-
Английский статистико-географический ежегодник	1700	1071	872	466	-	53	1600	688	437	-
Британский статистический ежегодник	-	1359	946	497	159	57	1824	-	-	70
Британская энциклопедия	1700	1358	908	650	336	126	1774	1200	325	87
Военное министерство США	1700	1358	908	650	356	126	1774	1200	325	88
«Большая Советская Энциклопедия» 1-е изд.	1800	1400	700	500	100	80	2000	1400	-	100

В работе «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации», вышедшей в издательстве Московского университе-

¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: «Российская политическая инциклопедия» (РОССПЕН), 1999. С. 37.

² Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. С. 558.

та указывается, что Россия потеряла в этой войне «погибшими в бою» 1 700 000 человек, раненые составили 3 850 000, «пропавшие без вести, пленные» исчислялись цифрой в 2 417 000, «военные потери на 1 млн. населения» равнялись 10 494 человека³.

В 2010 г. вышел первый том «Рязанской Книги памяти Великой войны 1914-1918 гг.»⁴ и «Указатели»⁵ к нему. Это было первое подобное издание в нашей стране. Через два года были опубликованы второй том⁶, а также «Дополнения к I тому»⁷ и «Указатели»⁸. Составители проделали гигантскую работу по выявлению и систематизации выявленного разнохарактерного материала. Общий объем этих публикаций составляет 3850 страниц (!) и включает в себя сведения по десяткам тысячам участникам Первой мировой войны.

В 2014 г. рабочая группа под руководством А. И. Григорова осуществляет еще несколько подобных изданий. В свет выходит первый том «Воронежской Книги памяти Великой войны 1914-1918 гг.»⁹, «Приложения» к нему¹⁰ и «Указатели»¹¹, общим объемом 2728 (!) страниц; «Крымская книга памяти Великой войны

³ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С Белоусова, А.С Манькина. М.: Издательство Московского ун-та, 2014. С. 716.

⁴ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Т. I. Составитель Григоров А.И. М., РосАрхив. 2010. Однако в «Предисловии составителя» первого тома Воронежской Книги памяти Великой войны 1914-1918 гг. А.И. Григоров пишет: «В 2006-2012 гг. нами выпущены 1-й и 2-й тома Рязанской Книги памяти Великой войны 1914-1018 гг.» // Воронежская Книги памяти Великой войны 1914-1918 гг. Составитель Григоров А.И. М., Московский Издательский Дом. 2014. С.2.

⁵ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Указатели к I тому. Составитель Григоров А.И. М.: РосАрхив. 2010.

⁶ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Т. 2. Составители Григоров А.И., Григоров А.А. М.: РосАрхив. 2012.

⁷ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Дополнение к I тому. Составитель Григоров А.И., М.: РосАрхив. 2012.

⁸ Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Указатели ко 2 тому. Составители Григоров А.И., Григоров А.А. М.: РосАрхив. 2012.

⁹ Воронежская Книга памяти Великой войны 1914-1918 гг. Т. I. Составитель Григоров А.И. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

¹⁰ Воронежская Книга памяти Великой войны 1914-1918 гг. Приложение к I тому. Составитель Григоров А.И. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

¹¹ Воронежская Книга памяти Великой войны 1914-1918 гг. Указатели к I тому. Составитель Рогге В.О. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

Некоторые наблюдения о потерях российской армии...

1914-1918 годов» том первый и «Приложения»¹²; «Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914-1918 годов»»¹³; «Костромское ополчение в Великой войне 1914-1918 годов»¹⁴. К сожалению, все издания вышли сверхминимальными тиражами и, в силу этого, малодоступны исследователям. К 100-летию начала Первой мировой войны была опубликована «Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны»¹⁵.

Данные по безвозвратным потерям нижних чинов российской императорской армии и флота, представленные в перечисленных выше работах несколько отличаются. Это ни в коей мере не говорит о каком-либо упущении составителей, а характеризует состояние архивного материала, как в провинциальных, так и центральных архивах нашей страны. Они включают в себя как архивный, так и опубликованный материал и составлены по территориальному принципу. В частях Воронежской книги памяти, посвященных отдельным воинским соединениям, приведены сведения не только по указанным губерниям, а по всем выявленным служащим этих соединений. Таким образом, территориальный принцип в ней расширен до всей Российской империи. Данные раздела «Потери нижних чинов – уроженцев Воронежской губернии по «Именным спискам убитым, раненым и без вести пропавшим солдатам» опубликованным в центральной прессе Российской империи в 1914-1918 гг.» дублируются в «Разделы частные» и составлены по архивным материалам из фондов ГАВО, в которых материал разбит поурездно. Об этой особенности структурной компоновки материала пишет С.В. Волков во «Вступительном слове» к первому тому Воронежской книги па-

¹² Крымская книга памяти Великой войны 1914-1918 годов. Дополнение к I тому. Составитель Составитель Григоров А.И. М., ООО МИД. 2014.

¹³ Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914-1918 годов». Составитель Григоров А.И. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

¹⁴ Костромское ополчение в Великой войне 1914-1918 годов. М.: Московский Издательский Дом. 2014.

¹⁵ Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. Ред. Кауркин Р.В. Н.Новгород. Деком. 2014.

мяти¹⁶. В отличие от Воронежской Нижегородская книга памяти составлена строго по территориальному и алфавитному принципам. Именные списки приводятся по административно-территориальному делению Нижегородской губернии на 1914 г., которая включала в себя одиннадцать уездов. Помимо уездов составители отдельно выделили раздел «Нижегородская губерния», в который вошли имена тех, в записях которых отсутствуют сведения об уездах и населенных пунктах, но они представлены в документах как уроженцы Нижегородской губернии или проживавшие в ней на момент их призыва в действующую армию. Исключение составляет лишь, помещенный в конце издания «Именных списков кавалеров Георгиевских крестов и медалей»¹⁷. Приведенные сведения, как указывают составители, далеко неполные и, возможно, не всегда точные, но так они представлены в сохранившихся документах и публикациях.

Отличительной особенностью этой работы является то, что она посвящена исключительно нижним чинам. В то время, как предыдущие включают в себя и офицерский корпус, и военных чиновников, и медицинских работников и др. Обоснование данного подхода помещено в «Предисловии»: «Составители Книги памяти умышленно отошли от определенного стандарта подобных изданий, когда вначале представлены имена командного, офицерского состава и уже затем все остальные. Однако основную тяжесть войны преодолевали в первую очередь нижние чины. Именно они массово гибли, именно они составляли коренную народную силу, именно с них и необходимо начинать отсчет»¹⁸. Источниковой базой «Книги памяти нижегородцев...» послужили данные фондов Центрального архива Нижегородской области, Государственного архива Нижегородской области г. Арзамас¹⁹ и нижегородской периодической печати.

¹⁶ Воронежская Книга памяти Великой войны 1914-1918 гг. Приложение к I тому. Сост. Григоров А.И. М.: Московский Издательский Дом. 2014. С. 1.

¹⁷ Книга памяти нижегородцев — нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. Ред. Кауркин Р.В. Н. Новгород. Деком. 2014. С. 363-371.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦАНО. Ф. 2. Канцелярия нижегородского губернатора; ф. 5. Нижегородское губернское управление; ф. 332. Ардатовское уездное управление Нижегородской губернии; ф. 727. Нижегородский губернский комитет Всерос-

Некоторые наблюдения о потерях российской армии...

Количественный состав персоналий определен следующим образом — в «Книге памяти нижегородцев...» были обработаны все данные — 9659 имен, из «Воронежской Книги памяти...» сделана выборка в 9600 человек. Рассматриваемые численные данные вполне репрезентативны.

Разнохарактерность источников наложила отпечаток на полноту информации о том или ином участнике войны, представленной в этих изданиях. Однако не смотря на это, в целом эти сведения представляют достаточно объективную картину, которую можно представить через несколько разнохарактерных срезов.

Нижние чины рассматриваемых губерний проходили службу практически во всех воинских соединениях русской императорской армии и флота. Исходные данные позволяют детально представить общую, хотя, видимо, далеко не полную картину кем они служили.

Таблица 2. Звания нижних чинов в списках «Книги памяти нижегородцев — нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны»²⁰

Звания нижних чинов	Ардатовский	Арзамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семеновский	Сергачский	Нижегородская	Всего
Подпрапорщик	3	5	3	6	1	5	5	2	2	1	2	2	37
Фельдфебель	1	3	2	2	-	3	3	3	4	-	1	-	22

сийского земского союза больным и раненым воинам и семьям призванных на войну; ф. 1963. Управление Балахнинского уездного воинского начальника Нижегородской губернии; ф. 1968. Управление Нижегородского уездного воинского начальника Нижегородской губернии; ГАНУ г. Арзамас. Ф. Ф-51. Ардатовское уездное по воинской повинности Присутствие, и др. «Нижегородский земский листок», «Нижегородская земская газета», «Нижегородский листок», «Волгарь» за 1914-1916 гг.

²⁰ Приведенные чины, звания, специальности и т.д. представлены в полном соответствии с источниками.

Ст. унтер-офицер ²¹	34	44	45	37	36	38	74	31	63	18	52	22	494
Мл. унтер-офицер ²²	39	44	23	45	1	33	78	32	63	20	44	6	468
Ефрейор ²³	94	108	33	111	93	90	170	8	117	80	106	32	1082
Рядовой ²⁴	549	496	462	592	540	566	953	426	868	464	673	264	6853
Мастер ²⁵	-	-				-		-	-	2	-		2
Фельдшер	-	1	-	-	1	-	-	-	2	-	1	-	5
Санитар	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Машинный кондуктор	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Унтер-офицер 1-й ст. ²⁶	1	-	2	1	-	-	-	-	2	1	-	1	8
Унтер-офицер 2-й ст. ²⁷	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Матрос ²⁸	2	-	3	-	-	1	-	3	-	1	2	2	14
Данные неизвестны	2	4	4	6	2	1	0	-	3	543	4	22	671
Итого	9659												

²¹ В данную графу включены так же: взводный унтер-офицер, старший фейерверкер, взводный фейерверкер, 1 человек с формулировкой «ст. лит.» — вероятнее всего это старший литавщик — звание соответствовавшее ст. унтер-офицеру.

²² В данную графу включены так же: младший фейерверкер.

²³ В данную графу включены так же: бомбардир, бомбардир-наводчик.

²⁴ В данную графу включены так же: рядовой-белобилетник, канонир, гренадер, лейб-гренадер, стрелок, драгун, улан, гусар, сапер, ратник, ратник-ополченец, ратник 1 разряда, ополченец, доброволец, новобранец, вольноопределяемый, вольнонаемный, нестроевой мл. разряда, нестроевой ст. разряда, наводчик, егерь, охотник, солдат, пехотинец, сигнальщик, хоровой музыкант, мл. музыкант, барабанщик, штаб-горнист, ст. писарь, мл. писарь, трубач, нижний чин, лаборат. (звание или должность не ясны).

²⁵ В данную графу включены так же: мастер ст. и мл. разряда.

²⁶ В данную графу включены так же: ст. гальванер, машинист унтер-офицер 1ст., моторный унтер-офицер 1ст.

²⁷ В данную графу включены так же: машинист унтер-офицер 2 ст.

²⁸ В данную графу включены так же: матрос 1 ст. и 2 ст., кочегар 2 ст., минный машинист, машинист.

Некоторые наблюдения о потерях российской армии...

Таблица 3. Звания нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

Звания нижних чинов	Кол-во человек
Рядовой ²⁹	6610
Младший унтер-офицер ³⁰	589
Старший унтер-офицер	476
Ефрейтор ³¹	1279
Подпрапорщик	64
Гренадер	478
Вахмистр, фельдфебель	9
Фельдшер, санитар	39
Полковой барабанщик, горнист, хормейстер	11
Данные не известны	36
Всего	9600

Основная масса потерь принимавших участие в боевых действиях относится к категории «пропал без вести». Даже суммарная цифра «убитых, умерших от ран и болезней, отравленных газом» и т.д. далеко стоит от этого показателя. Приводимые ниже таблицы ярко иллюстрируют это.

Таблица 4. Категории потерь в списках «Книги памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны»

Категория потерь	Ардаговский	Арзамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семеновский	Сергачский	Нижегородская	Кол-во человек
Убит ³²	139	170	141	135	92	89	279	127	305	301	148	50	1976
Пропал без вести ³³	566	516	477	642	603	641	990	414	749	648	724	206	7176

²⁹ В данную графу включены так же: канонир, драгун, гусар, егерь, кирасир, нестроевой, нестроевой младшего разряда, вольноопределяемый, сапер, ратник, кавказец, стрелок, улан.

³⁰ В данную графу включены так же: фейервейкер

³¹ В данную графу включены так же: бомбардир, бомбардир-наводчик.

³² Убит в 1914 г., – 1917 г., «год неизвестен».

Попал в плен ³⁴	1	2	2	1	1	1	5	-	3	30	2	1	49
Умер от ран ³⁵	6	10	11	7	2	4	9	2	22	31	3	11	118
Умер от болезни ³⁶	7	4	2	1	-	-	1	-	12	38	-	5	70
Умер в плену ³⁷	1	2	3	11	4	3	9	2	12	23	8	84	162
Умер ³⁸	5	1	6	-	1	-	-	-	19	59	-	4	95
Отравлен газом ³⁹	-	-	5	2	-	-	-	-	-	1	-	-	8
Отстал											-	-	2
Утонул		-		1	-	-	-	-	-	-	-	1	2
Самоубийство	-	-				-	-	-	1	-	-	-	1
Итого													9659

Таблица 5. Категории потерь нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

Категории потерь	Кол-во человек
Без вести пропал	7188
Убит	2117
Умер от ран	196
Оставлен на поле сражения	66
Всего	9600

Особо следует отметить, что из многотысячного списка, приведенного в Книгах памяти лишь у двоих из Нижегородской

³³ Пропал без вести в 1914 г., — 1917 г., «год неизвестен», считался пропавшим на 1918 - 1921 гг., «остался на поле сражения». Сюда так же включены: Вавин Сем. Ив. из Макарьевского уезда, который пропал без вести в период с 9 по 10 декабря 1914 г. (эти данные не пропечатались) и Корсаков Федор Иванов. из Семеновского уезда, судьба которого не установлена.

³⁴ Попал в плен в 1914 г. - 1917 г., «год не известен», «считался находившемся в плену» в 1918 г., 1921 г..

³⁵ Умер от ран в 1914 г., — 1918 г., «год неизвестен», «от несчастного случая».

³⁶ Умер от болезни: чахотки, оспы, столбняка, воспаления легких, дизентерии, бронхита, от паралича сердца, от брюшного тифа, от холеры, перитонита; в госпитале, в госпитале от гангрены, исключен из списков батареи как отправленный на лечение и не вернувшийся.

³⁷ Умер в плену в 1915 г. — 1917 г., «год неизвестен», «от туберкулеза», «от воспаления мозговой оболочки», «в резервном госпитале», «в креп. Госпитале», «в лазарете», «в лагере», «от воспаления слеп. кишки», «от холеры».

³⁸ Умер в 1914 г. — 1917г., «год неизвестен», «по дороге домой», «умер дома во время отпуска».

³⁹ «Отравлен газом», «умер от отравления газом».

Некоторые наблюдения о потерях российской армии...

указано «отстал» — это Соболев И. И. уроженец Горбатовского уезда и Горичев Н. В. из Нижегородского уезда⁴⁰. Даже если предположить, что они умышленно покинули войска — то их поступок носит явно исключительный характер.

Еще более уникальным представляется случай самоубийства «молодого солдата» 114-го запасного батальона Балова Константина «из крестьян Покровской волости Нижегородского уезда»⁴¹. В последующие войны данные случаи будут носить уже, в той или иной мере, массовый характер.

Помимо звания, семейного положения и др., в Книгах памяти отмечалось и вероисповедание. Основная масса нижних чинов были православными, однако встречаются и мусульмане, единоверцы, старообрядцы, иудеи, католики, протестанты. Однако в архивных и особенно в печатных материалах конфессиональная принадлежность отражалась далеко не всегда.

Таблица 6. Вероисповедание персоналий в списках «Книги памяти нижегородцев...»

Вероисповедание	Кол-во человек
Православный	9411
Магометанин	182
Старообрядец	48
Православный (по др. сведениям старообрядец)	1
Единоверец	1
Иудей	8
Католик	4
Лютеранин	1
Армяно-григорианской веры	2
Вероисповедание не установлено	1
Всего:	9659

⁴⁰ Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. Ред. Кауркин Р.В. Н. Новгород. Деком. 2014. С. 236.

⁴¹ Там же.

Таблица 7. Вероисповедание нижних чинов в списках «Воронежской книги памяти»

Вероисповедание	Кол-во человек
Православный	8846
Католик	28
Иудей	11
Старообрядец	39
Вероисповедание не установлено	676
Всего	9600

Как правило, в сохранившихся архивных документах указано семейное положение погибших, пропавших без вести и т.д. В то же время, в провинциальных газетных публикациях это не повсеместно нашло свое должное отражение. Поэтому цифры, приведенные ниже нужно воспринимать с определенной долей условности.

Таблица 8. Семейное положение персоналий в списках «Книги памяти нижегородцев...»

	Ардатовский	Арзамасский	Балахнинский	Васильсурский	Горбатовский	Княгининский	Лукояновский	Макарьевский	Нижегородский	Семеновский	Сергачский	Нижегородская	Кол-во человек
Женат	592	531	247	560	576	557	1053	373	499	618	621	190	6417
Холост	72	99	144	123	88	117	111	99	147	162	131	53	1346
Вдовец	4	3	-	1	1	2	3		4	3	2	-	23
Данные не известны ⁴²	57	72	256	116	39	62	126	73	474	348	131	119	1873
Итого													9659

Из таблицы видно, что вдовцы являлись исключением из общей массы. Соотношение «женат» — «холост» предстает

⁴² Сюда так же включено 10 человек с формулировкой «женат (по др. сведениям холост)».

Некоторые наблюдения о потерях российской армии...

в цифрах как 6417 к 1346. В процентном отношении это выглядит как 66,44 % к 13,9 %.

Таким образом, получается, что женатых было почти в пять раз больше чем холостых. Если мы применим соотношение «женат» — «холост» к графе «данные не известны» — то количество женатых возрастет до 7915 человек. Можно лишь догадываться, сколько вдовьих слез было пролито по всей России, сколько детей остались сиротами и пошли по миру.

Таблица 9. Семейное положение персоналий в списках «Воронежской книги памяти»

Семейное положение	Кол-во человек
Женат	7135
Холост	1437
Вдовец	64
Данные не известны	964
Всего	9600

Эта война, впрочем как и другие, которые вела Россия до и после нее, наносила в первую очередь урон людским ресурсам, общему генофонду страны. По данным Г. И. Шигалина в Первой мировой войне участвовало 22,6 % всего мужского населения Российской империи, а в армию было призвано 19 млн. человек⁴³.

Установить поименно всех солдат и офицеров Русской армии и флота – погибших в Великой войне задача крайне сложная, а скорее всего невыполнимая в силу существующей сохранности архивного материала.

Список литературы

1. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914-1918 гг. Т. I. Составитель *Григорьев А.И.* М.: Московский Издательский Дом. 2014.

⁴³ *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С.55.

2. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914-1918 гг. Приложение к I тому. Составитель *Григоров А.И.* М.: Московский Издательский Дом. 2014.
3. Воронежская Книга памяти Великой войны 1914-1918 гг. Указатели к I тому. Составитель *Рогге В.О.* М.: Московский Издательский Дом. 2014.
4. Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. Ред. *Кауркин Р.В.* Н. Новгород. Деком. 2014.
5. Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914-1918 годов». Составитель *Григоров А.И.* М.: Московский Издательский Дом. 2014.
6. Костромское ополчение в Великой войне 1914-1918 годов. М.: Московский Издательский Дом. 2014. Крымская книга памяти Великой войны 1914-1918 годов. Т. I. Составитель *Григоров А.И.* М.: ООО МИД. 2014.
7. Крымская книга памяти Великой войны 1914-1918 годов. Т. 1. Дополнение к I тому. Составитель *Григоров А.И.* М.: ООО МИД. 2014.
8. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации/ Под ред. *Л.С.Белоусова, А.С.Манькина.* — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 816 с. С. 716.
9. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Т. I. Составитель *Григоров А.И.* М.: РосАрхив. 2010.
10. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Т. 2. Составители *Григоров А.И., Григоров А.А.* М.: РосАрхив. 2012.
11. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Указатели к I тому. Составитель *Григоров А.И.* М.: РосАрхив. 2010.
12. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Дополнение к I тому. Составитель *Григоров А.И.* М.: РосАрхив. 2012.
13. Рязанская Книга памяти Великой войны 1914-1018 гг. Указатели ко 2 тому. Составители *Григоров А.И., Григоров А.А.* М.: РосАрхив. 2012.

Некоторые наблюдения о потерях российской армии...

14. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН), 1999. — 383 с.
15. *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. — СПб.: Полигон, 1994.
16. *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну. — М.: Воениздат, 1956.

Аннотация: Критериями статистического анализа стали звания нижних чинов, конфессиональное положение, семейное положение. В результате исследования авторы пришли к выводам: нижние чины рассматриваемых губерний проходили службу практически во всех воинских соединениях русской императорской армии и флота; наибольшее количество нижних чинов — рядовые; основная масса потерь принимавших участие в боевых действиях относится к категории «пропал без вести»; в своем большинстве нижние чины были православного вероисповедания, однако встречаются и мусульмане, единоверцы, старообрядцы, иудеи, католики, протестанты.

Кауркин Радислав Вячеславович, к.и.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Н.Новгород.

Павлова Ольга Анатольевна, к.и.н., доцент Нижегородского государственного инженерно-экономического университета Нижегородская область г. Княгинин.

Василенко Ю.В.

**Карлизм в Испании XIX в.: война и проблемы
политико-идеологической эволюции**

The article is devoted to the ideological evolution of Carlism in the XIX century. The author demonstrates how the course of military action influenced the formation of Carlist political ideology, what role in this process was played by its leaders (Carlos V, Charles VI and Charles VII), and how the opposition between the radical and moderate vectors evolved within this movement.

Ключевые слова: карлизм, «карлистские войны», правый радикализм, Испания XIX века.

Key words: Carlism, Carlist wars, right radicalism, Spain in the XIX century.

Испанский карлизм — одно из наиболее радикальных контрреволюционных течений Европы XIX в., представители которого отважились начать три внутрииспанские войны (1833-1876) и приняли активное участие в гражданской 1936-1939 гг. Уникальность карлизма заключается в том, что это единственное контрреволюционное течение XIX в., которое продолжает существовать и в XXI в. Возникнув в 1833 г. первоначально как следствие внутрдинастического спора испанских Бурбонов о порядке престолонаследия, карлизм в течение первого десятилетия своего существования из юридической коллизии превращается в политическую идеологию, которую в целом определяют как «испанский традиционализм». При этом необходимо иметь в виду, что понятия «испанский традиционализм» и «карлизм» синонимами не являются, поскольку в Испании существует и некарлистский традиционализм, который имеет свою довольно длительную историю становления (Х.Л. Бальмес-и-Урпия и Х. Доносо Кортес). Более того, историческая реальность всегда намного сложнее любой концептуализации. В результате, как пред-

ставляется, мы можем говорить о двух тенденциях в развитии карлизма как политической идеологии — радикальной (правый вектор в направлении потенциально праворадикального консерватизма) и умеренной (левый вектор в направлении потенциально либерального консерватизма), которые поочередно сменяли друг друга на протяжении двух последних столетий испанской истории.

В XIX в. одним из основополагающих факторов в соотношении двух активно формирующихся тенденций в развитии политической идеологии карлизма становятся так называемые «карлистские войны», которые можно назвать гражданскими лишь частично, поскольку само понятие «гражданства» в Испании в это время еще только формировалось. В результате все три «карлистские войны» выстраивались, скорее, на более традиционных для испанской истории идейно-ценностных дихотомиях, чем являлись собственно внутри-гражданским конфликтом: Традиция vs Инновация, Католицизм vs Просвещение, Испания vs Анти-Испания и т.д. В данном качестве политическая идеология карлизма уходит своими корнями в позднее средневековье. Между тем, каждая из трех «карлистских войн» ассоциируется с определенным претендентом на испанский престол (Карлосом V, Карлосом VI и Карлосом VII соответственно) вне зависимости от того, какое реальное участие они принимали в военных действиях, и можно ли их вообще считать политическими идеологами карлизма, а не просто неким знаменем или символом всего движения, вокруг которого различные группы карлистов собирались «здесь и сейчас».

Первая карлистская война (1833-1839), начавшаяся стихийно, пока Карлос V переезжал из Португалии в Великобританию (что позволяет историку-традиционалисту Ф. Суаресу Вердегеру снять с него все обвинения в ее развязывании¹), завершилась также без непосредственного участия претендента на испанский престол. Несмотря на то, что остаточное партизанское движение в горах Наварры и Страны Басков продолжалось еще как минимум до 1840 г., считается,

¹ Suárez Verdeguer F. La formación de la doctrina política del carlismo // Revista de Estudios Políticos. 1946. №25-26. p. 81-82.

что официально война заканчивается с подписанием «Вергарского соглашения» (31 августа 1839 г.), которое, по мнению современного испанского историка П.К. Гонсалеса Куэваса, было «*нечто большим, нежели военный пакт между противоборствующими сторонами об условиях сдачи*»². Согласно соглашению, за карлистами, возвращавшимися в ряды национальной армии, сохранялись все их военные чины и звания, полученные во время военных действий. Второй момент носил сугубо политико-идеологический характер: командуя войсками королевы Изабель II генерал Х.Б. Фернандес-Эспартеро Альварес де Торо пообещал порекомендовать королеве «даровать или модифицировать фуэросы»³ восставших провинций. Последнее можно было бы рассматривать как определенное достижение карлистов на данном этапе, однако именно оно обернулось в конечном итоге против них, поскольку благодаря «Соглашению» значительная часть умеренных карлистов во главе с генералом Р. Марото Исернсом, расстрелявшем в феврале 1839 г. нескольких несогласных со своей позицией миротворца радикалов и не испугавшегося угрожать самому Карлосу V⁴, почувствовала себя удовлетворенной, в то время как радикальная часть движения во главе с генералом Р. Кабрера-и-Гриньо по прозвищу «тигр Маэстрасго» собиралась сражаться и дальше; другое дело, что получилось это у них по большей части только в Каталонии. 7 октября 1839 г. генерал Кабрера обратился к своим «добровольцам» с пламенной «Прокламацией», заявив – и, как пишет историк-карлист граф де Родесно, «электризуя и фанатизируя остатки карлистской армии»⁵, – следующее: «Религия и Король просят новых усилий от нас; Король

² González Cuevas P.C. Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid: Biblioteca nueva, 2000. p. 91.

³ Clemente J.C. El Carlismo en el Novecientos español (1876-1936). Madrid: Huerga y Fierro, 1999. p. 32.

⁴ Ibid.

⁵ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. Madrid: Espasa-Calpe, 1929. p. 58.

и Религия их получают»⁶. «Кабрера тогда был прототипом экзальтации, иногда — жестокости»⁷, — утверждает граф.

По нашему мнению, с аналогичных позиций выступил бы и «Наполеон карлистов»⁸ капитан-генерал Т. де Сумалакарреги-и-де Имас, герцог де ла Виктория, если бы не был смертельно ранен 15 июня 1835 г. при осаде Бильбао. При этом, вытаскив на себе первый этап войны (1833-1835) как военный лидер наваррского карлизма, Сумалакарреги едва ли мог выступать в роли политического идеолога. Однако в истории карлизма осталась его «Прокламация» (20 апреля 1834 г.). Обвинив в развязывании войны «конституционную систему», революцию — в предательстве «героической Испании», а «монархическое правительство» — в нестабильности, Сумалакарреги выражает уверенность в широкой социальной поддержке династических прав «католического монарха» Карлоса V⁹. Предоставив своим солдатам возможность подумать и сделать выбор между спокойной жизнью и верностью долгу, генерал призывал их «освободить родину от зла», обеспечить ее «спокойствие» и вновь сделать Испанию «обожаемой всей Европой»¹⁰.

Прямые призывы к политическому насилию, алармизм и упрощение социально-политической реальности превращали обоих генералов — Кабреру и Сумалакарреги — в потенциально праворадикальных консерваторов. Что же касается Карлоса V, то после заключения «Вергарского соглашения» он столкнулся с дилеммой, на чью сторону встать: умеренных карлистов во главе с генералом Марото или радикальных во главе с генералом Кабрера. Поддержав однозначно воинственные намерения Кабреры, Карлос V сделал вполне ожидаемый выбор в пользу радикалов, «более близких, — как пишет каталонский историк Х.М. Санс Пуиг, — ему по мен-

⁶ Proclama de Cabrera. Las guerras carlistas en sus documentos. Barcelona: Ariel, 1998. p. 94.

⁷ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. p. 58.

⁸ Sans Puig J.M. Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. p. 48

⁹ Proclama de Cabrera. Las guerras carlistas en sus documentos. Barcelona. p. 94.

¹⁰ Ibid.

тальности»¹¹, – которую главный испанский специалист по истории карлизма Х.К. Клементе Муньос определяет как «интегрлистскую» (религиозно фанатичную)¹², – «запрограммировав» тем самым развитие всего карлистского движения на многие десятилетия вперед. В этом контексте совсем не удивительно, что после личного приказа Карлоса V «все авторы карлистской идеологии называют Марото предателем»¹³; притом что, настаивает Санс Пуиг, «нужно было быть большим фанатиком, чтобы не видеть уродливую роль дона Карлоса»¹⁴.

Вторая «карлистская война» (1846-1849) формально становится результатом провала переговоров о внутрдинастическом браке между потомками Фернандо VII и Карлоса V; фактически же противоборствующие стороны просто в очередной раз попытались разрешить все существующие противоречия силой оружия.

Что показательно, непосредственно военные действия были начаты ветеранами первой карлистской войны – генералами Кабрерой и Х.Х.М. де Альсаа-и-Гомендио. И если второй был пойман правительственными войсками еще на французско-испанской границе и сразу же расстрелян¹⁵, то «тигру Маэстрасго» первоначально сопутствовала удача. Соответственно, и первыми политическими идеологами второй карлистской войны становятся представители «партии войны», которые объясняли свои действия, как и положено всем радикалам, посредством коротких и простых слоганов, брачные же проблемы испанских королей отходили при этом в лучшем случае на второй план. Так, наваррский генерал Х. Элио-и-Эспелета, у которого, по мнению наваррского католического историка Х. Ларрайоса Сарранса, во время второй «карлистской войны» были все шансы стать генералом Сумалакареги, провозгласил такой лозунг, как

¹¹ Sans Puig J.M. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil*. Barcelona-Bogota-Buenos Aires-Caracas-México: Bruguera, 1976. p. 83.

¹² Clemente J.C. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles*. Barcelona: Martínez Roca, 2001. P. 199.

¹³ Sans Puig J.M. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil*. p. 84.

¹⁴ Ibid. p. 85

¹⁵ Rodezno, conde de. *Carlos VII, duque de Madrid*. p. 149-150.

«Карлос VI и забвение прошлого»¹⁶; в то время как Кабрера апеллировал просто к «мужественным ветеранам»¹⁷, не изобретая ничего нового.

Стараясь объяснить свою позицию более детально, генерал Элио в обращении к двум — наваррской и баскской — карлистским армиям с прямыми ссылками на манифесты Карлоса VI говорит о «необходимости создания чисто испанского правительства», подвергает критике «представителей партии, которая избрала своим лозунгом “порядок и свободу”» (т.е. правящую партию «модерадос»), и определяет «миссию» карлистского движения так: «Сохранить во всей чистоте и блеске святую Религию наших отцов, уважать и защищать ее священнослужителей; окружить трон силой и престижем, необходимыми для его сохранения; усадить на него суверена, которого требуют справедливость и счастье нации; утвердить фуэросы и привилегии, которые в течение стольких веков обеспечивали процветание нашей страны»¹⁸. Добавив к этому призыв «К оружию!», Элио необратимо превращается в радикала.

Между тем, одна из главных проблем карлистов во время второй «карлистской войны» заключалась в том, что их лидер Карлос VI, занятый своими любовными делами в Лондоне и, как пишет граф де Родесно, «колеблющийся всегда в самые решительные моменты своей жизни»¹⁹, так и не отважился появиться на театре военных действий, к чему его со всей политической логикой упорно призывали генералы²⁰. Нерешительность Карлоса VI привела не только к поражению карлистских армий, но в конечном итоге и к отречению самого карлистского лидера в пользу своего младшего брата Хуана III, который, будучи по своим убеждениям «либералом», «не хотел его принимать»²¹. Через семь лет после окончания второй «карлистской войны», в апреле 1856 г., Карлос VI делает

¹⁶ Larrayoz Zarranz J. La segunda guerra carlista en Navarra, 1848-1849. // *Príncipe de Viana*. 1956. №63. p. 171-172.

¹⁷ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. p. 150.

¹⁸ Larrayoz Zarranz J. La segunda guerra carlista en Navarra, 1848-1849. p. 172-173.

¹⁹ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. p. 153.

²⁰ Ibid. p. 151-160.

²¹ Ibid. p. 160.

по этому поводу официальное заявление: «...убеждение, которое я приобрел во время последней провальной попытки, в том, что усилия, предпринимаемые в мою пользу, всегда будут приводить к гражданской войне, которую я хочу избежать любой ценой. Поэтому я даю слово чести никогда больше не соглашаться на то, чтобы поднималось в Испании или ее доминионах мое знамя, и заявляю, что, если, к сожалению, в будущем кто-то упомянет мое имя, я буду считать его врагом моей чести и славы»²². Одновременно в письме королеве Изабель II Карлос VI пообещал «никогда больше не вмешиваться в политические дела»²³.

Как пишет граф де Родесно, Карлос VI «был слабым и имел всегда отмеченную тенденцию к личному отказу от своих прав и представительства, но унаследовал от своего отца безупречное благородство и доказанную приверженность принципам дела»²⁴. Либерально-консервативный испанский историк К. Секо Серрано также интерпретирует «идеологическую позицию» Карлоса VI как «колеблющуюся, неопределенную» и «двусмысленную»²⁵. Правда, подобную неустойчивость испанский историк связывает с общей – левой – тенденцией в политико-идеологической эволюции карлизма от «чистой реакции» Карлоса V к традиционалистским «древним средневековым свободам» Карлоса VII. Закономерным следствием подобной эволюции становится, по мнению Секо Серрано, и первый серьезный раскол в лагере карлистов, которому вольно или невольно посредством своей примиренческой политики содействовал «альтер-эго» молодого Карлоса VI Бальмес, а целенаправленно – либерально-консервативный «британский кабинет» во главе с лордом Пальмерстоном, с холодным расчетом, по словам Санса Пуига²⁶, подталкивавший претендента пойти «по либеральному пути»²⁷.

²² Ibid. p. 188-189.

²³ Ibid. p. 189.

²⁴ Ibid. p. 190.

²⁵ Seco Serrano C. Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. Barcelona: Ariel, 1973. p. 82-83.

²⁶ Sans Puig J.M. Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. p. 102.

²⁷ Seco Serrano C. Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. p. 83, 96-98.

Набиравшая силу по мере развития либерально-демократической революции 1868-1874 гг. третья «карлистская война» (1872-1876) получила новый импульс к развитию, когда новый лидер карлистов Карлос VII в очередном своем «Манифесте к испанцам» призвал их всех встать на защиту «святой религии наших отцов», «собственности» и «промышленности» против «аморальности» и «анархии»²⁸. Добившись определенных военных успехов и господствуя на значительной части территории Испании, как политический деятель Карлос VII сумел создать то, что до сих пор не удавалось ни одному из его предшественников, – «подлинно, – по словам Клементе, – независимое государство»²⁹. Для этого Карлос VII был вынужден восстанавливать средневековые свободы (фуэросы) подвластных ему испанских провинций (Каталонии, Валенсии и Страны Басков)³⁰, которые, однако, сразу же демонстрировали все ограничения нового карлистского проекта, поскольку были обращены в прошлое. Было очевидно, что в столице Карлоса VII, как в свое время и Карлоса V, за исключением небольших групп специфических политических интересов, никто не ждет. Более того, приняв экономическую поддержку со стороны крупной буржуазии, желавшей вернуть на испанский престол королеву Изабель II³¹, Карлос VII оказывался в роли объекта, а не субъекта политического процесса. Все это содействовало развитию и укреплению в лагере карлистов пессимистических настроений, заставивших в конечном итоге и Карлоса VII выйти из войны и со словами «Я вернусь» покинуть пределы Испании.

Несмотря на то, что в конце 1860-х гг. часть карлистов по-прежнему исповедовали идеи, взгляды и ценности потенциально праворадикального консерватизма, а Карлос VII демонстрировал «религиозную экзальтацию» и говорил об «испанизме» как общеиспанском национализме и «легитим-

²⁸ Carlos VII a los españoles // Los manifiestos políticos en el siglo XIX (1808-1874). Barcelona: Ariel, 1998. P. 195-196.

²⁹ Clemente J.C. Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles. Barcelona: Martínez Roca, 2001. P. 205.

³⁰ Ibid. p. 205.

³¹ Ibid. p. 205.

ной и подлинной монархии», за которой скрывалась так называемая «традиционная испанская монархия» и «анти-парламентаризм» как частное проявление протоавторитаризма, а также «децентрализация»³², производная от «средневекового – фюралистского – федерализма»..., «некоторые карлисты, – пишет Санс Пуиг, – воспользовались законной рамкой, которую предоставляла Революция, чтобы войти в политическую игру»³³, т.е. перейти от военных действий к парламентской деятельности, от радикального карлизма – к умеренному, что фактически было еще одним шагом в утверждении политической линии «предателя» генерала Марото в качестве карлистского «мейнстрима». Отсюда и поражение карлизма в третьей «карлистской войне», после которой это движение перестает существовать как совершенно самостоятельное уже навсегда.

В итоге сокрушительное поражение карлистского движения во всех трех войнах предопределило и генеральную логику его политико-идеологической эволюции справа налево: от правой – радикальной – тенденции (во времена Карлоса V) к левой как умеренной (во времена Карлоса VII), раскрывшейся в полную силу уже после окончания третьей «карлистской войны». При этом все три претендента на испанский престол – вопреки явно ройалистским настроениям в среде рядовых членов движения – оказывали на этот процесс весьма опосредованное влияние. Заявляя различные политические лозунги по ситуации, они не только постоянно уклонялись от личного участия в военных действиях, но и вели различного рода сепаратные переговоры о династических компромиссах как с правящей ветвью испанских Бурбонов во главе с королевой Изабель II, так и с иностранными правительствами как посредниками. Отсюда определяющим фактором в политико-идеологической эволюции карлистского движения становятся не его лидеры – представители так называемой «легитимистской династии», а, так скажем,

³² Clemente J.C. Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles. Barcelona: Martínez Roca, 2001. P. 141-241, 145-147, 152.

³³ Sans Puig J.M. Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. p. 124.

Карлизм в Испании XIX в.: проблемы и факторы эволюции

«среднее звено» участников движения – первоначально это были радикально настроенные генералы, а затем уже и более умеренные политические деятели-традиционалисты, за которыми шли или стояли либо жители каких-то испанских провинций, либо некие политические группы интересов. Именно они и сформировали тот самый «мейнстрим», который в конечном итоге и превратил карлизм в XX в. уже в сугубо маргинальное социально-политическое движение. Общая же логика политико-идеологической эволюции карлистского «мейнстрима» представлена в таблице ниже.

	Первая карлистская война (1833-1839)	Вторая карлистская война (1846-1849)	Третья карлистская война (1872-1876)
Политические силы	1. экзальтированные реалисты 2. чистые абсолютисты 3. паписты	1. умеренные реалисты 2. умеренные абсолютисты 3. военные «транзакционисты» 4. теоретики	1. форалисты 2. антицентралисты
Проблематика	1. религиозный вопрос 2. восстановление инквизиции	династический вопрос	1. фуэросы 2. аграрная реформа
Лозунг	«Да здравствует Инквизиция!»	«Бог и легитимный король!»	«Король и фуэросы!»
Идеологический вектор	Господство правой, радикальной, тенденции	Колеблющийся между радикализмом и умеренностью традиционалистский центр	Усиление левой, умеренной, тенденции

Наиболее ярко генеральная логика в политико-идеологической эволюции карлизма XIX в. проявится в судьбе некогда радикально настроенного генерала Кабреры. Так, еще во вторую «карлистскую войну» Кабрера, не добившись никаких военных успехов, начнет выступать с примиренческих позиций и «провозгласит эпоху Инквизиции и интолерантности умершей»³⁴, после чего уедет в Великобританию, где женится на богатой ан-

³⁴ Ibid. p. 104.

гличанке М.К. Ричардс и поведет жизнь богатого рантье. В начале 1860-х гг. Кабрера уже открыто будет проявлять скептицизм в отношении будущего карлизма³⁵, а в 1869-ом наотрез откажется участвовать в третьей «карлистской войне», притом что Карлос VII специально съездит в Лондон, чтобы попросить его об этом лично³⁶. В 1875 г. Кабрера признает легитимность Альфонсо XII³⁷, сына Изабель II, что для любого карлиста до сих пор является недопустимым в принципе, поскольку размывает саму идею борьбы. «Кабрера был разочарован»³⁸, — напишет о последних годах жизни карлистской легенды граф де Родесно.

Список литературы

1. Carlos VII a los españoles // Los manifiestos políticos en el siglo XIX (1808-1874). Barcelona: Ariel, 1998. P. 195-196.
2. *Clemente J.C.* Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles. Barcelona: Martínez Roca, 2001. – 254 p.
3. *Clemente J.C.* El Carlismo en el Novecientos español (1876-1936). Madrid: Huerga y Fierro, 1999. — 191 p.
4. Convenio de Vergara // Las guerras carlistas en sus documentos. Barcelona: Ariel, 1998. P. 91-92.
5. *González Cuevas P.C.* Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid: Biblioteca nueva, 2000. — 525 p.
6. *Larrayoz Zarranz J.* La segunda guerra carlista en Navarra, 1848-1849 // *Príncipe de Viana*. 1956. №63. P. 167-195.
7. Proclama de Cabrera // Las guerras carlistas en sus documentos. Barcelona: Ariel, 1998. P. 93-94.
8. Proclama de Zumalacárregui de 20 de abril de 1834 // Las guerras carlistas en sus documentos. Barcelona: Ariel, 1998. P. 31-32.

³⁵ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. p. 27, 10, 206-207, 235.

³⁶ Там же, p. 9, 54-55, 57-61, 103-104, 116-117, 188-192.

³⁷ Sans Puig J.M. Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. p. 131, 136-137.

³⁸ Rodezno, conde de. Carlos VII, duque de Madrid. P. 58.

9. *Rodezno, conde de*. Carlos VII, duque de Madrid. Madrid: Espasa-Calpe, 1929. — 263 p.
10. *Rodezno, conde de*. La princesa de Beira y los Hijos de Don Carlos. Santander: Cultura Española, 1938. — 273 p.
11. *Sans Puig J.M.* Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil. Barcelona-Bogota-Buenos Aires-Caracas-México: Bruguera, 1976. — 192 p.
12. *Seco Serrano C.* Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. Barcelona: Ariel, 1973. — 157 p.
13. *Suárez Verdeguer F.* La formación de la doctrina política del carlismo // Revista de Estudios Políticos. 1946. №25-26. P. 43-83.

Аннотация: Статья посвящена исследованию политико-идеологической эволюции карлизма в XIX в. Автор показывает, как ход военных действий повлиял на становление политической идеологии карлизма, какую роль в этом процессе сыграли его лидеры (Карлос V, Карлос VI и Карлос VII), и как в рамках движения развивалось противостояние радикального и умеренного векторов.

Василенко Юрий Владимирович, кандидат философских наук, академический руководитель ОП «История», доцент кафедры гуманитарных дисциплин социально-гуманитарного факультета, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Пермь.

Филатов Г.А.

Война как элемент идеологии франкизма

The francoist regime used widely the war thematic in its ideology. However, during the time this element of discourse changed a lot. Although in the first Francoism (1939-1957), war was considered as a salvation from the threats, at the end of Franco governance it was presented in the ideology as a terrible phenomenon per se.

Ключевые слова: Испания, Франко, франкизм, идеология, война.
Key words: Spain, Franco, Francoism, ideology, war. Ключевые слова: Испания, Франко, Франкизм, идеология, война.

Зарождение франкизма в условиях внутреннего конфликта в Испании обусловило особое отношения идеологии режима к теме войны. Казалось бы, военная диктатура, обосновывавшая свою претензию на власть победой в жесточайшем гражданском противостоянии, должна была сделать войну центром идеологического комплекса. И действительно на протяжении правления Франсиско Франко пропаганда постоянно обращалась к этой теме. Однако за почти 40-летнее существование режима тема войны подверглась глубокому пересмотру.

В самом начале своего существования франкистский режим придал гражданской войне в Испании священный характер, обозначив ее как «крусаду», то есть крестовый поход против всех, кто не разделял идеалов восставших: либералов, масонов, социалистов и коммунистов. Никакой компромисс с ними не предполагался.

30 сентября 1936 г. епископ Саламанки Пла-и-Даниэль опубликовал пасторское послание «Два города», уже своим названием отсылавшее к труду Блаженного Августина «Град Божий». Епископ утверждал, что «светская Испания уже не есть Испания». Чтобы ее победить, нужна очистительная война, «крусада» (крестовый поход): «Внешне она

носит характер гражданской войны, но в действительности это крестовый поход. Это был мятеж, но его целью было не нарушение, а восстановление порядка, сторонницей которого всегда являлась испанская церковная олигархия»¹. 1 июля 1937 г. появилось коллективное послание епископов Испании. В нем подписавшиеся церковные иерархи одобрили основные идеи, изложенные Пла-и-Даниэлем. С начала 1937 г. Франко в своих выступлениях все чаще обозначает войну именно этим понятием. Для Испании термин «крусада» имел особое значение, так как этим термином обозначали реконкисту — процесс отвоевания Пиренейского полуострова у мусульман.

Концепция «крусады» придала гражданскому конфликту в Испании ореол священной войны, борьбы с неверными. Те, против кого боролись франкисты, были объявлены неиспанцами, предателями, а значит ни о каком примирении речи и не могло быть.

С окончанием внутреннего конфликта война не ушла в область героического прошлого, а еще долгое время представлялась идеологией франкизма как нечто реальное и современное. Так, нападение Германии на Советский Союз подавалось франкистской идеологией как продолжение освободительной антикоммунистической борьбы, начавшейся в Испании в 1936 г. Теперь и боевые действия на Восточном фронте стали также называть «крусадой». Так, например, в наиболее популярной газете франкистской Испании «АВС» был целый раздел «Крусада против России»².

Эту войну испанские СМИ также провозглашали освободительной³. Подчеркивалось, что война, которую вели франкисты против «Коминтерна и Москвы» на территории Испании, продолжается, но уже в другом месте — в «логове врага». Особенно активно эта идея использовалась в пропаганде с момента отправки испанской добровольческой ди-

¹ Цит. по: Туньон де Лара М. Испанская церковь и война 1936–1939 гг. // Проблемы испанской истории. М., 1971. С. 125.

² АВС. Madrid. 16.05.1942. P. 9.

³ АВС. Madrid. 28.06.1941. P. 1.

визии на Восточный фронт⁴. По случаю ухода первых добровольцев руководитель Фаланги заявил: «Мы должны отомстить за наших погибших»⁵.

Эта идея активно поддерживается и в других испанских СМИ. В этом отношении интересны малоисследованные с точки зрения идеологии архивы испанских киноновостей No-Do (испанская аббревиатура «Noticias y Documentales»). Большинство репортажей в выпусках «No-Do», посвященных Восточному фронту, выходили под заглавием «Антикоммунистическая крусада». Характерным является выпуск «No-Do» конца мая 1943 г., начинающийся фразой: «Испания, помни!». В нем рассказывается о многочисленных жертвах советской власти: кадры разрушенной Испании, крестов на могилах убитых мирных жителей сопровождаются комментарием, что это была первая битва против коммунизма. Затем следует рассказ о расследовании Катынского захоронения с расстрелянными польскими офицерами — это, как повествует голос за кадром, «судьба, которая ожидает народы Европы». Но первый «бой был дан Франко, а сейчас его продолжает немецкая армия и ее союзники»⁶.

Многие репортажи этого раздела были посвящены воинским формированиям из разных европейских стран, сражавшиеся на Восточном фронте (Венгрии — № 12А, Франции и Норвегии — № 20А, Латвии и Эстонии — № 20В, Бельгии — № 25С). Все это должно было показать всеобщую солидарность с испанскими идеями: «Добровольцы со всего мира отправляются на борьбу с врагом Запада и всего цивилизованного мира»⁷. Традиционное пропагандистское клише о том, что борьба с советской Россией — это борьба цивилизации с

⁴ Голубая дивизия — 250-я дивизия испанских добровольцев вермахта. Свое название получила по обязательному атрибуту фалангистов — голубой рубашке. Действовала на севере Восточного фронта с 1941 по 1943 гг. После вывода основной части на фронте остался Голубой легион, существование которого скрывалось.

⁵ ABC. Madrid. 27.06.1941. P. 5.

⁶ No-Do. № 22А. 31.05.1943. URL: <http://www.rtve.es/filmoteca/no-do/not-22/1487669/> (Дата обращения 23.11.16)

⁷ No-Do. № 25С. 21.06.1943 URL: <http://www.rtve.es/filmoteca/no-do/not-25-2/1487666/> (Дата обращения 23.11.16)

варварством, довольно часто было лейтмотивом репортажей «No-Do». Так, в выпуске № 7А диктор говорил, что «солдаты на Восточном фронте оказывают неоценимую услугу Европе и цивилизации»⁸, защищая ее. В сюжетах, посвященных испанским бойцам, часто встречались выражения, обладавшие романтическим ореолом: солдаты «завоевывали славу для Родины»⁹.

Однако ход войны не совсем соответствовал пожеланиям франкистских идеологов. С марта 1944 г. когда отступление немцев уже было невозможно скрывать, выпуски «No-Do» все чаще используют термин «оборонительная война» применительно к немецким войскам. Они стремятся остановить «красную волну», надвигающуюся на Европу. Неожиданно освободительный антикоммунистический поход превращается в оборонительную войну против «коммунистических орд».

Таким образом борьбу Германии против Советского Союза идеологи франкизма поддерживали и даже подчеркивали, что Испания через своих добровольцев принимает в этом участие. В тоже время репортажи о боях на других фронтах представлялись нейтрально без явной поддержки одной из сторон. В газетах и в кинохронике с одинаковой периодичностью появлялись сюжеты как со стороны стран «Оси», так и со стороны союзников. Причем в течение долгого времени в кинохронике опускалось кто с кем воюет. Все стороны боролись с абстрактным «противником» или «врагом».

После окончания второй мировой войны Испания, как формальный союзник «Оси» оказалась в международной изоляции. В идеологии стали появляться идея об Испании, как осажденной врагами крепости. После того, как Испании было отказано во вступлении в ООН в Мадриде была организована многочисленная демонстрация в поддержку режима. Однако к середине 1950-х гг. Испания вышла из этого положения и была принята почти во все наиболее важные между-

⁸ No-Do. № 7А. 15.02.1943 URL: <http://www.rtve.es/filmoteca/no-do/not-7/1466995/> (Дата обращения 23.11.16)

⁹ No-Do. № 1А. 04.01.1943. URL: <http://www.rtve.es/filmoteca/no-do/not-1-introduccion-primer-noticiario-espanol/1465256/> (Дата обращения 23.11.16)

народные организации. С этого же момента начинаются постепенные изменения в самом режиме, взявшим курс на легкую либерализацию. Сначала она носила чисто экономический характер (отказ от автаркии), затем с середины 1960-х режим и политический. Претерпела серьезные изменения и тема войны в идеологии франкизма. В сюжетах и репортажах, связанных с войной, все больше подчеркивалось, что именно война вызывает разрушения и страдания. Отказ от однозначного возложения вины за все плохое, что несет война, на противника, позволило режиму во второй половине 1950-х выдвинуть свой вариант примирения со своими бывшими врагами.

Наиболее ярким материальным воплощением того, как режим видел примирение двух Испаний, может служить мемориальный комплекс «Долина павших». Первоначально монумент задумывался исключительно для восхваления победы Франко. Так, в декрете о начале строительства монумента говорилось, что основной целью является «увековечивание памяти погибших в нашей легендарной Крусаде»¹⁰. Однако в конце 1950-х гг. там были захоронены и останки погибших за Республику. Эта задумка не афишировалась, но к открытию мемориала в 1959 г. все карты пришлось открыть. Власти решили показать стране, что ради преодоления раскола между «двумя Испаниями» они готовы через 20 лет примириться с некоторыми из мертвых. Еще в мае 1958 г. на страницах газеты «АВС» родственникам погибших во время гражданской войны предлагали перезахоронить останки близких в Долине павших. Уже в первом абзаце этой заметки сообщалось, что главной идеей мемориала было создание усыпальницы для «тех, кто принес себя в жертву Богу и Испании, и тех, кто погиб во время Крусады, независимо от лагеря, в котором они сражались»¹¹. Единственным условием было то, что погибшие должны были быть испанцами и католиками. Эта заметка появилась в мае, а уже через несколько

¹⁰ BOE. 02.04.1940. № 93. P. 2240. URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1940/093/A02240-02240.pdf> (Дата обращения 23.11.16)

¹¹ El Monumento Nacional a Los Caídos // ABC. Madrid. 30.05.1958. P. 37.

дней, 9 июня, Франко заявил своему двоюродному брату Сальгадо Араухо: «Среди красных было много тех, кто сражался, так как выполнял свой долг перед Республикой, а также тех, кто был мобилизован насильственно. Монумент возведен не для того, чтобы продолжать разделять испанцев на две непримиримые группы. Он создан, и это всегда было моей задумкой, в качестве напоминания о победе над коммунизмом, который стремился к господству над Испанией. Так оправдалось мое желание — похоронить павших католиков из двух лагерей»¹². Таким образом, примирение предлагалось распространить лишь на часть бывших противников. Коммунисты же продолжали оставаться врагами режима. В статье, которую Франко опубликовал в партийной газете «Arriba» об этом монументе, он также писал об идее примирения: «Священный долг чтить память наших героев и наших мучеников обязан сопровождаться идеей прощения, которую внушает нам евангельское послание»¹³. В то же время надо отметить, что лицемерие режима заключалась в том, что строили этот монумент пленные республиканцы, многие из которых умерли от непосильного труда. Однако для нас главное, что это был первый серьезный идеологический шаг к отходу от бескомпромиссного деления на своих и чужих. То есть такой мировоззренческой позиции, которая проистекала из первоначального определения войны, как священной борьбы добра со злом.

Постепенно даже чисто военные темы стали приобретать более мирный оттенок. В начале это были единичные случаи. Так, во время празднование победы в 1960 г. впервые в небо выпустили голубей мира, которые, как говорил диктор за кадром, являлись «символом национальной интеграции»¹⁴.

Другим примером того, как менялось использование темы войны в идеологии франкизма стали торжества по слу-

¹² Franco Salgado-Araujo F. Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona, 1976. P. 239.

¹³ Franco F. Caídos por una España mejor // Arriba. 19.11.1961. P. 2.

¹⁴ No-Do. N° 906A. 16.05.1960. URL:<http://www.rtve.es/filmoteca/no-do/not-906/1469135/> (Дата обращения 23.11.16)

чаю «25 лет мира». Главным организатором торжеств был Мануэль Фрага Ирибарне, ставший министром туризма и информации с 1962 г. По замыслу устроителей, праздник призван был подчеркнуть не победу в войне, а мир, который удавалось поддерживать. Об этом свидетельствует хотя бы официальное название праздника. На сей раз тема гражданской войны была отодвинута на второй план настолько, насколько это было возможно. Пропагандистская кампания оставила в стороне традиционные темы: «крусаду», коварные планы масонов и коммунистов и т. д. Акцент был смещен в сторону вопросов более нейтральных, способствовавших примирению в стране: к примеру, говорилось об улучшении экономической и социальной ситуации. В течении всего года в стране проводилось множество мероприятий, приуроченных к этой круглой дате: прошла выставка плакатов под названием «Испания в мире» («España en Paz»), собранных затем в книгу «Да здравствует мир» («Viva la Paz»); была проведена особая лотерея¹⁵, выпущены специальные тиражи монет, медалей и марок (речь идет о 14 марках: на первой изображена рука с оливковой ветвью, на последней — сам Франко. На остальных представлены символы тех отраслей, где режим добился особых успехов: телекоммуникации, сельское хозяйство, туризм и т. д)¹⁶. Газеты писали о манифестациях и торжественных актах по всей стране, посвященных этому событию¹⁷. «Мирному» переосмыслению подверглось и прошлое. Так, статья газеты «АВС» о первом послевоенном правительстве была озаглавлена «Правительство мира: август 1939 года»¹⁸.

Традиционный военный парад, который обычно проводился по случаю победы франкистских войск в гражданской войне, в 1964 г. назывался в тот год «Парадом мира»¹⁹. Также была учреждена «Медаль мира», которая вручалась ветера-

¹⁵ BOE № 74, 26.05.1964. P. 3939–3940.

¹⁶ BOE № 62, 12 03.1964. P. 3261.

¹⁷ ABC.Madrid. 04.04.1964 P. 69; ABC. Madrid. 02.04.1964. P. 56.

¹⁸ ABC. Madrid. 01.04.1964. P.10.

¹⁹ No-Do. № 848B. 06.04.1959. URL: <http://www.rtve.es/filmoteca/no-do/not-848/1487547/> (Дата обращения 23.11.16)

нам гражданской войны²⁰. Она представляла собой крест, в центре которого было написано слово «мир». Правда, стоит отметить, что первые вручения этой награды состоялись через год в 1965 г.²¹ Помимо всего перечисленного, в честь этого праздника были названы больница на севере Мадрида, шоссе (теперь М-30), а также множество улиц и кварталов по всей стране. До сих пор в Аликанте сохранилась улица, а в Малаге целый квартал под названием «25 лет мира». Всем этим правительственные круги стремились продемонстрировать и стране, и всему миру, что Испания стала другой — мирной страной, терпимой к инакомыслию. Теперь главным достижением режима, основой его легитимации становилась не победа в гражданской войне, а именно мир, поддерживаемый и укрепляемый всеми силами государства. С этого момента в идеологии франкизма все больше доминирует «культура мира», более близкая новым поколениям испанцев, чем «культура войны».

Даже речи Франко стали иными. Значительное место в них занимало перечисление успехов, достигнутых страной за эти 25 лет, а особенно за последние годы в связи с действием плана экономической стабилизации и плана экономического развития.

В 1969 г. был издан закон, который снял уголовную ответственность за преступления, совершенные до 1 апреля 1939 г., то есть во время гражданской войны. В преамбуле закона говорилось, что после 30 лет мирной жизни пора завершить преследования за те события, которые «прошли во время борьбы между братьями»²², то есть уже в официальных документах война оценивалась, как братоубийственная, а не как война с чуждым иноземным врагом, как это было в годы первого франкизма.

Под более мирные задачи подстраивался и образ Франко. Так, если в выпусках «No-Do» с 1943 по 1949 г. Франко предстал перед зрителем в гражданской одежде в среднем в 17% случаев, то в 1950-е гг. (1950–1959) уже в среднем в 30%, а

²⁰ AGA. 52/2297

²¹ Arriba. 01.04.1965. P. 13.

²² BOE. 01.04.1969. №78. P. 4704.

в 1960-е эта цифра достигла уже 44%. В выпуске № 1702А от 25.08.1975 даже за военными учениями Франко наблюдал в гражданской одежде, чего раньше никогда не было: все военные мероприятия он всегда проводил в форме.

Да и сама война стала превращаться в идеологии из чего-то героического и необходимого в борьбе с угрозой страны в то, чего надо всеми силами избежать. Именно война, а не коварный враг, стала представляться в средствах массовой информации франкистской Испании, как причина разрушений и других бедствия. Так, например, в сюжете No-Do о войне на ближнем востоке голос за кадром сообщал: «Когда мы видим войну на ближнем востоке, мы еще больше ценим наш мир»²³. В последствии ужас перед гражданской войной, по мнению некоторых исследователей переходного периода Испании, отчасти способствовал мирному переходному периоду от диктатуры к демократии в Испании.

Таким образом видно, что постепенно в идеологии франкизма тема войны значительно менялась. Первоначально она представлялась как единственно возможный метод борьбы с врагом. Именно он нес разрушение, убийства и голод. Борьба с ним была священна и именовалась в идеологии франкизма «крусадой». Однако с течением времени в результате внутренних и внешних изменений в режиме отношение к войне менялось. Постепенно воинственная риторика уходит из идеологии. Начинает главенствовать мысль, что война ужасна сама по себе и ее надо избегать, в том числе и путем примирения с некоторыми из своих противников.

Список литературы

1. *Пожарская С.П.* Франсиско Франко и его время. М., 2007.
2. *Престон П.* Франко: Биография. М., 1999.
3. *Туньон де Лара М.* Испанская церковь и война 1936–1939 гг. // Проблемы испанской истории. М., 1971. С. 125.
4. ABC (газета).
5. AGA – Archivo general de administración.

²³ No-Do. N° 1275B.12.06.1967. URL: <http://www.rtve.es/filmoteca/no-do/not-1275/1487013/> (Дата обращения 23.11.16)

6. Arriba (газета).
7. BOE — Boletín oficial del estado.
8. *Franco Salgado-Araujo F. Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona, 1976.*
9. No-Do (кинохроника).
10. *Tussell J. La dictadura de Franco. Madrid, 1989.*

Аннотация: Идеология франкизма широко использовала тему войны. Однако с течением времени этот элемент претерпел серьезные изменения. Если сначала война воспринималась, как спасение от врагов, то к концу правления Франко в идеологии стало господствовать идея, что война ужаса сама по себе и ее надо избегать.

Филатов Георгий Андреевич, к.и.н., научный сотрудник Центра испанских и португальских исследований ИВИ РАН.

Петушкова Д.А.

Война за конец всех войн: пацифизм, интернационализм и борьба за мир во Франции в годы Первой мировой войны

The catastrophe of the Great War brought to life a widespread pacifist movement of such a large scale which Europe has never experienced before. The historiographical tradition often associates the struggle for peace during the war period primarily with history of the United Kingdom, while mostly ignoring the common peace and antimilitaristic effort in France. However, in spite of the preponderant militaristic atmosphere in France during the war period, there were also an impressive peace movement led by socialist militants, left-wing politicians and intellectuals seeking to prevent war and at the same time desiring to establish a solid peace based on the principles of international law. This article will consider three main types of peace activity in the French pacifist movement during the war: legal, socialist and absolute.

Ключевые слова: история Франции, Первая мировая война, пацифизм, интернационализм, Лига Наций.

Key words: French history, The Great War, pacifism, internationalism, League of Nations.

По словам известного французского исследователя политической истории Франции Рене Ремона «тема пацифизма является одной из главных проблем в политических спорах и идеологических расхождениях XX века», и первая тотальная война, поглотившая Европу в 1914-1918 годах, дала мощный толчок развитию пацифистской идеологии и антивоенному движению¹. Случай Франции представляется особенным, поскольку здесь патриотический подъем и волна антигерманских настроений в преддверие мирового кон-

¹ Rémond René. Le pacifisme en France au 20e siècle // Autres Temps. Les cahiers du christianisme social. N°1, 1984. pp. 7-19. P.7.

фликта захлестнули общество с невероятной силой, и на этом фоне борьба за мир социалистическими и либеральными движениями была проиграна практически без боя. Но пацифизм военных лет, оставаясь в оппозиции, способствовал развитию интернациональных устремлений и лег в основу послевоенной «эры пацифизма» 1920-1930-х годов. Пацифистский дискурс, получивший огромное влияние во время войны, стал неотъемлемой частью политической жизни европейских стран в межвоенное время, и Франции в первую очередь.

Основной проблемой исторической науки в изучении пацифизма является дефиниция самого этого понятия. Зачастую в литературе, посвященной борьбе за мир, различные по семантическому значению понятия сводятся к термину «пацифизм». Но ошибочно было бы понимать под пацифизмом любую антивоенную позицию — следует строго различать пацифистские чувства и убеждения, основанные на этических и религиозных принципах от пацифистского движения — по своему существу политического и имеющего целью препятствовать войне как средству достижения политических целей. В русском языке для разграничения этих направлений не существует отдельных терминов, тогда как англо-саксонская традиция установила для них разграничение в терминологии. В англоязычной традиции принято, вслед за А. Тэйлором², различать «пацифизм» (*pacifism*) и «пацифицизм» (*pacificism*). Французская традиция также разделяет «антивоенное чувство» (*sentiment pacifique*) и борьбу за мир (*militantisme pour la paix*)³.

Уточняя терминологию Тэйлора, М. Сеадель пишет, что пацифизм представляет собой доктрину тотального отказа от участия в войне и отрицание любого вида вооруженного насилия, тогда как пацифицизм осуждает войну и насилие, но признает легитимность военных действий для защиты от

² Taylor, A. J. P. (1957): *The Trouble Makers*, London: Hamilton. P. 51

³ Olivera Philippe, Offenstadt Nicolas. *L'engagement pour la paix dans la France de l'entre-deux-guerres : un ou des pacifismes ? // Matériaux pour l'histoire de notre temps, n°30, 1993. S'engager pour la paix dans la France de l'entredeux-guerres. pp. 53-56. P. 53.*

внешней агрессии и, таким образом, представляет собой политическую доктрину, а не этическую.⁴ Пацифизм, таким образом, это позиция личного, индивидуального отказа от войны по религиозным или моральным причинам, тогда как пацифизм является доктриной политических и международных институтов, призванных разрешать конфликты мирным путем. Согласно типологии Сеаделя, пацифизм можно разделить на две категории — условный и безусловный⁵.

К привычному в англо-саксонской традиции разделению на пацифизм условный и безусловный (или абсолютный), французский историк Норманн Инграм добавляет типологию пацифизма «нового» и «старого» типа в диахроническом срезе, подчеркивая, что пацифизм напрямую связан с событиями, происходящими в международных отношениях⁶. Первая мировая война пробудила волну пацифизма и создала мощное антимилитаристское движение, сохранявшее сильные позиции в межвоенные годы. Но агрессивно-наступательная политика, проводившаяся фашистской Италией и нацистской Германией, поставила перед пацифистами выбор между «умиротворением» и национальной обороной. После прихода к власти в Германии Гитлера в 1933 году из пацифистского движения выходят его главные сторонники — А. Эйнштейн, затем Ромен Роллан и даже Симона Вейль. Мюнхенский сговор 1938 года стал Рубиконом, после которого стало ясно, что мирными средствами конфликт разрешить невозможно, и это стало причиной раскола в пацифистском движении.

Следует подчеркнуть, что «пацифистские настроения» и организованное движение за мир не только не совпадают, но первые далеко не всегда заставляют людей вступать в активные антивоенные движения. Пацифизм как стремление не допустить войны, отказаться от ее участия — с одной стороны, и на более высоком уровне — стремление к установлению прочного мира, основанного на твердых принципах

⁴ Ceadel, Martin (1989). *Thinking about Peace and War*, Oxford. P. 4-5

⁵ Harvey L. Dyck. (ed.) (1996). *Pacifist Impulse in Historical Perspective*, Toronto: University of Toronto Press. P. 21

⁶ Olivera Philippe, Offenstadt Nicolas. *Opt. cit*, p. 55.

международного права характеризуют пацифистское движение во Франции в рассматриваемую нами эпоху. Говоря о неоднородности движения за мир, следует назвать различные направления в нем, а именно: *правовой (теория справедливой войны), социалистический (условный), а также абсолютный (отрицающий всяческое вооруженное насилие как таковое).*

До событий Великой войны в общественных настроениях была распространена героический образ войны, война идеализировалась и эстетизировалась, подкрепляемая реваншистскими настроениями. Поражение Франции в войне с Пруссией в 1871 году считалось общенациональным поражением, пощечиной, которая подпитывала в консервативных и правых силах надежду на реванш. Победа пацифистских настроений во французском и шире – европейских обществах стала следствием четырехлетнего кошмара Первой мировой войны, унесшей более 11 миллионов жизней и разрушившей старую Европу «золотого века» до основания.

Абсолютный пацифизм

В годы войны во Франции *абсолютными* пацифистами считались пораженцы, предатели родины, по моральным причинам отказавшиеся идти на фронт. Клейма «национального предателя» за выражение позиции индивидуального пацифизма был удостоен на родине известный интеллектуал, писатель и сторонник мира Ромен Роллан. Уехав от войны в нейтральную Швейцарию, он писал статьи, надеясь найти отклик у мирового сообщества и сформировать интеллектуальный протест «коллективного духа» против военного кошмара. Он глубоко переживал войну как личное горе, война виделась ему не борьбой «цивилизации» против «немецкого варварства», как это представляла государственная пропаганда, а как трагедию и саморазрушение единой в духовном отношении Европы, «кощунственной схваткой, в которой мы видим Европу, сошедшую с ума, всходящую на костер и терзающую себя собственными руками, подобно Геркулесу!». Его статья «Над схваткой»⁷, опубликованная в газете *Journal de Geneve* 22 сентября 1914 года — манифест не-

⁷ Р.Роллан. Собрание сочинений, т. XVIII, Л., "ГИХЛ", 1935. http://az.lib.ru/r/rollan_r/text_0060.shtml

насильственного действия, идеологическое оправдание индивидуального отказа от войны, вызвал волну критики, обвинения в предательстве и пораженчестве. Лелея надежду объединить европейских интеллектуалов в общем антивоенном протесте, он так и не примкнул ни к одному пацифистскому движению и остался «пристрастным зрителем» над схваткой, но после войны был удостоен Нобелевской премии по литературе «за литературный идеализм» и за вклад в дело мира.⁸ Как мы видим, позиция абсолютного пацифизма возможна как индивидуальный моральный выбор, но с политической точки зрения эта доктрина не способна привести желаемые прогрессивные изменения.

Социалистический пацифизм

Монополию на пацифистскую идеологию разделяли между собой левые и либеральные силы, первые опирались на коммунистическую идею о войне как продукте империализма, вторые, не стремясь изменить существующую систему, сильно реформировать ее, поставив в жесткие рамки правового регулирования. В атмосфере назревающего конфликта противниками вступления в войну с Германией были левые партии и движения. Стоит отметить, что борьба за мир традиционно связана во французской истории именно с левыми. Объяснение этому можно дать, исходя из идеалов «правого крыла» — национальное величие, безусловное уважение к армии и военной мощи, авторитету, дисциплине, национальному патриотизму, замешанному на шовинизме и анти-идеалистическому взгляду на природу человека — война неизбежна, поскольку она является проявлением человеческой природы и склонности к насилию⁹.

Самыми активным сторонником интернационализма перед началом Великой войны были французские социалисты, главным образом — Французская секция рабочего интернационала (СФИО). Выразители идеи солидарности ра-

⁸ Fisher, D. J. (1988). *Romain Rolland and the Politics of Intellectual Engagement*, Berkley: University of California Press. P. 85.

⁹ Rémond René. *Le pacifisme en France au 20e siècle // Autres Temps. Les cahiers du christianisme social. N°1, 1984. pp. 7-19. P. 11.*

бочих всего мира, социалисты считали виновниками войн господствующий класс, тогда как расплата за его империалистические мотивы ляжет на рабочих. Главным защитником мира среди социалистов становится блестящий оратор и лидер партии Жан Жорес, до последних дней жизни сопротивлявшийся вступлению страны в войну. «Капитализм несет в себе войну, как облако — молнию», утверждал он, в своих речах и выступлениях выступая за международную рабочую забастовку — тогда остановятся заводы и транспорт, будет бойкотирован военный призыв и правительства потеряют возможность развязать военное столкновение. В знаменитом выступлении 24 ноября 1912 года в Бале перед международной социалистической делегацией, Жорес призвал рабочий интернационал сплотиться и общими усилиями остановить надвигающуюся катастрофу: «*Vouos voso*: я взываю к живущим, чтобы они встали на защиту против чудовища, появившегося на горизонте»¹⁰. В борьбе против империалистической войны, в которую правительства втягивают своих граждан, Жорес готов был на прямое столкновение с властями и даже на революцию, будучи убежденным, что установление социализма покончит с войнами раз и навсегда. В отличие от правового пацифизма, социалистический отрицал лишь одну войну — империалистическую, но готов был вести самую кровопролитную войну за освобождение рабочего класса против капиталистического строя.

Убийство Жореса правым радикалом накануне объявления войны в июле 1914 года поставило крест на антивоенном социалистическом движении, Французская секция рабочего интернационала, расколотая после смерти своего лидера, поддержала решение правительства о всеобщей мобилизации. В Палате депутатов лишь два представителя социалистической партии проголосовали против вступления в войну, а затем покинули Палату Депутатов. Националистические настроения взяли верх над стремлением к миру, и, как напишет Ромен Роллан о социалистах в статье «Над

¹⁰ Jaures, Jean “J’appelle au vivants”, 1912. URL: http://www.jaures.eu/ressources/de_jaures/jappelle-les-vivantsdiscours-au-congres-de-bale-1912/

схваткой», эти «апостолы интернационализма...внезапно показали себя самыми пламенными националистами»¹¹. Социалисты проиграли борьбу за мир, и к тому же раскололись на умеренных и радикальных – последние после революции 1917 года присоединятся к третьему Интернационалу, основанному В. Лениным, и образуют Коммунистическую партию Франции. В межвоенные годы вопрос о средствах и методах достижения международного мира станет главным камнем преткновения в дебатах между социалистами «старого типа» и коммунистами, не позволив им выстроить общую линию в противостоянии с немецким национал-социализмом.

Правовой пацифизм

Так называемый либеральный интернационализм или правовой пацифизм во Франции выступал за усиление международного права и системы арбитража и нашел свою реализацию в образовании первой организации мира, Лиги Наций. Правовой и буржуазный (в противовес социалистическому и революционному) пацифизм — умеренное крыло пацифистского движения. Уже в конце XIX века во Франции появляется все больше организаций и обществ, представители которых стремились к законодательному ограничению войны — Общество Мира посредством Права (*Association de la Paix par le Droit*), Лига в поддержку международного Арбитража (*Ligue pour l'Arbitrage international*), Лига прав человека (*Ligue de Droit de l'Homme*). Они защищали идеи, которые могут быть классифицированы как доктрина справедливой войны: они признавали, что война не может быть полностью устранена из мировой политики, но ее необходимо ограничить. Являясь сторонниками условного пацифизма, они полагали, что военное насилие должно применяться строго в

¹¹ Роллан, Ромен. Собрание сочинений, т. XVIII, Л., "ГИХЛ", 1935. http://az.lib.ru/r/rollan_r/text_0060.shtml

рамках закона и только в виде санкций против страны-нарушителя¹².

Еще до войны в ходе знаменитых Гаагских конференций, заложивших основы правового ограничения войн, французские представители — Леон Буржуа и Теодор Руиссен, выдвинули концепцию международного арбитража и создания международной организации обеспечения мира. В историографии идею создания подобной организации, в последствие названной Лигой Наций, традиционно приписывают англо-американским политикам и в первую очередь Вудро Вильсону, но первым выразителем идеи международного сотрудничества с целью безопасности от войн стал французский политик-радикал Леон Буржуа. Именно он в 1909 году ввел в широкий оборот название «Общество наций» (*Société des Nations*), в основе которого лежала идея решения конфликтов между нациями правовым путем («Реальный мир невозможен, если он не основан на господстве права», утверждал Буржуа¹³). Но развитие либерально-реформистского движения за мир нашло свое главное препятствие в лице правительства в период военных действий. Правительство, пытавшееся мобилизовать все ресурсы для достижения победы в войне, видело в подобных движениях угрозу «пацифистской пропаганды». Была запрещена публичная деятельность ассоциаций в поддержку мира и Лиги Наций, и лишь по окончании войны вопросы мира стали доступны для обсуждения в прессе и в политических выступлениях. Французский юрист Теодор Рюиссен огорченно констатировал, сколь подозрительно национальная пресса относится к пацифизму «плешивому и паршивому, от которого исходит все зло и на который ложится тяжесть ответственности в происхождении самой войны»¹⁴. В эпоху патриотического подъема и всплеска шовинизма пацифизм ассоциировался с пораженчеством.

¹² Jean-Michel Guieu. "Les juristes français, la Société des Nations et l'Europe". http://jmguieu.free.fr/Recherches/Articles_PDF/GUIEU_juristesSDN_Europe.pdf

¹³ Bourgeois, Léon (1909). Pour la Société des Nations, Paris. P. 9.

¹⁴ Defrasne, Jean (1994). Le pacifisme en France : Paris, PUF. P. 8.

Главный защитник и создатель идеи Общества наций Леон Буржуа представлял французскую сторону на Парижской мирной конференции в 1919 году, предложив свой план по созданию Лиги Наций, которая обязует своих членов сократить национальные вооружения и создать военный контингент для обеспечения безопасности и предотвращения глобальных военных столкновений. Безусловно, создание организации, ставшей символом мира и предотвращения войны, совершило революцию в международном праве, но поскольку план Л. Буржуа был отвергнут союзниками, война не объявлялась вне закона и, как известно, Лига Наций осталась лишена средств принуждения к миру, что и показало ее нежизнеспособность в 1930-х годах.

Заключение

История французского пацифизма лишь с недавних пор стала привлекать исследователей, благодаря сближению подходов политической истории, истории идей и культурной истории во французской историографии. Но разнообразие форм и методов идеологической и политической борьбы за мир во Франции в годы Великой войны и в межвоенный период открывают широкий простор для исследователя, давая возможность открытия ранее неизученных сюжетов и проблематик.

Список литературы

1. *Bourgeois, Léon* (1909). *Pour la Société des Nations*, Paris.
2. *Ceadel, Martin* (1987) *Ceadel, Martin* (1989). *Thinking about Peace and War*, Oxford.
3. *Defrasne J.* (1994). *Le Pacifisme en France*, Paris: PUF.
4. *Fishe, D. J.* (1988). *Romain Rolland and the Politics of Intellectual Engagement*, Berkley: University of California Press.
5. *Harvey L. Dyck* (ed.) (1996). *Pacifist Impulse in Historical Perspective*, Toronto: University of Toronto Press. P
6. *Guieu J-M.* "Les juristes français, la Société des Nations et l'Europe". URL:
http://jmguieu.free.fr/Recherches/Articles_PDF/GUIEU_juristesSDN_Europe.pdf

Война за конец всех войн: пацифизм, интернационализм...

7. *Olivera P., Offenstadt N.* L'engagement pour la paix dans la France de l'entre-deux-guerres : un ou des pacifismes ? // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, n°30, 1993. S'engager pour la paix dans la France de l'entredeux-guerres. pp. 53-56.
8. *Rémond R.* Le pacifisme en France au 20e siècle // *Autres Temps. Les cahiers du Christianisme social*. N°1, 1984. pp. 7-19.
9. *Taylor, A. J. P.* (1957): *The Trouble Makers*, London: Hamilton.

Аннотация: Первая мировая война дала мощный импульс к развитию пацифистского движения в Европе, никогда ранее не достигавшего столь внушительных масштабов. В историографической традиции антимилицаристское движение в годы Великой войны связывают, прежде всего, с историей Великобритании, тогда как усилия французских политических деятелей, юристов и интеллектуалов по сохранению мира остаются без внимания. Несмотря на волну милитаристских настроений, захлестнувших общество в 1914 г., усилия участников движения за мир по предотвращению войны и, в то же время, их деятельность по разработке механизма предотвращения войн посредством международно-правового регулирования являются важной вехой в истории пацифизма в XX веке. В данной статье будут рассмотрены три основных направления во французском пацифизме в годы войны: правовой, социалистический и абсолютный.

Петушкова Дарья Алексеевна, аспирант Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Кобринец М.А.
Специфика конструирования образа врага в
контексте англо-ирландских отношений на
рубеже XVI-XVII вв.
(на материале «Взгляда на современное положение Ирландии» Эдмунда Спенсера)¹

In the article the author considers the image of the enemy, created in the 90-s by an English poet Edmund Spenser in his work "View of the present state of Ireland". How do such subjects as justifications of a murder, subjugation of human nature of the Irish and approval of the ideals of the Italian humanists about the value of human life adjoin in one book? And by what artistic and rhetorical means does the author produce the impression of such a drastic and unbridgeable disparity between the English and the Irish? We consider the main characteristics of the "enemy" in the work of Spenser and try to determine by what they were conditioned, referring to historical facts and analyzing the specifics of the English humanist thought of the post-reformation stage.

Ключевые слова: образ врага, Ирландия, английский гуманизм, елизаветинская Англия, Эдмунд Спенсер

Key words: image of the enemy, Ireland, the English humanism, Elizabethan England, Edmund Spenser.

Конец XVI-начало XVII веков — время, когда культурная и политическая жизнь Англии претерпевала коренные изменения, отвечая на внутренние и внешние вызовы, которые ей бросала эпоха. Усиление династии Тюдоров, становление абсолютизма, столкновение католического и протестантского миров, а так же формирование английской куртуазной куль-

¹ Статья написана на основе выпускной квалификационной работы, подготовленной в 2016 г. под научным руководством О.А. Зотова (МГУ им. М.В. Ломоносова).

туры и расцвет драматического искусства. Именно в этот богатейший исторический период жил поэт, старший современник Шекспира, Эдмунд Спенсер. Он родился в Лондоне в 1552 году примерно через пять лет после того, как завершилось 36-летнее царствование второго короля из династии Тюдоров, Генриха VIII, которое было ознаменовано не только традиционными войнами с Францией и Шотландией, но также церковной Реформацией и превращением Англии в империю в результате подчинения Ирландии. Будучи мальчиком, Спенсер получил образование в Лондоне в Купеческой Школе Тейлора и поступил в Пембрук-колледж (Кембридж). Его биография — предмет многочисленных исследований, но выстроить ясную и достоверную картину его жизни так и не удается. В июле 1580 года он посетил Ирландию в качестве представителя лорда Артура Грэй де Вильтона, где сталкивается с совершенно иными нравами, привычками, обычаями местного населения. Здесь рождаются его первые впечатления, которые впоследствии воплотятся в систему представлений по вопросу ирландской политики, изложенные во «Взгляде на современное положение Ирландии». Перед Спенсером стояло множество задач: дискредитировать политику англо-норманских потомков в Ирландии (*Old English*), разработать собственную программу мер по отношению к ирландскому государству и, конечно же, наиболее убедительно обосновать необходимость его колонизации. В процессе решения данных задач автором формируется образ ирландского врага, который Спенсер стремится представить наиболее убедительным.

Прежде всего, стоит отметить, что «Взгляд на современное положение Ирландии» было написано в форме диалога между персонажами по имени Ириней (голос автора) и Евдокс. Спенсер воспринял сам метод, которым пользовался Сократ и развил Платон, согласно которому диалог представлял собой «некую исследовательскую программу»², а результатом ее выполнения являлись достоверные и выдержавшие вдумчивую полемику поло-

² Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. Прогресс-Традиция Москва, 2009. С. 223

жения. Ириной, отвечая на различные вопросы и сомнения Евдокса, развивает свою программу, благодаря весьма поверхностной полемике. Однако форма диалога дает возможность автору сделать более наглядными «научность» и «обоснованность» собственного тезиса, провозглашаемого в качестве объективной истины, предвосхитив многие возражения современников. Диалог как специфический метод познания позволяет избежать столь чуждого гуманистической эпохе слепого догматизма. Автор, на чье мировоззрение непосредственно повлияли труды итальянских гуманистов, скорее всего, принимал в числе прочих положений принцип, гласивший, что «способ доказательства входит в саму истину»³, который реализовывался в гуманистических диалогах. Можно сказать, что в эпоху итальянского Ренессанса на сцену вновь вернулось «диалогическое миропонимание» и стало центральным для всей специфики культуры Возрождения в целом. По мнению Л.М. Баткина, «диалог не «используется» итальянскими гуманистами, а, так сказать, использует их, меняет их соответственно применяемым ими литературно-жизненно-мыслительным приемам»⁴. Если в отношении итальянского гуманизма диалог не является «формой», а есть «самое что ни на есть глубинное содержание культуры»⁵, то в отношении «Взгляда на современное положение Ирландии» всё прямо противоположно: автор активно использует диалог и именно как форму, подчиняет природу диалога собственным задачам. Особенно явным это становится, если мы рассматриваем данное произведение как программно-политический документ.

Важно отметить те обстоятельства, в которых создавалось данное произведение.

³ Баткин Л. М.. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука 1978. С. 137

⁴ Баткин Л. М.. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука 1978. С.130.

⁵ Там же.

Во-первых, вторая половина XVI века в Англии — это время непрерывных ирландских восстаний. Ситуация на острове нестабильна, предотвратить угрозу окончательно англичанам не удастся. Английское правительство успешно использовала междоусобные распри О'Муров и О'Конноров (в итоге конфисковав земли и тех и других), Ормондов и Десмондов на фоне неухающих восстаний в Мюнстере (в стремлении ослабить обоих) и т.д. Английский путешественник Файнс Морисон писал: «Обычно, когда какой-либо мятеж волновал государство, наша политика состояла в том, чтобы не подавлять его собственным оружием, а возмущать соседних жителей против бунтовщика, используя все средства досадить ему»⁶. Несмотря на это представители рода О'Нилов действительно достаточно успешно препятствовали порабощению острова. Уже в 60-ых гг. Шан О'Нил поднял крупное восстание в одной из самых мятежных провинций – в Ульстере. Однако уже около 1567 года ирландский вождь был убит. Земли Ульстера были конфискованы Елизаветой, за чем незамедлительно последовало восстание в Мюнстере, поддерживаемое католической Испанией. Как отмечает Л.И. Гольман, «стремление англичан полностью колонизировать Ульстер, создание там новой системы управления, постоянные преследования католиков привели к тому, что Ульстер к концу XVI века становится крупнейшим центром освободительной борьбы ирландцев против английского гнёта»⁷.

В 1579 году происходят сразу два события, которые оказывались в противоречии с задачам жесткой колониальной политики (поддерживаемой Лейстером, Грэм, Брискеттом, Спенсером и т.д.): вспыхнувшее восстание графа Десмонда и предложение брака Елизавете от Франсуа д' Алансона, который являлся католическим принцем. Сам Спенсер находился в Ирландии в 1580-ых гг., как раз в то время, когда Тирон только приходил к власти. Один лишь факт того, что короле-

⁶ Осипова Т.С. Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (II половина XVI - начало XVII в.в.). М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 137.

⁷ Гольман Л.И. История Ирландии. М.: Мысль, 1980. С. 64.

ва допустила его усиление, за которое потом поплатилась не одной тысячью солдат, может стать основанием для Спенсера, чтобы характеризовать её политику как весьма нерешительную. Он является открытым сторонником применения насилия ради консолидации английского *imperium* и полагает, что действовать надо решительно.

Во-вторых, разрыв связей с Римом, агрессивная политика Реформации, превращение католической веры в «незаконную» — все эти факторы переносят затяжной англо-ирландский конфликт уже в религиозную плоскость, что делает его всё более ожесточенным и трудно-разрешимым. Лозунги ирландских мятежников теперь содержат призыв к защите не только своей родины, но и своей веры, а англичане выступают как благочестивые носители истинной веры. Именно в подобные периоды, когда политическая жизнь страны интенсифицируется, происходит активное конструирование образа «врага». В Англии рассматриваемого периода данную функцию выполняют не СМИ или иные стабильные институты — их задачу берет на себя сообщество интеллектуалов и развивающаяся на тот момент «придворная культура», видным представителем которой был и Эдмунд Спенсер.

В-третьих, в качестве важной характеристики английской культуры на рубеже XVI-XVII вв., отметим специфику английского гуманизма постреформационного этапа, распространяющегося в рамках той самой «придворной культуры» и интеллектуальной элиты английского общества. Дж. Хейл считает XVI век временем зарождения в Англии осмысленного интереса к итальянскому наследию. В 1549 году У. Томас пишет «Историю Италии». В это же время ведется активная работа над переводами итальянской литературы на английский язык. Ранний этап английского Ренессанса повлек за собой ряд изменений в социокультурной сфере: «подвижки в сфере образования, связанные в том числе с деятельностью гуманистов, которые, как отмечал А. Н. Немилов, борясь за университеты, в XVI в. одержали победу, социальная мобильность, интенсивное гражданское строительство, в том

числе ренессансных королевских резиденций, служащих «визитной карточкой» власти, развитие английской поэзии и распространение итальянской литературы»⁸.

Чуть позже проводимая «сверху» в контексте формирования национального абсолютизма Реформация, привела к тому, что «в религиозном сознании происходили глубокие изменения не только в сфере религиозных верований, но и в интеллектуальной, культурной и, по всей видимости, экономической и общественной жизни»⁹. Гуманизм постреформационного этапа уже сильно отличается от «оксфордского» гуманизма: закладывается курс на становление и оправдание абсолютистского государства. Наиболее существенным для нас представляется изменение взгляда на человеческую природу. В предреформационную эпоху в трудах Мора, Колета, Эразма и др. мы отмечаем скорее оптимистичную трактовку человеческой природы, при которой человек играл активную роль в общественной жизни, сам влиял на свою судьбу. «В философии Эразма нет места аскетическому отрицанию и осуждению мира, природы и человека. Мир создан благим и прекрасным, благим и прекрасным сотворен и человек», а «героическое поведение Томаса Мора явилось своеобразным воплощением гуманистического нравственного идеала, осуществлением концепции достоинства человека и учения о человеческой свободе»¹⁰.

Противники Мора и последователи Лютера, английские реформаторы, наоборот стремились разоблачить порочную человеческую природу. В своем труде «О свободе христианина» Лютер описывает человека, который способен постичь духовный смысл своего бытия и только в этом «внутреннем» человеке может править вера, и лишь она способна этого человека «оправдать». «Внешний» же чело-

⁸ Немилев А.Н. Специфика гуманизма Северного Возрождения // Типология и периодизация культуры Возрождения. М.: Наука, 1979. С.49.

⁹ Немилев А.Н. Специфика гуманизма Северного Возрождения // Типология и периодизация культуры Возрождения. М.: Наука, 1979. С.63.

¹⁰ Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1980. С. 134.

век способен подчиняться лишь своему разуму, статус которого в учение Лютера весьма низок. «Новый», «внутренний» человек способен стать праведным и свободным, но телесная природа есть причина изначального несовершенства человека, «нужда плоти управляет им и он вынужден творить множество добрых дел для того, чтобы поработить ее»¹¹. Такая трактовка человеческой природы как изначально «порочной» была одной из основных для протестантского движения и противоречила учению гуманистов, но при этом она оказала огромное влияние на современную ей и последующую мысль, а также нашла своё отражение во «Взгляде на современное положение Ирландии». А именно в описании Спенсером ирландского народа, о котором вновь и вновь говорится, как он безмерно порочен, развратен, необразован и жесток. Вся мощь протестантской этики обрушивается против ирландцев. Идеология Реформации – «не возвышающая, а принижающая человека, утверждающая испорченность его природы, принципиальную невозможность для него своими силами достичь «спасения».¹² Взгляд англичан на ирландцев как на изначально грешных, носящих в себе изъян, отчетливо напоминает представление протестантов о человеке, отношении протестантской церкви к мирянам. Церковь брала на себя обязанность опекать и оберегать своих сыновей, спасая человека, прежде всего от самого себя и нередко вопреки его желанию. Миссия церкви по отношению к мирянам переходит в светскую действительность, где эту миссию берет на себя более авторитетный, образованный и благовидный сосед – Англия. Это вовсе не гуманистический подход к воспитанию, где центральным становится понятие свободы. Спасение достигается путем беспрекословного подчинения и Ириной полагает, что там, где вспыхивает сопротивление, нужно действовать силой.

¹¹ Лютер М. Избранные произведения: под ред. А.П. Андриюшкина: пер. К.С. Комарова, Ю.А. Голубкина, Ю.М. Кагана. СПб: "Андреев и согласие", 1994. С. 38-39.

¹² Ойзерман Т.И. Философия эпохи ранних буржуазных революций. М.: Наука, 1983. С. 58.

Упомянутую миссию Англия должна быть готова выполнять и с помощью «меча», о чем Иринея говорит следующее: «под «мечом» я не подразумеваю истребление всего этого народа [...], но я подразумевал королевскую власть правителя, которая должна распространяться в своей руководящей мощи, ради исправления и искоренения пороков которые я ранее осуждал, а не дурных людей; грешные люди могут стать добродетельными путем установления достойного порядка и государства, но зло само по себе никогда не станет благом» («for by the sword wich I named I do not mean the cutting off of all that nation with the sword...»)¹³.

Конструирование образа врага происходит по нескольким направлениям не без использования ярких метафор. Одной из центральных является конструкция «ирландцы как больной народ». Уже в самом начале произведения можно встретить сравнение Ирландии с больным пациентом. Евдокс говорит о том, что сперва мы должны установить, с какой «болезнью» мы столкнулись, а в итоге «назначить диету» во избежание рецидива. (« The which methode we may learne of the wise Physitions, which first require that the malady be knowne throughly and discovered [...] and lastly do prescribe a diet with streight rules and orders to be dayly observed, for fear of relaps into the former disease, or falling into some other more dangerous then it»¹⁴).

Недугов у Ирландии бесконечное множество, да и имеют они при этом различную природу. Как их искоренить – это главный вопрос произведения. Евдокс, чьими устами говорят возможные оппоненты Спенсера, помнящие о гуманистических идеалах Т. Мора, сначала предлагает более мирные способы исцеления Ирландии, например, с помощью

¹³ Spenser E. View of the present state of Ireland / CELT: Corpus of Electronic Texts: A project of University College, Cork, College Road, Cork, Ireland, 2003. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E500000-001/index.html> (дата обращения: 25.12.2016)

¹⁴ Spenser E. View of the present state of Ireland / CELT: Corpus of Electronic Texts: A project of University College, Cork, College Road, Cork, Ireland, 2003. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E500000-001/index.html> (дата обращения: 25.12.2016)

законов. Ириной пытается усмирить энтузиазм собеседника, показав ему, что решение не может быть столь простым. Конечно, законы по сути своей призваны устранять определенные дефекты общества, исцелять его. Однако Ириной вспоминает о Уильяме из Нормандии, который с завоеванием принес в Ирландию первые законы, несмотря на «упрямость» и «дикость» ирландцев. Но новые порядки не смогли прочно осесть в этой варварской стране, так как «варварская», «больная» природа ирландцев исказит даже самые совершенные английские законы.

Кроме того Ириной считает, что огромное влияние на порядки в Ирландии оказали скифы, один из самых варварских народов ¹⁵. Вопрос о происхождении народа, называемого теперь «ирландским», Ириной представляется очень путанным и тёмным, так как рассматриваемая национальная общность является результатом различных этнических взаимодействий и влияний. Ириной тщательно разбирает вопрос об «этнической неопределённости» ¹⁶ ирландского народа. Ведя происхождение ирландцев от скифов, Ириной упоминает контакты с испанцами, галлами, бриттами и саксами. При этом он отмечает, что контакты между англичанами и ирландцами, как ни странно, не облагородили ирландский народ. Вместо этого знатные английские семьи и различные чиновники ассимилировались и также опустились до уровня варваров. Эта «неопределённость» усугубляется еще и тем, что «отсталые» испанцы также («*rude and salvage*»), имели частые «смешения» с ирландцами, что, по-видимому, не могло не повлиять на природу последних. У ирландцев нет собственной четкой этнической идентичности и дикость укоренена в самом их «тёмном» происхождении.

¹⁵ Spenser E. View of the present state of Ireland / CELT: Corpus of Electronic Texts: A project of University College, Cork, College Road, Cork, Ireland, 2003. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E500000-001/index.html> (дата обращения: 25.12.2016)

¹⁶ Walter S. H. Lim. Figuring Justice: Imperial Ideology and the Discourse of Colonialism in Book V of "The Faerie Queene and A View of the Present State of Ireland". Renaissance and Reformation. 1995. Vol. 19, №1. P.58.

Еще одна группа недугов представлена обычаями ирландцев. Сам уклад их жизни характеризуется полным отсутствием «цивилизованности»: примитивные способы земледелия, еретическая религия, кровосмесительные браки, расточительство в отношении ресурсов и сам характер людей. Как настоящий гуманист Иринеи возмущается их традицией откупа за убийство. Ирландцам свойственны лень, грязь, ложные представления о мире, склонность к жестокости, смешные названия земель, нестабильное в своей основе общество и разврат.

Когда основные изъяны и пороки ирландцев уже перечислены, Иринеем делается вывод о том, что ирландцы настолько «другие», что только новое завоевание может восстановить мир и гармонию на их земле. Не надо изменять законы или создавать новые, а нужно, чтобы ирландцы научились английскому образу жизни. Иринеи считает необходимым искоренение ирландского языка, поэтому детей нужно обучать английскому прежде, чем они начнут говорить по-ирландски. Этот конфликт варварского и цивилизованного, который требует разрешения, «исцеления», колонизации.

В качестве отправного пункта он закладывает тезис о том, что проблема кроется вовсе не в природе закона самого по себе и даже не в законах ирландских, а в ущербности самого ирландского государства. Прежде всего оно само нуждается в реформах, так как ««тщетно устанавливать законы там, где никого не заботит их соблюдение, ни страх угрозы при их нарушении» (« it is vayne to prescribe lawes, where no man careth for keepinge of them, nor feareth the daunger for breaking of them. But all the realme is first to be reformed, and lawes afterwards to be made for keepinge and contynuinge it in that reformed estate»¹⁷). Они выступают здесь не просто как «варвары», а как «недолюди». Для читателя, возможно, вопрос встает об их родовой

¹⁷ Spenser E. View of the present state of Ireland / CELT: Corpus of Electronic Texts: A project of University College, Cork, College Road, Cork, Ireland, 2003. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E500000-001/index.html> (дата обращения: 25.12.2016)

принадлежности. «Людьми» англичан делает сознание греховности, правда, скорее не своей собственной или общечеловеческой, а присущей сугубо ирландской природе. Для Лютера сознанием являлось некоторое «неудовлетворенное бытие», которое провоцировало стремление к самосовершенствованию. У Спенсера эта установка будто бы выворачивается «наружу», «вовне», направляется не внутренний мир человека, а на соседнее государство, на заблудшего соседа, которому необходимо «помочь» и совершенствовать не себя, а именно его, подтверждая тем самым собственный, превосходящий заблудшего, статус. Той «цивилизованностью», приобщение к которой может исправить ирландский уклад жизни, обладают именно англичане («they [Irish Lords] should have bin reduced to perpetuall civillity and contayned in continuall duty [...] so were this people at first well handled, and wisely brought to acknowledg allegiance to the King of England»¹⁸). Впечатление такого резкого и непреодолимого разрыва между англичанами и ирландцами, восприятие их как представителей совершенно чужих миров возникает в связи с тем, что Спенсер будто и вовсе не находит никакого общего основания для ирландцев и англичан как представителей одного и того же вида. За этим весьма грубым, как может показаться, допущением, мы осмелимся так же предположить, что гипотетический диалог между ирландцем и англичанином невозможен в принципе в виду отсутствия общего языка, коммуникативного поля, то есть они в принципе рискуют друг друга не понять. Из этого коренного различия между ними следует вывод о том, что ирландцы в своем нынешнем состоянии скорее всего не воспримут плоды английской цивилизации, а исказят их до неузнаваемости.

Автор работает с различными доктринами весьма выборочно: там, где Спенсеру необходимо убедить читателя в

¹⁸ Spenser E. View of the present state of Ireland / CELT: Corpus of Electronic Texts: A project of University College, Cork, College Road, Cork, Ireland, 2003. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E500000-001/index.html> (дата обращения: 25.12.2016)

ущербной природе Ирландии, он рассуждает так, как протестантский мыслитель писал бы об изначальной греховности человеческого существа, а размышляя об английской нации и их «миссии», Спенсер выступает как настоящий гуманист. Философии работают сообща, «сражаясь» за победу авторской позиции, по двум направлениям: «против» ирландского общества (дискредитируя его не только с помощью фактов, но и попыткой приписать ему низкий онтологический статус) и «за» английскую миссию. Спенсер стремился создать убедительный образ врага, который при этом не смутит интеллектуалов у власти.

Кратко рассмотрев, каким образом Спенсер разоблачает ирландцев, мы можем заключить, что автор излагает весьма эффективный для оправдания колонизации концепт ирландского врага, который прочно закрепится в английской культуре. С одной стороны, взгляд на врага как на более отсталого, пораженного различными недугами, позволяет рассматривать английское завоевание Ирландии как благо для последней. С другой стороны, разорение и голод, в немалой степени вызванные военными столкновениями на ирландской территории, начинают восприниматься как вина самих ирландцев и следствие их «больной» природы, а не иностранного вторжения. Стоит отметить, что сам концепт «врага», который будет позже развиваться в английской историографии и публицистике, обнаруживает свои корни именно в эту эпоху. «В основу образа ирландца конца XVII – начала XVIII в. были положены стереотипы, созданные еще при Тюдорах и ранних Стюартах. Главным качеством «гэлов» или «тигов», как обычно именовали ирландцев современники-протестанты, были природная «дикость» и «варварство», идущие с дохристианского периода и контрастирующие с «просвещенностью» и «цивилизованностью» англичан»¹⁹.

Список литературы

¹⁹ Лежнина Е.В. «Образ врага»: ирландские католики глазами англикан в конце XVII – начале XVIII. Альманах «Диалог со временем». М., 2012. С. 313

1. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука 1978. 209 с.
2. Гольман Л.И. История Ирландии. М.: Мысль, 1980. 394 с.
3. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1980. С. 134.
4. Лежнина Е.В. «Образ врага»: ирландские католики глазами англикан в конце XVII – начале XVIII // Альманах «Диалог со временем». М., 2012. С. 308-324.
5. Лютер М. Избранные произведения: под ред. А.П. Андрюшкина: пер. К.С. Комарова, Ю.А. Голубкина, Ю.М. Кагана. СПб: "Андреев и согласие", 1994. 432 с.
6. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. Прогресс-Традиция Москва, 2009. 320 с.
7. Немилов А.Н. Специфика гуманизма Северного Возрождения // Типология и периодизация культуры Возрождения. М.: Наука, 1979. 280 с.
8. Ойзерман Т.И. Философия эпохи ранних буржуазных революций. М.: Наука, 1983. 584 с.
9. Осипова Т.С. Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (II половина XVI – начало XVIIв.в.). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
10. Hale J. England and the Italian Renaissance. Fourth edition published by Blackwell Publishing, 2005. P.192.
11. Spenser E. View of the present state of Ireland / CELT: Corpus of Electronic Texts: A project of University College, Cork, College Road, Cork, Ireland, 2003. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E500000-001/index.html> (дата обращения: 25.12.2016)

Аннотация: В статье рассматривается образ врага, созданный в 1590-ых гг. английским поэтом Эдмундом Спенсером в его произведении «Взгляд на современное положение Ирландии». Как в одном произведении соседствуют оправдания убийства, порабощения человеческой природы ирландцев и утверждение идеалов итальянских гуманистов о ценности человеческой жизни? Через какие художественные и риторические приемы автором создается впечатление такого резкого

Специфика конструирования образа врага...

и непреодолимого разрыва между англичанами и ирландцами? Мы рассмотрим основные характеристики «врага» в данном произведении Спенсера, а также постараемся определить, чем они были обусловлены, привлекая исторические факты и анализируя специфику английской гуманистической мысли постреформационного этапа.

Кобринец Мария Александровна, магистрант школы философии факультетат гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Иванова А.М.

**Военное дело и вооружение в культуре арабов
раннего средневековья**

Arabs, like all nomadic peoples, assigned a crucial role to the issues of war, fair fight, and personal generosity. Wars and battles were part of the sign-symbolic system in the space of the ancient Arabic culture, which was dominated by the will for to defence. Accordingly, weapons were involved in this system, being part of several cultural spheres: the sphere of primary production and livelihood, humanitarian sphere, and as well, as an integral part of war, of the socionormative culture. It is to be considered that it is in the Arab culture where Islam was born, and in the Quran and the Hadith of the Prophet such things as war and weapons also found a place, which underlines the deep connection of religious culture and the weaponry complex in the worldview of the early medieval Arabs.

Ключевые слова: военное дело, арабы, ислам, средние века, культура, вооружение.

Keywords: warfare, Arabs, Islam, Middle ages, culture, weapons

Военное дело и вооружение как его материальная база являются неотъемлемой и существенной составляющей человеческой культуры. В них отражаются и тесно сплетаются достижения материальной культуры, науки, техники, причем достижения самые свежие, передовые, отражаются и сплетаются также факторы социальные, экономические, политические.

Вместе с тем как военное дело в целом, так и вооружение являются вполне самостоятельной частью культуры, со своими собственными закономерностями развития, которое связано с развитием остальных составляющих культуры. Ору-

жейный комплекс, его производство, функционирование и развитие влияют на экономику, социальное устройство и идеологию общества.

У арабов, как и у всех кочевых народов, отводилась исключительно важная роль вопросу войны, честной схватки и личного благородства. Не стоит также забывать, что именно в арабской культуре зародился ислам, и в Коране и хадисах Пророка нашли место такие понятия как война и оружие. Проблема войны в исламе, ставшая особенно актуальной в современном мире, в том или ином ракурсе освещается во многих работах, особенно касающихся взаимоотношений между христианским Западом и исламским Востоком. Исследователи с разных точек зрения смотрят на проблему джихада, считающегося в исламской культуре священным. Джихад — комплексное, многогранное понятие, сочетающее разные аспекты борьбы человека в том числе и с собственными страстями, включает и военную составляющую, направленную в первую очередь, на защиту религии, и предполагающее, таким образом, использование оружия¹. Идея джихада оказывается весьма значимым элементом исламского мировоззрения. Столь же разработанным должно было быть и представление о фигурировавшем в нем оружии, принципы использования которого опирались на нормы религии и традиции арабской оружейной культуры.

В соответствии с вышесказанным, в данной работе место категории «война» в арабской культуре рассматривается через призму оружейного комплекса. Арабское холодное и, в первую очередь, различные виды клинкового оружия, в разные периоды истории несло семиотический статус признака воинского умения и силы, принадлежности к аристократическому и воинскому сословию, нормативного элемента мужского костюма. Высокий этнографический статус клинка проявлялся в обстоятельствах его функционирования и подчеркивался принципами его декоративного оформления.

¹ Малоземова Е.И. Иранское холодное оружие IX-XIX вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.07 / Малоземова Елена Игоревна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. — Санкт-Петербург, 2008, с. 12.

Оружие в доисламской арабской поэзии

Доисламская арабская поэзия и проза являются ценнейшим источником сведений о реалиях того времени. В условиях постоянного межплеменного соперничества, имевшего место в регионе накануне зарождения ислама, упоминания оружия в устном творчестве неизбежны. Поскольку классическая средневековая арабская поэтическая традиция многое унаследовала от доисламской поэзии, практически каждый поэт так или иначе упоминает в своих произведениях меч (иногда также копье).

Одним из «столпов» классической арабской поэзии являются ал-Му'аллакат («подвешенные», или «нанизанные») — семь знаменитейших касид доисламской Аравии VI в., принадлежащие Имру-уль-Кайсу (старейшая), Тарафе, Зухайру, Лябиду (самая поздняя, нач. VII в.), Антаре, Амру ибн Кульсуму и Харису ибн Хиллиде. В другой редакции Антару и Хариса заменили Набига аз-Зубьяни и ал-А'ша. Муаллаки — типичные касиды племенного строя: начинаются они обязательным «пасибом» — любовным зачином, обычно плачем над следами покинутой стоянки возлюбленной; продолжают слабо связанными между собой отрывками на разные темы: у Имру-уль-Кайса это — любовные похождения, ночь в пустыне, описание коня и охоты и ливня; у Тарафы — поездка на подробно описанной верблюдице, хвастовство щедростью и разгульной жизнью, возражения упрекающим его за мотовство и т. д.²

Меч занимает важное место в образе лирического героя арабской поэзии. Как правило, это храбрый воин, не расстающийся со своим оружием³.

Для обозначения меча в арабской прозе и поэзии используется не только непосредственно слово «меч» — «сайф», но и синонимы — «мансал»; слова общего значения — «силах» («оружие»); эвфемизмы — «ибн ал-гимд» («сын ножен»), «зу-р-раха» («обладатель покоя, приносящий по-

² Ислам: Энциклопедический словарь. Ред. Г.В.Милославский, М.Б.Пиотровский. М., 1991, с.

³ Грюнебаум Г.Э. фон. Основные черты арабо-мусульманской культуры. М., 1981. с. 135

кой»); сравнения – «гадир» («ручей»). Для арабской поэзии характерно также обилие постоянных эпитетов – определений, так прочно связанных с определенным словом, что они могут употребляться и без него, безошибочно вызывая у слушателя нужную ассоциацию. Так, для меча это будут, например: белый, отполированный, рассекающий⁴; «сарим» («острый»). Иногда такие эпитеты используют не непосредственные качества, а происхождение, разновидность меча – йеменский, индийский, хаттийский (чаще о копьях, т.к. Хатт назывался порт, куда поставляли копья из Индии⁵). Но, конечно, большую часть устойчивых эпитетов меч заслужил благодаря остроте и блеску⁶.

Существует большое количество арабских пословиц и присловий, связанных с мечом. Приведем некоторые из них:

Меч опередил справедливость (приговор)	سبق السيف العدل
Я смотрю на него и на меч (т.е. «Я так ненавижу его, что только и думаю о том, как бы его убить»)	انني انظر اليه و الى السيف
Называю тебя тупым мечом, раз ты не режешь! (о тех, кто отступает от дела, не закончив его)	سميتك الفشاش ان لم تقطع
Всякий меч может затупиться, всякий конь может споткнуться	لكل صارم نبوة لكل جواد كبو

Меч в арабской поэзии – не только оружие храбрейших из храбрых, он гораздо больше, чем оружие. Между мужчиной и его мечом существуют такая связь, какой не может возникнуть ни с каким другим оружием. Меч –

⁴ Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. Отв. ред. Б.Я. Шидфар. М., 1983, с. 14.

⁵ Там же, с. 135

⁶ Schwarzlose Fr.W. Die Waffen der alten Araber aus ihren Dichtern dargestellt. Lpz., 1886, с. 125-126

единственное оружие, которое обладает личностью. Он не просто олицетворение храбрости хозяина, он защитник и друг, который поддержит, когда все вдруг отвернется, и никогда не предаст. Иногда подобное товарищество меч делит с верблюдом хозяина, или конём, как у Имрулькайса в «Максуре». Ал-Мутанабби, например, сравнивает себя, одетого в доспехи, со своим мечом: «Мой дамаск (дамасская сталь) сверкает так же, как дамаск моего острого меча».

Меч также являлся не только символом храбрости, но и символом щедрости, так как ради гостя хозяин своим мечом был готов зарезать верблюда⁷.

Оружие в Коране и хадисах

Самыми ранними письменными источниками исламского времени являются Коран и хадисы. Будучи составленными и передаваемыми в исконно арабской среде, они достаточно точно передают реалии общества того времени и могут быть признаны достаточно достоверными. В Коране упоминаются лук и стрелы, меч, панцирь, щит и просто слово «оружие»⁸, в хадисах, кроме этих предметов вооружения, встречаются еще шлем, кольчуга, копье⁹.

Согласно этим текстам, признанным мусульманами как священные и почитаемым соответственно, этнографический статус этих предметов вооружения относится преимущественно к утилитарно-бытовой сфере арабской доисламской культуры¹⁰. Они также являются атрибутом

⁷ Schwarzlose Fr.W. Die Waffen der alten Araber aus ihren Dichtern dargestellt. Lpz., 1886, с. 67

⁸Коран 4:103; 5:3; 21:80; 34:10; 53:9; 54:29; 58:17.

⁹Достоверные предания из жизни пророка Мухаммада 29, 275, 296, 357, 988, 706, 769, 810, 1043, 1134, 1151, 1183, 1187, 1195, 1197, 1217, 1269, 1271, 1444.

¹⁰ Малоземова Е.И. Иранское холодное оружие IX-XIX вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.07 / Малоземова Елена Игоревна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. — Санкт-Петербург, 2008, с. 44

джихада, признаваемого в коранических текстах¹¹ и текстах хадисов священным. Сложное комплексное понятие «джихад», наряду с борьбой за веру, включает и военную составляющую. Согласно кораническим текстам, оружие мусульмане должны применять только против противников мусульманской веры и только в этой борьбе. В других ситуациях, особенно во время молитв и хаджа, когда, по представлениям мусульман, достигается самая тесная связь с Аллахом, человек безоружен (во время паломничества запрещается даже охотиться), а при входе в мечеть всем, имеющим при себе стрелы, следует взяться за их острия.

При всем этом, за оружием, особенно клинковым, в арабской этнической культуре был закреплён выраженный этнографический статус: уже во времена халифа Омара (634-644 гг.) меч считался оружием престижа. Это значение клинка сохраняется и в современной культуре арабов. Наиболее заметным статусным символом полноправного мужчины в арабском ареале служит кинжал.

Арабы относились и относятся к своему оружию с большим уважением. На Юге Аравии по сию пору бытует обычай клясться на своем (холодном) оружии как воплощении чести¹². Это подтверждается и пышным декором арабского оружия, особенно мечей (хотя, судя по текстам хадисов, пышное украшение не считалось обязательным), что хорошо видно, например, на арабских мечах из коллекции музея дворца Топ-Капы, которые принято считать раннемусульманскими. К таким мечам принадлежат так называемые «мечи пророка» и «мечи халифов».

Арабы времени господства ислама символом сокрушительной мощи своей религии, как представляется, считали меч: слово «меч» чаще всего используется в хадисах в

11 Коран 2:245, 247; 3:148, 160; 4:73-79, 86, 91-93; 5:59; 6:152; 8:40; 9:12-14, 16, 29, 36, 38; 22:40; 57:10; 60:1; 61:4.

12 Родионов М.А. Нож и честь в Южной Аравии. С. 134- 139. // Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 11. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997, с. 135.

значении оружия как такового¹³, и именно меч фигурирует в легендах о Мухаммаде как один из главных предметов вооружения пророка и даже его атрибут, который наряду с каламом превратился в важнейший культурно-исторический символ на всем пространственно-временном протяжении мусульманской культуры. По мнению Д. Александра, именно под влиянием образа легендарного Зу-л-факара (ар. «обладающий позвонками», «ребристый», название восходит к выражению *sayf al-mufakkar* — «меч с желобками»¹⁴), меча Мухаммада, у поздних мусульманских правителей возникла тенденция к коллекционированию ранних исламских мечей¹⁵. Согласно легендам, этот меч был захвачен Мухаммадом во время сражения при Бадре (624 г.) у язычника мекканца Мунаббиха ибн ал-Хадджаджа, а затем передан им своему двоюродному брату и зятю Али, который якобы с его помощью совершал свои подвиги. Далее он использовался для возведения на престол нового халифа, а позже перешел к шиитским имамам. По другим сведениям, Зу-л-факар, ставший символом мощи ислама не только для шиитов, но и для суннитов, попал во владение к аббасидским халифам и пропал во время захвата монголами Багдада в 1258 г. Зу-л-факар стал самым знаменитым из всех девяти мечей, которыми, по легендам, владел Мухаммад. Этот меч чаще всего представляли как меч с раздвоенным у острия клинком, и в память о нем на клинках некоторых персидских мечей и сабель гравировались или инкрустировались очертания клинка с двумя остриями, а иногда клинки намеренно раздваивались¹⁶. Вопреки легендам, предполагаемый Зу-л-факар, в данный момент хранящийся в музее Топ-Капа,

13 Достоверные предания из жизни пророка Мухаммада 29, 1134,1197,1269.

14 Беленицкий А.М., Леммлейн Г.Г. Примечания к переводу.С.419-490.// Ал-Бируни Абу-р- Райхан Мухаммад ибн Ахмад. Минералогия. М., 1963. С. 483.

15 Малоземова Е.И. Иранское холодное оружие IX-XIX вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.07 / Малоземова Елена Игоревна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова].- Санкт-Петербург, 2008, с. 51

16 Малоземова Е.И, Op. Cit., с. 53

имеет классическую для раннеисламских мечей форму лезвия.

Распространение легенд о мече Зу-л-факар за пределы пространства арабской этнической культуры и подражания ему в оружейных культурах других народов свидетельствуют о привнесении арабами своих представлений об оружии на завоеванные территории.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что образ пророка Мухаммада, а вслед за ним и образы халифов, неразрывно связаны с оружием. Это совершенно не удивительно, если вспомнить такой термин арабской идеологии, как «дар ал-харб» — территории, где ислам не господствует, где не действует в качестве главного мусульманский религиозный закон, где мусульмане подвергаются притеснениям и где ислам ещё не распространился, — всё, что не входит в дар ал-ислам. По мусульманским воззрениям, дар ал-харб со временем должен быть превращён в дар ал-ислам путём военных завоеваний или убеждения и добровольного обращения населения в ислам. Вышесказанное подчеркивает глубокую связь религиозной и оружейной культур в мировосприятии арабов раннего средневековья, а также еще раз напоминает нас о том, что ислам — порождение изначально кочевой культуры, в которой доминирует готовность защищаться.

Список литературы

1. *Ал-Бируни Абу-Райхан-Мухаммед ибн Ахмад*. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 518 с.
2. *Ал-Бухари С.* Достоверные предания из жизни пророка Мухаммада./Пер. с ар. А. Нирша. М.: «Умма», 2004. 959 с.
3. Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. Отв. ред. Б.Я. Шидфар. М., 1983. 142 с.
4. *Беленицкий А.М., Леммлейн Г.Г.* Примечания к переводу. С. 419-490.// *Ал-Бируни Абу-Райхан-Мухаммед ибн Ахмад*. Собрание сведений для познания драго-

- ценностей (Минералогия). М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
5. *Большаков О.Г.* История халифата [В 4 т.]. Том. 2. М.: «Наука», «Восточная литература», 1993. 291 с.
 6. *Грюнебаум Г.Э. фон.* Основные черты арабомусульманской культуры. М., 1981. 227 с.
 7. Ислам: Энциклопедический словарь. Ред. Г.В.Милославский, М.Б.Пиотровский. М., 1991. 313 с.
 8. Коран /Пер. с араб. И.Ю. Крачковского М.: СП ЖПА, 1990. 512 с.
 9. *Малоземова Е.И.* Иранское холодное оружие IX-XIX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.07 / Малоземова Елена Игоревна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова].- Санкт-Петербург, 2008
 10. *Alexander D.* Armes and Armour or the 7 to 19 centuries. The Arts of War./ The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Arts. Volume XXI. London: The Nour Foundation in association with Azimuth Editions and Oxford University Press, 1992. 240 p.
 11. *Elgood R.* Islamic arms and armor. London, 1979. 268 p
 12. *Nicolle D.* The great Islamic conquests AD 632-750. Oxford: Osprey Publishing, 2009. 97 с.
 13. *North A.* Swords of Islam. P. 136-147 /Swords and Hilt Weapons. Ed. A.Cope. London: Multimedia Books London, 1994, — 267 p.
 14. *Scwarzlose Fr.W.* Die Waffen der alten Araber aus ihren Dichtern dargestellt. Lpz., 1886.
 15. *Yücel U, Ugali A. A.* As-suyuf al-islamiya. Kuvayt, 1988. — 145 с. (араб.)

Аннотация: У арабов, как и у всех кочевых народов, отводилась исключительно важная роль вопросу войны, честной схватки и личного благородства. Война и сражения были частью знаково-символической системы в пространстве древней арабской культуры, в которой доминировала готовность защищаться. Соответственно и предметы вооружения вовлекались в эту систему, одновременно являясь частью сразу нескольких культурных сфер: сферы первичного производства и жизнеобеспечения, гуманитарной сферы, а также, как неотъемлемый

Военное дело и вооружение в культуре арабов...

элемент войны, и соционормативной культуры. Не стоит также забывать, что именно в арабской культуре зародился ислам, и в Коране и хадисах Пророка нашли место такие понятия как война и оружие, что подчеркивает глубокую связь религиозной и оружейной культур в мировосприятии арабов раннего средневековья.

Иванова Анастасия Михайловна, преподаватель департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург.

Понятие войны в историко-философской ретроспективе

Гуляев Р.В.

Экзегетика философии войны в романе Л.Н.Толстого «Война и мир»

The article is devoted to representation of Leo Tolstoy's philosophy of war in his novel "War and Peace". This novel includes two levels of comprehension of war, one of which contradicts traditional views on this subject, the other is more problematic and requires exegetical interpretation.

Ключевые слова: философия войны, Лев Толстой, экзегетика, миф.

Keywords: philosophy of war, Leo Tolstoy, exegesis, myth.

Современный британский историк Доминик Ливен в предисловии своей книги «Россия против Наполеона» говорит о специфической ситуации, сложившейся в национальных исторических традициях исследования наполеоновских войн. В каждой из стран-участниц попытки исторического осмысления событий 1799-1815 гг. столкнулись с тем или иным вариантом национального мифа. В Великобритании уже наиболее ранние исследователи столкнулись с влиянием Арутра Уэлсли, герцога Веллингтон, который прожил 40 лет после победы при Ватерлоо, дважды побывал премьер-министром и чья точка зрения на события недавнего прошлого была преобладающей. В Пруссии роль такого непрекаемого авторитета сыграл Карл фон Клаузевиц, один из ключевых авторов, сформировавших современные представления о теории войны. Однако на его точку зрения неизбежно повлиял специфический контекст создания — в 1812 г. Клаузевиц перешел на русскую службу и хотя был наблюда-

тельным и активным участником событий, но сталкивался с постоянной трудностью понимания другого общества, языковой среды и армейской организации. Ливен сравнивает его с «высококвалифицированным штабным офицером французского движения Сопротивления в Лондоне в 1940-1944 гг.»¹, который мог бы представить интересные дополнения к популярным точкам зрения на Вторую мировую, но едва ли должен претендовать на всеохватное ее описание. Кроме того, для Пруссии наполеоновские войны стали толчком к реставрации национального самосознания, поэтому значительная часть исследований уделяли первостепенное внимание патриотическому подъему в обществе, «Воззванию к моему народу», с которым Фридрих Вильгельм III выступил в 1813 г., и тому подобным обстоятельствам, отводя на второй план гибель Великой армии в России и последующий европейский поход русской армии. Во Франции вслед за самим Наполеоном причины неудачи на востоке видели в сочетании погодных условий и удачных действий казаков – иррегулярных формирований, не имевших аналогов во французской армии, т.е. факторов, которые не могут поставить под вопрос храбрость или профессионализм французов.

В России были все предпосылки для формирования столь же ангажированного взгляда: А.Х.Бенкендорф, А.А.Аракчеев, М.А.Милорадович и другие участники войны впоследствии заняли ключевые посты в государстве, и современники, такие как Д.П.Бутурлин² и А.И.Михайловский-Данилевский³, должны были соотносить свое изложение событий с их точками зрения. Однако зарождающийся миф о народе и армии, поднявшихся на защиту дома Романовых, оказался расколот событиями 1825 г., когда одна часть героев Отечественной войны (среди которых, например, генерал-майор М.Ф.Орлов, составлявший условия капитуляции Па-

¹ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807-1814. М.: РОС-СПЭН, 2012. С. 41.

² Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Т 1-2. СПб.: Военная Типография, 1837-38.

³ Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Францию в 1814 г. Т. 1-2. СПб.: Тип. Департамента Внешней торговли, 1836.

рижа, или генерал-майор С.Г.Волконский) руководила декабрьским восстанием, а другая — его подавлением и последующим преследованием заговорщиков. Поэтому в качестве общепризнанного установилось представление о войне 1812 г. как об общем напряжении сил армии и народа, которым практически невозможно было руководить, а можно было лишь вдохновить. «Немцы» М.Б.Барклай-де-Толли, П.Х.Витгенштейн и др. противопоставляются «русским» П.И.Багратиону и М.И.Кутузову, лучше почувствовавшим «народную душу». Французская версия событий, отводящая значительную роль в победе морозам и «скифскому» образу войны, не противоречила такому подходу и была принята с воодушевлением. Советская историография в целом разделила этот подход⁴, сделав акцент на деятельности партизан и казаков, преуменьшая роль решений Александра I и его администрации, а случаи грабежей и поджогов крестьянами помещичьих усадеб объясняя стремлением освободиться не только от внешнего врага, но и от классового⁵.

Однако «наиболее крупным мифотворцем» в отношении 1812 г., причем как для русской, так и для европейской общественности, Ливен называет⁶ Л.Н.Толстого. Нетрудно заметить, что роман «Война и мир» практически идеально укладывается в изложенную выше схему. Все ситуации рационального планирования боевых действий (составление диспозиции под Аустерлицем и Бородином, попытки Наполеона, Александра I, Ростопчина повлиять на ход событий и т.п.) терпят неудачу. Война (и шире — история), подобно стихии, сметает отдельные личности, пытающиеся ей противостоять. Одновременно возникает другая стихия — народная, которая сплачивает дворянские семьи Ростовых, Болконских, Безухова, захватывает тем же потоком массы крестьян, ополченцев, казаков, а побеждает в итоге Кутузов, который и не пытался обуздать эту стихию и лишь давал ей выход.

⁴ Наиболее полный обзор дореволюционных и советских исследований см. Шеин И. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Научно-политическая книга, 2013.

⁵ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 45.

⁶ Там же, с. 46.

Доминик Ливен назвал основной задачей своей книги «прорваться через российские мифы к реалиям военных действий России в 1812-14 гг.»⁷, и в этом смысле Толстой – один из главных его оппонентов. Но при этом можно заметить, что схожее различие «реалий» и «мифа» можно провести и внутри самого романа Толстого, пусть эти два пласта не всегда рассматриваются как противостоящие друг другу. В частности, современный исследователь Ирина Сиземская описывает это следующим образом: «Толстой — и гениальный писатель, и прозорливый, глубокий мыслитель, поэтому трудно провести границу между его художественными образами, сюжетными линиями и стоящими за ними философскими идеями... Толстой-философ «прерывает» Толстого-писателя, как это происходит, например, в романе «Война и мир» в многочисленных отступлениях-размышлениях о причинах и законах истории, о роли в её движении героев и народных масс и т.д.»⁸. Более критично разницу в двух уровнях романа оценил современник Толстого военный историк Михаил Драгомиров: «Роман гр. Толстого интересен для военного в двояком смысле: по описанию сцен военных и войскового быта и по стремлению сделать некоторые выводы относительно теории военного дела. Первые, то есть сцены, неподражаемы и, по нашему крайнему убеждению, могут составить одно из самых полезнейших прибавлений к любому курсу теории военного искусства; вторые, то есть выводы, не выдерживают самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны как переходная ступень в развитии воззрений автора на военное дело»⁹.

При этом нужно заметить, что Толстой как художник, разумеется, понимает необходимость художественного обоснования своих теоретических взглядов на войну. В романе мы видим несколько раз повторяющуюся последовательность

⁷ Там же, с. 48.

⁸ Сиземская И.Н. Л.Н. Толстой об исторической необходимости как «равнодействующей множества волей» / Вопросы философии. № 9, 2010. С. 135-143.

⁹ Драгомиров М.И. «Война и мир» графа Толстого с военной точки зрения // Л. Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 272-296.

эпизодов, в которых герой, находящийся в некотором очаровании военной романтикой, сталкивается с ее шокирующей и хаотичной реальностью. В первом случае это молодой Николай Ростов, который в своем первом настоящем «деле» под Шенграбеном переживает сначала восторг от начала кавалерийской атаки, затем — вполне экзистенциальный ужас от осознания своего одиночества и возможной смерти, когда он, потерявший коня и раненый, убегает от французов.

Второй эпизод — хрестоматийный внутренний монолог Андрея Болконского под Аустерлицем, который подводит итог его безуспешной попытке пережить «свой Тулон», повернуть ход безнадежно проигранного сражения: «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, — совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..»¹⁰

Третий эпизод связан с Пьером Безуховым, который случайно оказывается свидетелем ключевого эпизода Бородинского сражения, атаки французов на батарею Раевского. Он становится частью небольшого мира, который представляет собой батарея, проникается настроением солдат и офицеров, ведущих бой: «...он весь был поглощен в созерцание этого, все более и более разгорающегося огня, который точно так же (он чувствовал) разгорался и в его душе». Однако все заканчивается, когда батарею берут французы, все, с кем Пьер находился рядом, убиты, и от «разгоравшегося огня» в душе ничего не остается: «Пьер побежал вниз. «Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали!» — думал Пьер, бесцельно направляясь за толпами носилок, двигавшихся с поля сражения. Но солнце, застилаемое дымом,

¹⁰ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 4. С. 353.

стояло еще высоко, и впереди... кипело что-то в дыму, и гул выстрелов, стрельба и канонада не только не ослабевали, но усиливались до отчаянности, как человек, который, надрываясь, кричит из последних сил»¹¹.

Объединяет эти ситуации, помимо внутреннего перехода героев от воодушевления к хаосу и смятению, одна объективная черта: фактически мы видим войну глазами штатских людей, хотя двое из них формально являются военными¹². От них мало что зависит, они оторваны от окружающих, и тем сильнее переживается бессмысленность происходящего вокруг. Все это приводит читателя к закономерному выводу, который князь Болконский, переосмысливший суть войны, высказывает Пьеру в разговоре накануне Бородинского сражения:

— Однако говорят, он [Барклай-де-Толли. — Р.Г.] искусный полководец, — сказал Пьер. — Я не понимаю, что такое значит искусный полководец, — с насмешкой сказал князь Андрей. — Искусный полководец, — сказал Пьер, — ну, тот, который предвидел все случайности... ну, угадал мысли противника. — Да это невозможно, — сказал князь Андрей как будто про давно решенное дело. Пьер с удивлением посмотрел на него. — Однако ведь говорят же, что война подобна шахматной игре. — Да, — сказал князь Андрей, — только с тою маленькою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени, и еще с той разницей, что конь всегда сильнее пешки и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты... Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции. — А от чего же? — От того чувства, которое есть во мне, в нем, — он указал на Тимохина, — в каждом солдате¹³.

¹¹ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 6. С. 247.

¹² Хотя относительно князя Андрея Толстой не делает прямых указаний на его неопытность или необстрелянность, как в случае с Ростовым, в реальности различий между ними не так много: действительной службы он до кампании 1805 года, судя по всему, не проходил, командных должностей не занимал, а весь свой опыт и представления почерпнул из книг и бесед.

¹³ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 6. С. 214.

Война из-за принципиальной непредсказуемости оказывается столкновением не планов и ресурсов, а духовной силы противостоящих армий. Сражение под Аустерлицем, утверждает Болконский, было проиграно, «потому, что нам там незачем было драться»; Бородино по этой же причине проиграно быть не может. При этом даже необходимая для сохранения Отечества война глубоко противна самой человеческой природе: из симпатичных автору героев (Николай и Петья Ростовы, Пьер, Андрей Болконский, капитан Тушин) *ни один не совершает убийства* в тексте романа (хотя Ростов командует эскадромом, а Тушин – батареей). Основной сюжет заканчивается не заграничным походом русской армии, а изгнанием французов зимой 1812 года. Точнее – сценой из четвертого тома (часть 4, глава 9), когда ночью к костру русских приходят сдаваться два замерзших француза, Рамбаль и Морель, которых Пьер встретил в захваченной Москве. Бывшие солдаты Великой армии перестали быть врагами, и к ним наконец можно отнести как к людям. Костер, каша и водка объединяют людей, но автор идет еще дальше и показывает единым, живым и радостным само мироздание (в противоположность «надрывному крику» Бородинского сражения): «Звезды, как будто зная, что теперь никто не увидит их, разыгрались в черном небе. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, они хлопотливо о чем-то радостном, но таинственном перешептывались между собой»¹⁴.

Однако этой концепции войны, которая раскрывается через множество сцен, проходящих через все четыре тома, противоречат несколько эпизодов, в которых война выглядит и переживается героями совсем иначе. Критик Павел Анненков, вероятно, одним из первых читателей выделил несколько глав, посвященных Шенграбенскому сражению: «Ни с чем не может сравниться описание того мгновения, когда Багратион ведет два батальона на колонну неприятеля, поднимающуюся навстречу им из лощины у Шенграбена, и когда обе

¹⁴ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 7. С. 207.

массы сшибаются и пропадают в огне и дыме»¹⁵. Естественно, это просто указание, идущее рядом наиболее запоминающихся эпизодов, никакого подробного анализа Анненков не предпринимает, однако, во-первых, допускает весьма симптоматичную ошибку в своем пересказе (о которой ниже), а во-вторых, именно эта сцена не позволяет безоговорочно принять изложенную выше концепцию войны в качестве единственной изложенной в романе, и поэтому на ней следует остановиться подробнее.

Толстой достаточно подробно описывает предысторию, в общем-то, достаточно локального эпизода кампании Третьей коалиции: скажем, Е.В.Тарле в своей биографии Наполеона¹⁶ говорит о «тяжелых арьергардных боях», не выделяя данное сражение. Австрийская армия Карла Мака капитулировала под Ульмом, и Кутузов вынужден отступать перед лицом превосходящего противника; Багратион с одним арьергардом дает сражение, уступая французам в три раза по численности, чтобы дать время отойти основным силам.

Князь Андрей удивляется «бездействию» Багратиона: тот не отдает приказов, не рассылает ординарцев, лишь перемещается по полю сражения и своим видом внушает уверенность подчиненным. В конце концов командующий оказывается на фланге, который обходят силы французов. Толстой этого не говорит, но из сказанного выше становится ясно, что здесь решается судьба всего арьергарда (и, следовательно, русской армии). Дальнейшее описание содержит несколько важных деталей, поэтому с некоторыми сокращениями его следует привести:

Велено было остановиться и снять ранцы. Багратион объехал прошедшие мимо его ряды и слез с лошади. Он отдал казаку поводья, снял и отдал бурку, расправил ноги и поправил на голове картуз. Голова французской колонны, с офицерами впереди, показалась из-за горы. — С Богом! — проговорил Багратион твердым, слышным голосом, на мгню-

¹⁵ Анненков П.В. Исторические и эстетические вопросы в романе «Война и мир» // Л. Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 251..

¹⁶ Тарле Е.В. Наполеон. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

вение обернулся к фронту и, слегка размахивая руками, неловким шагом кавалериста, как бы трудясь, пошел вперед по неровному полю. Князь Андрей чувствовал, что какая-то непреодолимая сила влечет его вперед, и испытывал большое счастье. Уже близко становились французы; уже князь Андрей, шедший рядом с Багратионом, ясно различал перевязи, красные эполеты, даже лица французов. (Он ясно видел одного старого французского офицера, который вывернутыми ногами в штиблетах, придерживаясь за кусты, с трудом шел в гору.) Князь Багратион не давал нового приказа и все так же молча шел перед рядами. Вдруг между французами треснул один выстрел, другой, третий... и по всем расстроившимся неприятельским рядам разнесся дым и затрещала пальба. Несколько человек наших упало, в том числе и круглолицый офицер, шедший так весело и старательно. Но в то же мгновение, как раздался первый выстрел, Багратион оглянулся и закричал: «Ура!» «Ура-а-а!» — протяжным криком разнеслось по нашей линии, и, обгоняя князя Багратиона и друг друга, нестройною, но веселою и оживленною толпой побежали наши под гору за расстроенными французами¹⁷.

Мы видим, что против егерей (легкая пехота), которых ведет Багратион, оказываются французские гренадеры, но несмотря на это Багратион ведет своих людей в штыковую атаку (для этого предварительно их освобождают от ранцев). Что порыв атакующей русской пехоты подкреплён характером местности (французы наступают в гору, русские, соответственно, атакуют вниз по склону), но это достигнуто точным расчетом конкретного момента столкновения. Что, наконец, боя как такового не происходит – и в этом ошибка П. Анненкова – наше *воображение достраивает* сцену столкновения, но на самом деле дух одной из сторон ломается еще до рукопашной, и победа оказывается связана не с убийством, а с переломом воли другого человека. Прием «остранения», который автор термина Виктор Шкловский иллюстрировал сценой первой оперы Наташи Ростовской, применяется и здесь: князю Андрею все происходящее кажется цепочкой случай-

¹⁷ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 4. С. 234.

ностей (в результате которых возникает «какая-то непреодолимая сила»). Но понятно, что это результат выбора Багратионом главного участка сражения, удачного расположения резервов, уверенного руководства людьми, которые перенимают его настрой. Полководец – не мозг за шахматной доской, но лидер, который сам не думает о смерти и заставляет других о ней забыть; не устраняет из плана любые случайности, но решает неизбежно возникающие проблемы и понимает, какие из них требуют его непосредственного участия. Таким же лидером оказывается капитан Тушин, Ростов в бою под Островно, князь Андрей под Бородином. И это поразительно совпадает с тем, как искусство полководца описывает маршал XVIII в. Мориц Саксонский, на которого ссылается в своей статье М.И. Драгомиров:

«Многие главнокомандующие занимаются в день сражения только тем, что двигают войска с строжайшим соблюдением равнения и дистанций, отвечают на вопросы, с которыми к ним обращаются адъютанты, рассылают своих адъютантов во все концы и сами непрерывно скачут; одним словом, они хотят сами все сделать и оттого ничего не делают. Я считаю таких генералов людьми... которые умеют делать только то, что они делали всю свою жизнь, – разумею фронтовые учения... Весьма мало есть людей, занимающихся высшими сторонами войны, что большинство офицеров занимается только строевыми учениями и думает, будто все военное искусство заключается в них одних; попадая в главнокомандующие, такие офицеры оказываются полными новичками и, не умея делать то, что нужно, они делают то, что умеют»¹⁸.

В итоге можно заметить сходство тех качеств, которыми обладают некоторые герои Толстого, с известной добродетелью «доблести», *virtu*, которой наделяет идеального правителя Никколо Макиавелли: «Судьба являет свое всесилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений»¹⁹. Подобная доблесть оказывается уделом немногих, и

¹⁸ Драгомиров М.И. «Война и мир» графа Толстого с военной точки. С. 290.

¹⁹ Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. С. 73.

мы практически не видим действия романа их глазами²⁰. При этом само наличие этого качества радикально противоречит всему, что Толстой как философ говорит о природе человека, войны и истории: счастье, испытываемое в моменты его проявления, совершенно отлично от счастья семейной жизни, которое бог-автор навязывает своим героям. Эйфория от преодоления страха смерти, порядок, который эти герои вносят в хаос сражения, одинаковы на пороге Москвы и под заштатным австрийским городком. Более того, само это качество может проявиться *только* при условии конфликта и наличия враждебной воли, которую надлежит сломить. Все это нарушает единство и строгость, которые Толстой-мыслитель предписывает вселенной своего произведения; но как внимательный художник, он не может до конца элиминировать данную проблематику и лишь маскирует ее за неочевидными деталями, оттененными его прямыми и дидактичными рассуждениями. Все это заставляет подходить к раскрытию его философии войны *экзегетически*, проникая вглубь очевидного уровня смысла и по возможности вскрывая детали исторического и культурного контекста каждого эпизода.

Список литературы

1. *Анненков П.* Исторические и эстетические вопросы в романе «Война и мир» // Л. Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 244–272.
2. *Бутурлин Д.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Т 1-2. СПб.: Военная Типография, 1837-38.
3. *Драгомиров М.* «Война и мир» графа Толстого с военной точки зрения // Л. Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 272–296.

²⁰ За исключением, возможно, Андрея Болконского в Бородинском сражении, в котором он участвует уже в качестве командира полка, несущего на себе обязанность быть примером и руководителем для сотен людей. Однако внутренние перемены, происходящие в нем в этой связи, – проблема для отдельного исследования.

4. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807-1814. М.: РОССПЭН, 2012.
5. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.
6. Михайловский-Данилевский А. Описание похода во Францию в 1814 г. Т. 1-2. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1836.
7. Сиземская И. Л.Н. Толстой об исторической необходимости как «равнодействующей множества волей» / Вопросы философии. № 9, 2010. С. 135–143.
8. Тарле Е. Наполеон. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
9. Толстой Л. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. Т. 4–7. М.: Художественная литература, 1978.
10. Шейн И. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Научно-политическая книга, 2013.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как в романе Л.Н.Толстого «Война и мир» представлена его философия войны. Основной вывод – в романе присутствуют два уровня осмысления войны, один из которых Толстой в явной форме противопоставляет традиционным представлениям, второй более проблематичен и нуждается в экзегетическом истолковании.

Гуляев Роман Владимирович, кандидат философских наук, преподаватель школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Булатова А.Р.
Духовные войны и их проекции в интерпретации Николая Бердяева

The paper examines intellectual heritage of remarkable Russian philosopher Nicholas Berdyaev's (1874-1948), concerning metaphysical problematics of war phenomenon. The article reveals the sources of Berdyaev's concept about eschatological issue and disruption of theanthropic bond, causing enslaving wars. It shows Berdyaev's understanding of dialectic between divine and human through the revelation of God-humanity, appearing in spirituality, religious creativity, beauty and attaining the Kingdom of God as a way to uplifting of the human, natural world and society to overcome war and violence.

Ключевые слова: *насилие, экзистенциализм, христианская антропология, личность, человечность, духовность, смысл истории.*

Keywords: *war, existentialism, Christian anthropology, personality, humanity, spirit, meaning of history.*

Обращение к книгам и публицистике, затрагивающим проблематику войны и духовного кризиса человечества, выдающегося русского мыслителя Николая Александровича Бердяева (1874-1948), в личном духовном опыте пережившего эпоху великих потрясений, представляется своевременным и в настоящую эпоху. Важно проследить эволюцию его взглядов на этапе Великой русской революции, Первой и второй мировых войн, поскольку публицистика всегда несет на себе отпечаток своего времени, изменчивого общественного настроения: «В статьях этих я жил вместе с войной и писал в живом трепетании события»¹, — поясняет Бердяев.

¹ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 М.: Астрель, 2007. С. 20.

Как замечают исследователи, «философы русской религиозной этики XX в. были убеждены: войны в ближайшем будущем не исчезнут, т.к. в мире еще слишком много противоречий, способных породить вспышки вооруженного насилия»². В таком ключе мыслили Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, Е. Н. Трубецкой. «Мир не приближается к земному благоденствию, к земному раю, к идиллии вечного мира. <...> Ещё много исторических задач остались неразрешенными»³, — пророчествовал Бердяев, говоря о новых испытаниях рыцарского закала духа.

Сам мыслитель называл свою философию экзистенциальной, или философией духа, представляющей собой персонализм: постановка вопроса о назначении человека означала для него решение проблемы духа как свободы личности («субъекта»⁴), реализации ее в истории и бессмертия, силы творчества, смысла и конца истории. Личность для Бердяева определяется не только в отношении к земному времени, но и к вечности.

Генезис войны: трагизм мещанства и богооставленности в мире объектов

Метафизика, социальная философия и историософские концепции Бердяева, в т.ч. взгляды на проблематику войны, формировались под значительным влиянием «мистического ре-

Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ.статья, сост.и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. С. 20.

² Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. Вып. 2. М.: Институт философии РАН, 2001. С. 222.

³ Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост. и отв.ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 248.

⁴ Понятие «субъект», равноценное свободе духа, в онтологии Бердяева противоположно «объективации», которая покоится на законе и норме и не знает тайны индивидуального [5, с. 452]. Антиперсоналистичная объективация — это «выброшенность» существования вовне, ослабление сознания личности, ее отчуждение, охлаждение творческого огня. «Если бы существовал только закон, то жизнь человека стала бы невыносимой» [Там же, с. 452], утверждает мыслитель. Субъект же всегда экзистенциален, только через него возможно познание смысла бытия и трансцендирование. Объективация духа — это царство мещанства.

волюционаризма»⁵ мыслителя, не относившего себя к «человеку закона»⁶ и бунтовавшего против примата безличной стихии. Свобода, по Бердяеву, укоренена в небытии, творчество же происходит из этой свободы как переход от небытия к бытию, как «взлет, преодоление тяжести мира»⁷. Особенно решительно мыслитель выступает против всеобщего, как оно предстает в социальной сфере — власти государства, нации, народа, коллектива над человеческой личностью, как верховной ценностью в персоналистической философии Бердяева.

С центральной темой личности в его мирозерцании связана проблема объективации, которую он называет источником всех несчастий человека. И поскольку мы живем в разобщенном мире объективации, порожденном от греховного эгоцентризма людей и подавляющем личность, то в нем главенствует война. Война⁸ — это крайняя форма господства общества над личностью, гипнотическая власть коллектива над ней.

Воевать можно только с объектом, но не с субъектом. «Враг — это существо, наиболее превращенное в объект, т. е. экзистенциально наиболее разобщенное», — поясняет мыслитель⁹. С философской точки зрения конец мира и истории, по Бердяеву, будет прежде всего преодолением обыденного мира объективации, т. е. войны, отчужденности, безличности, вражды, зла и страданий выходом в иной мир — человечности, духовности, красоты и бессмертия.

Война и революция — судьи людей и народов, живущих в разрыве богочеловеческих связей. Библия наполнена повествованием о войнах¹⁰, напоминает Бердяев: «на земле то же, что и на

⁵ Гайдено П.П. Мистический революционаризм Н.А. Бердяева // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 5.

⁶ Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М.: Мол. гвардия, 2002. 262 с.

⁷ Бердяев Н.А. Философское мирозерцание Н.А. Бердяева (Автоизложение) // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1952. №4. С. 17

⁸ В приведенном контексте мыслитель говорит о Второй мировой войне, как тоталитарной — противоположной прежним освободительным войнам в истории [Там же, с. 435].

⁹ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Сборник научных трудов 1937-1948. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 441.

¹⁰ Бердяев Н.А. Война и эсхатология // Путь. 1939-1940. № 61. С. 3.

небе. А вверху, на небе, ангелы Божьи борются с ангелами сатаны. Во всех сферах космоса бушует огненная и яростная стихия и ведется война»¹¹. Ссылаясь также на предшествующих философов — Гераклита и Гоббса — мыслитель подчеркивает постоянство и неотвратимость внутренней войны в мире, потому что всякая активность встречает сопротивление. «Два друга, два возлюбленных, родители и дети, два единове́рца, два единомышленника легко переходят в состояние войны»¹², — замечает Бердяев. Люди не могут ужиться друг с другом ни в каких группировках: семейных, хозяйственных, государственных, социальных, религиозных или идеологических.

Трудность решения проблемы войны Бердяев связывает с ее двойственностью, противоречием как сущности жизни: войны в истории являли собой порождение греха, но в то же время возвышались над мещанской жизнью через героические подвиги человека, требуя храбрости, мужества, жертвенности, верности, отказа от безопасности. Поэтому люди и народы колеблются между двумя состояниями — войны и насилия или мещанства, довольства, наслаждения жизнью, с трудом достигая третьего, высшего состояния.

Антиномическая природа войны прослеживается исторически: «через великие войны смешивались и соединялись расы, племена, национальности, объединялось человечество на поверхности земного шара»¹³, замечает мыслитель, определяя войну как борьбу не за справедливость, а за онтологическую силу наций и государств. «В борьбе за свою “идею” отдельный народ вкладывает совокупность своих духовных сил, и Бог предоставляет своим народам свободу такого соревнования», — поясняет Бердяев. Войну можно принять только как великую трагедию, но ими она просветляет души людей: в войне есть и великое добро, и великое зло. Не случайно великие добродетели человеческого характера выковывались в

¹¹ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ.статья, сост.и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. С. 159.

¹² Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Сборник научных трудов 1937-1948. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 433-444.

¹³ Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост. и отв.ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. с. 245.

войнах: «не следует забывать, что на войну люди идут умирать, а не только убивать¹⁴», подчеркивает он.

Война происходит в иных планах бытия, в глубинах духа, природа войны — символическая. Война лишь проявляет зло: «глубже лежат духовное насилие и духовное убийство»¹⁵. И самые страшные преступления совершаются в преклонении идолам псевдореальности — проекции «внутренней болезни человечества»¹⁶. В этой духовной войне Бердяев видит круговую поруку всех, настаивая на всеобщей ответственности всех и каждого за результат ложно направленной свободы человеческого духа: «Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне»¹⁷; «В Евангелии сказано, что убивающих душу нужно бояться больше, чем убивающих тело»¹⁸.

Следует заметить, что Бердяев по-разному трактовал природу империалистических и гражданских войн, ставя первые выше последних ввиду наличия в них обязательной этики отношения к противнику и сохранения «космического иерархического строя»¹⁹, поскольку империалистические войны с древних времен преследовали цель универсального единства.

Какой бы характер ни носила война, она является показателем напряженного динамизма истории, пацифизм же приводит к статическому взгляду на нее. Бердяев не принимает пацифизма, отрицающего иррационально-темное в жизни, оставляющего человечество в прежнем состоянии, определяя это как «желание сбросить с себя ответствен-

¹⁴ Там же, с. 240

¹⁵ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ.статья, сост.и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. с. 158.

¹⁶ Там же, с. 143.

¹⁷ Там же, с. 157

¹⁸ Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост. и отв.ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 239.

¹⁹ Там же, с. 244.

ность»²⁰. Обличая одинаковую ложь милитаризма и пацифизма из-за их внешнего отношения к жизни, мыслитель утверждает, что «война есть изживание внутренней тьмы мировой жизни, принятие вины и искупления»²¹, т.е. обнаружение иррациональности жизни, и «зло нужно искать до войны, в самых мирных по внешнему обличию временах»²².

Бывают периоды в истории, когда война становится безусловным злом – такое явление Бердяев видел в исходе Первой мировой войны: «старая христианская Европа погибает от вражды, от продолжающейся внутренней войны Франции и Германии»²³. В духовном раздоре Европы он предвидел последующие трагические мировые события. Война не разрешила, по его мнению, никаких задач и закончилась «дурным миром», поскольку гуманитарно-пацифистская союзническая идеология во главе с масонской идеей, стремящейся лишить все нации индивидуального характера, подменить Церковь Христову ложной гуманистической лжецерковью, заменила конкретное всеединство человечества абстрактным единством.

Пацифизму, отрицающему самостоятельность исторической действительности и исторических задач, Бердяев противопоставил новое осмысление войны интеллектуальной мыслью своей эпохи. В статье, написанной в годы Первой войны, Бердяев поставил вопрос о мировой роли России и глубокого кризиса сознания русской интеллигенции, о ее морализировании над историей. Мыслитель верил, что она преодолет отрицательную связанность и ограниченность своей «глубоко русской» ценности – своеобразия славянской и русской мистики, неся в историческую ширь свою волю к

²⁰ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ.статья, сост.и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. с. 158.

²¹ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ.статья, сост.и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. с. 161.

²² Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост. и отв.ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. с. 240.

²³ Там же, с. 251.

новой, лучшей жизни для человечества²⁴. «Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, <...> призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству»²⁵, — утверждал Бердяев в статье «Душа России» (1915). В более поздней работе 1938 года он скажет, что русская идея — эсхатологическая, на вершине своего сознания она стремится к «всеразрешающему концу, к осуществлению окончательной правды в жизни»²⁶.

Критика исторического христианства и пацифизма индуизма

Принятие Божественного откровения, в понимании Бердяева, активно и зависит от сознания человека. В этой связи он настаивает на необходимости постоянного очищения, реформирования, возрождения религиозной жизни, подвергающейся влиянию и воздействию социальной среды²⁷.

В своей интерпретации смысла и природы войны он неоднократно обращается к содержанию евангельского Апокалипсиса, пророчествующего о войнах, ибо «христианство есть война, разделение мира, изживание до конца искупления креста в тьме и зле»²⁸. История была всегда войной по преимуществу, она наполнена войнами, и поэтому должна закончиться в богочеловеческом процессе, где ее конец мыслится как имманентный результат зла, т.е. «путей противоположных исканию Царства Божьего»²⁹. По Бердяеву, она должна закончиться, потому что в ее пределах неразрешима проблема безусловной и верховной ценности личности.

²⁴ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ.статья, сост.и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. с. 58.

²⁵ Там же, с. 35

²⁶ Бердяев Н.А. Столкновение рока и разума // Новая Россия. 1938. № 53-54. С. 6.

²⁷ Бердяев Н.А. Философское мирозерцание Н.А. Бердяева (Автоизложение) // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1952. №4. С. 18.

²⁸ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ.статья, сост.и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. С. 159.

²⁹ Бердяев Н.А. Война и эсхатология // Путь. 1939-1940. № 61. С. 6.

Периоды в истории, когда различными группами и движениями провозглашался примат духа над материальной силой феноменального мира, Бердяев называет «пробуждением христианской совести», требующей переоценки по всем основным вопросам жизни. Так он характеризовал персоналистское движение французской молодежи в 20-30-е гг. XX столетия, встревоженной искажением образа человека буржуазным обществом и надвигающимся фашизмом. «Христианская совесть пробуждается, как суд над неправдой капитализма и угнетения человека человеком, как суд над неправдой национализма, порождающего войны и истребление»³⁰, — утверждал мыслитель.

По Бердяеву, глубокая потребность людей драться из-за фанатической приверженности какой-либо идее неискоренима, поскольку действовать — значит встречать противодействие, бороться и в конце концов воевать. В упрек «очень пацифическим индусам»³¹ он ставил их оправдание войны и убийства на войне в религиозной поэме «Бхагавадгита».

Христианство же глубоко противоположно культу силы. «Только христианство требует человеческого отношения к врагу, любви к врагам»³², — подчеркивает Бердяев. Однако подавляющее большинство людей, включая христиан, — материалисты, не верящие в силу духа: так происходит и потому, что высшие (духовные) ценности в этом мире слабее низших ценностей. «Пророк, философ или поэт слабее полицейского или солдата», — поясняет мыслитель. Человек находит в себе героические силы вынести гонение, но для него нет большего испытания, чем испытание победой.

И в истории христианского мира были периоды, замечает он, когда после героического преодоления гонений христианские подвижники, искажая христианскую правду, продолжали практиковать бесчеловечность в войнах и в революциях, в наказаниях иноверцев и инакомыслящих. Победа

³⁰ Бердяев Н.А. Искание социальной правды молодой Францией // Новый Град. 1934. № 9. С. 62-63.

³¹ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Сборник научных трудов 1937-1948. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. с. 434.

³² Там же, с. 447.

легко перерождает силу в насилие. Человек постоянно подвергается заметному психическому насилию, отрицающему его свободу и держащему его в страхе: насилием может выступать воспитание, религиозное запугивание, семейные нравы, пропаганда, ежедневное внушение газеты, власть политических партий, власть денег. Однако в этот ужасающий мир может вмешаться начало духа, свободы, человечности, милосердия, что явит собой «новую христианскую человечность»³³.

Стоит заметить, что историософские взгляды Бердяева далеки от понимания конца истории как фатума, как неотвратимости Божьего приговора, которую часто придает христианскому Апокалипсису материалистическая его трактовка сознанием, «порабощенном этому миру». Настаивая на гуманизации среды, воспринимающей слово Божие, мыслитель развивал концепцию активно-творческого эсхатологизма. Концепция творчества «новой, более человеческой жизни»³⁴, или нового бытия – манифеста, провозглашающего, что на протяжении всей жизни нужно начинать новый мир как царство духа, — упирается в проблему смысла истории.

Бердяев утверждал, что «навстречу второму пришествию Христову идет человек в совершаемых им делах, акты его свободного творчества уготовляют Царство Божье»³⁵. Отдельными советскими и российскими исследователями такая постановка трактуется как «теургическая утопия»³⁶. Однако сложно не согласиться, что идеалы, которым служил «русский европеец»³⁷ Бердяев, и которые с излишней легкостью называют утопиями, — это центральные, важнейшие идеи христианской культуры, объединяющие европейский Запад и европейский же Восток.

Вместе с историей меняется цивилизация: имеющая космогоническое значение техника наносит страшные удары по

³³ Там же, с. 447.

³⁴ Там же, с. 14.

³⁵ Там же, с.7.

³⁶ Мартынов Д.Е. Теургия: религиозно-эстетическая утопия Н.А. Бердяева // Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 109.

³⁷ Порус В.Н. От редактора // Н.А. Бердяев и единство европейского духа

гуманизму и требует «небывалого напряжения духовности»³⁸, настаивает Бердяев. Власть техники над человеком — это предел объективации, т.е. угашения духа. Наблюдая в первой половине XX столетия за масштабными возможностями новой техники, Бердяев словно предвидел потрясения космического характера, к которым может привести тирания технических изобретений. К слову, книгу «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1944) он закончил, когда была изобретена атомная бомба, что было названо им важным моментом в фатальной диалектике войны. Возможности одухотворения техники мыслитель видел в сохранении человеком образа и подобия Божьего, утверждая, что «только во Христе спасается образ человека, только в христианском духе создается общество и культура, не истребляющие человека»³⁹.

Переходя к периоду приближения Второй мировой войны в контексте философского наследия Бердяева, стоит затронуть его критику лидеров западных демократий, чьей политике «разумного гуманизма» он противопоставил «силу рока» — волю к могуществу Гитлера, верившего в свою звезду, что определило его победы и завоевания. Мы живем в эпоху, когда лишь иррациональные силы действительно сильны, научающую тому, что «для победы над роком нужна сверхразумная сила»⁴⁰, напишет Бердяев в статье 1938 года. В ней он связывает энигматичность⁴¹ Гитлера с тем, что в нем так слабо выражено человеческое начало, и именно стоящие за ним веления рока, предназначающего Германию к мировому господству, создали динамическую силу. Фашизм мыслитель трактует как рок капиталистических обществ, буржуазных демократий, «в которых расковываются демонические силы»⁴².

³⁸ Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. №38. С. 26.

³⁹ Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Путь. 1932. № 35. С. 68.

⁴⁰ Бердяев Н.А. Столкновение рока и разума // Новая Россия. 1938. № 53-54. С. 4.

⁴¹ Загадочность (от лат. *enigma* — «загадка»).

⁴² Там же, с. 6.

Эсхатологическая проблема и «новая духовность»

Согласно дневникам супруги философа, Л. Ю. Бердяевой⁴³, в зрелом и позднем периодах творчества центральной для Н.А. Бердяева стала тема эсхатологии. Мыслитель в еще большей степени настаивал на эсхатологическом понимании христианства. Войны, революции и кризисы цивилизации, обостряющие эсхатологическое чувство, он объединил в понятии «внутреннего апокалипсиса истории». В эсхатологической метафизике Бердяева — своеобразном учении о конце мира — феномен войны рассматривается в конфигурации экзистенциальных проблем человеческого существования и смысла истории. Духовная действительность, происходящая в вечности, понимание личности как воплощенного божественного духа, задание преображения мира — составляют каркас «метаистории», или «экзистенциального времени». В поздних работах Бердяев пришел к выводу, что терминологически ошибочно ставить вопрос о смысле войны, поскольку война — это надругательство над смыслом, в ней есть демоническое начало. В то же время, люди, пережившие ее ужасы, могут направить свои силы на творчество новой, лучшей, более человеческой жизни, уготовляя на этих путях конец как преображение.

Вопрос преодоления войн и насилия решается мыслителем в свете величайшей в его понимании тайны человеческой жизни — Богочеловечности. Это рационально невыразимый парадокс, где в одинаковой степени с Творцом важна творческая активность человека как ответ на Божий призыв в ожидании нового откровения св. Духа, поскольку человеческая личность заключает в себе и образ Божий. Бердяев убежден в безнравственности сугубо индивидуального спасения, настаивая на религиозной истине стремления каждого ко всеобщему спасению и преображению мира через собор-

⁴³ Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М.: Мол. гвардия, 2002. 202 с.

ность, свободную коммюнитарность⁴⁴ и творчество нового бытия.

Кризисы и революции в истории, по Бердяеву, свидетельствуют о «неудаче всех исторических осуществлений»⁴⁵. С эсхатологией, в его понимании, связан смысл истории, постигаемый через творческую связь между прошлым и настоящим и соизмеримый с индивидуальной судьбой каждой личности. В этой перспективе время измеряется уже не линейно, а экзистенциально.

Окончательное прекращение войн Бердяев связывает с изменением духовного состояния человеческих обществ и социального строя. Раскрытие богочеловечности, в его интерпретации, означает решение эсхатологического вопроса как основной метафизической проблемы в экзистенциальном времени, вкорененном в вечности. Когда мы приблизимся к вечному царству Духа, к Церкви Духа, где будет читаться вечное Евангелие, «мучительные противоречия жизни будут преодолены и страдания, которые под конец усилятся, перейдут в свою противоположность – в радость для будущего и для прошедшего», провозглашает мыслитель.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Война и эсхатология // Путь. 1939-1940. № 61. С. 3-14.
2. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Путь. 1932. № 35. С. 56-68.
3. Бердяев Н.А. Искание социальной правды молодой Францией // Новый Град. 1934. № 9. С. 56-64.
4. Бердяев Н.А. Философское миросозерцание Н.А. Бердяева (Автоизложение) // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1952. №4. С. 15-21.

⁴⁴В воззрении Бердяева, свободная коммюнитарность, т.е. «братская общность людей» [9, с. 132], может быть лишь результатом духовного и социального движения, которые перестанут быть разделенными и противопологаемыми.

⁴⁵ Бердяев Н.А. Философское миросозерцание Н.А. Бердяева (Автоизложение) // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1952. №4. С. 15-19.

5. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Сборник научных трудов 1937-1948. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 656 с.
6. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Николай Александрович Бердяев; вступ.статья, сост.и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. 1179 с.
7. Бердяев Н.А. Столкновение рока и разума // Новая Россия. 1938. № 53-54. С. 4-7.
8. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост. и отв.ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
9. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
10. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. №38. С. 3-37.
11. Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М.: Мол. гвардия, 2002. 262 с.
12. Гайденок П.П. Мистический революционаризм Н.А. Бердяева // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 5-19.
13. Мартынов Д.Е. Теургия: религиозно-эстетическая утопия Н.А. Бердяева // Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 102-109.
14. Порус В.Н. От редактора // Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 336 с.
15. Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. Вып. 2. М.: Институт философии РАН, 2001. С.216-230.

Аннотация: В статье исследуется метафизическая проблематика войны в экзистенциальной философии выдающегося русского мыслителя Николая Александровича Бердяева (1874-1948). Выявляются источники его концепции об эсхатологической проблеме и разрыве богочеловеческой связи, приводящем к захватным и порабащающим войнам. Показано понимание мыслителем диалектики божественного и челове-

Духовные войны и их проекции в интерпретации Н. Бердяева

ского через раскрытие богочеловечности, выражаемое в духовности, религиозном творчестве, красоте и достижении Царства Божьего, как пути преобразования человека, природной и социальной среды для преодоления вражды и насилия.

Булатова Альбина Ринатовна, аспирант школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Никитина С.В.
**Василий Васильевич Розанов: взгляд на
причины русской революции¹**

The article analyzes the creativity of the Russian philosopher and publicist Vasily Rozanov in the context of his views of the reasons and the purposes of the Russian revolution. Vasily Rozanov considered that the revolution in Russia was the consequence of wrong beliefs of Russian community about life and death, gender and faith. It is corresponded to his philosophical researches. The philosopher was known in society with his contradictory views and uncompromising statements to church and clergy. In particular, Vasily Rozanov made an unexpected supposition that the Christianity is the fundamental cause of revolutionary movement in the world. In article attempted to systematize in Vasily Rozanov's creativity various points of view on the reasons of the Russian revolutions.

Ключевые слова: Василий Розанов, революция, литература, христианство, нигилизм, монархия.

Key words: Vasily Rozanov, revolution, literature, Christianity, nihilism, monarchy

Творчество самого необычного русского философа В.В. Розанова в последнее время привлекает все больше внимания читателей и исследователей. После длительного забвения наследие этого интересного и самобытного мыслителя наконец получает должное освещение.

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования (№15-01-0141) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015-2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Среди проблем, увлекавших В.В. Розанова, основными были межнациональные, социальные, гендерные и религиозные отношения. Может политика и была не самой «любимой» его темой, но и обойти ее мыслителю, горячо любящему свою страну, было невозможно. Что же касается революций (равно как и войны с Германией), очевидно, что любого человека живущего в России, а уж тем более писателя и философа, не могли не трогать события, сотрясающие и переворачивающие всю действительную жизнь страны.

Впечатления и наблюдения В.В. Розанова, современника и очевидца российских революционных событий начала 20 века, ярко иллюстрируют происходящее на сломе эпохи: в 1918 году Василий Васильевич Розанов написал : «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес. — Представление окончилось. Публика встает. — Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Ни шуб, ни домов не оказалось».²

Так, всего лишь несколькими фразами, в свойственной только ему манере, В.В. Розанов передал всю суть одной из трагических страниц российской истории. По его мнению, в тот момент история Русского государства началась заново — две революции 1917 года буквально стерли 10 веков российской государственности, и, отвергнув опыт прошлых поколений, принялись перекраивать настоящее согласно некоему новому, дьявольскому плану. «Воистину нет сил более терпеть и переносить. Ни татарское жестокое нашествие, ни вхождение в Россию Наполеона, ни Крым и Севастополь, ни половцы и печенеги не вносили в Россию и малой доли того крушения сил ея, какое внесли эти всего 14 месяцев. Буквально, мы стоим как бы при начале русской истории, буквально — русская история как бы еще и не начиналась. Приходится опять заводить все сначала, приходится тысячелетнего старца сажать за азбуку, как младенца, и выучивать первым складам политической азбуки»³.

² Розанов В.В. Апокалисис наших дней. С. 45

³ Розанов В.В. С печальным праздником.

В этих строках наполненных тревогой за будущее горячо любимой родины, написанных в последние годы своей жизни, В.В. Розанов призывает к ответу тех, кому понадобилось «затоптать» все, что связывало людей в России и разбудить в них сословную вражду. Из единого государства Русь превратилась в «толчею «общественных элементов»», она развалилась, потеряв самое себя и свою культуру.

О В.В. Розанове принято говорить как о консерваторе и монархисте. Кое-где, на страницах своих произведений он и сам именуется себя «монархист Розанов». Защите монархического строя посвящены многие его заметки, в которых он сетует на отрицательное отношение к царизму. Ведь государь для В.В. Розанова, увлеченного древним Востоком, прежде всего символ и проводник космической деятельной энергии и порождающей силы самого неба в государстве. Желание подчиняться воле и власти монарха, Розанов связывал с доверием своей жизни божеству. В отмирании веры в мифы и наступлении разума на области сугубо духовные, Розанов видел главную причину ослабления верноподданнических чувств у своих сограждан. В тоже время, сборник «Когда начальство ушло» исследователи розановского наследия называют выразителем его левых взглядов. Сам о себе он говорит «я писал однодневные «черные» статьи с «эсэрами». И в обеих был убежден»⁴.

Судить о позиции самого В.В. Розанова в этих категориях бессмысленно и неверно: его противоречивая, живая мысль ускользает от попыток схематизировать и организовывать ее, подчинять строгой научной терминологии. Жанр полудневника-получерновика изобретенный В.В. Розановым, в котором мелькнувшая мысль так и остается не-додуманной, «не-причесанной» и не-редактированной, лучше всего иллюстрирует переживания автора и погружает в атмосферу эпохи. Зафиксированная на бумаге, и не мысль даже, а чувство, она подобна ощущению, образу или

⁴ Розанов В.В. Опавшие листья, с. 495

фотографии и переживаемая читателем, делает последнего свидетелем события.

«Ослабнувший фетиш»

В 1906 году, работая над статьей «Ослабнувший фетиш», В.В. Розанов был уверен, что отказ от монархии являлся неизбежным. И обозначил эту свою идею гибнущей и ненужной монархии как фетиш, теряющий силу.

Ситуация, в которой стало возможным выступление подданных против своего государя, В.В. Розанов определил как «иррациональность». Революция вообще не есть порождение разума — иначе бы она никогда не случилась. Разум составляет только «программу» революции, пытаясь внести в нее осмысленность и разумность, как бы, пытаясь выжить, устоять в хаосе и разрухе. На самом деле, революционные стремления исключительно иррациональны. Они зарождаются где-то в глубине человеческой психики и потом, окончательно созрев, выплескиваются наружу. Зарождаются они обычно внутри сознания всего народа, и в случае с Россией это иррациональное желание перемен также охватило всю нацию. Поэтому ей подчинились все слои общества: от аристократов до крестьян. Ослабевший фетиш — это монархия. Поклонение монархии также иррационально. Чувства вызываемые у нации монархом схожи с чувством поклонения божеству, верховному существу — отсюда желание подчинения ему, ожидание защиты и т. д. По этой причине, считает В.В. Розанов, исторически так сложилось, что людьми никогда не принимались выборные монархи, так как они были ставленниками разума. Именно это иррациональное чувство руководило людьми тогда, когда они терпели ужасающий гнет от священного монарха крови и отвергали случайных, не принадлежащих царскому роду правителей, несмотря на все их очевидные достоинства. Выборная монархия — это нечто искаженное, это уподобление оригиналу, фикция, а значит нечто уродливое и ненастоящее, одним словом — искусственное. Показательным для В.В. Розанова был тот факт, что в древних цивилизациях выборная монархия исчезла на самом ее начальном этапе.

Вообще, на инстинктивном и неосознанном человеческом ощущении В.В. Розанов основывает многие предчувствия людей. Это некий общий, архетипический канал, из которого человечество получает соответствующую информацию. Отсюда мнение писателя, что появление революционных настроений и снижение монархических чувств у народа ситуация вполне закономерная и непреодолимая как силы природы. Например, такое же неотвратимое как колебание уровня воды в Аральском и Каспийском морях. Противостоять этому практически невозможно. То же самое произошло и с Реформацией — не Мартин Лютер инициировал ее, он стал только самой яркой ее фигурой и всего лишь выразителем того стихийного чувства, что давно уже копилось в душах его сограждан.

Так почему же подданнические чувства обесцениваются? Розанов считает, что по причине возрастания уровня и значимости науки. То есть, рационализация перекрывает канал, который питает древние «фетишистские» монархические чувства. Они сходят на нет. Мифы рационализируются, «мечты отмирают». Быть русским по Розанову значило носить и любить в своем сердце определенный набор мифов, но прежде всего — царя-батюшку, его образ как отца и выразителя всего народа. Голод, нищета, закабаление и прочие причины, называемые в качестве катализатора, запустившего народные волнения, несомненно имели роль, но истинная причина крылась именно в отмирании соответствующих мифов.

Тем не менее, ослабление фетиша монархической власти не причина революции, а напротив — как и сама революция, это следствие. Где же истинные причины этого рокового «ослабления»? Литературное наследие В.В. Розанова весьма богато и разносторонне, порой — весьма противоречиво, но все же, основные причины русской революции в текстах мыслителя очевидны: русская литература, нигилизм и христианство.

Разберем по очереди каждый из пунктов.

Литература

Русской литературе В.В. Розанов предъявлял серьезные обвинения: именно с нее «началась в России тоска», а люди стали «лишними». Гоголь смеялся над всем и стал одним из первых в этой обличающей и обвиняющей массе русской литературы, дотошно и вместе с тем разухабисто расписав пороки русского народа. За Гоголем потянулись и все остальные: они стремились унижить и уничтожить свое государство и народ. Особенностью русской литературы стали ее ненависть и неуважение ко всему русскому: быту, истории, самому человеку. Литераторы занимались тем, что создавали весьма негативные образы русского человека, порождая в российском обществе стыд к самим себе как к нации и крайнее самоотрицание: семьи у Тургенева («Отцы и дети»), администрации у Щедрина («Господа ташкентцы»), купечества у Островского, духовенства у Лескова, помещиков у Гоголя и Гончарова. И русскому человеку не осталось ничего, что можно любить, кроме шутовских рассказов и песенок. А раз так, то можно все разрушать, ведь никакая сфера жизни уже не требует бережного к ней отношения⁵. (Из этого всего впоследствии родился нигилизм.)

Постоянно нарастающий обвинительный тон литературы с удивлением и беспокойством отмечался В.В. Розановым. То или иное сословие — дворянское, крестьянское, мещанское — именовалось разными авторами «ужасом, стыдом, позором, страданием России» — в этих уничтожающих словах В.В. Розанов видел ключевые слова всей русской литературы, ее основное содержание.

Свою враждебность к русской литературе В.В. Розанов объяснял также и крайним ее самодовольством: самодоволен Грибоедов, самодоволен Герцен. Но весь их обличающий и поучающий пафос не трогает сердце и потому, во-первых, бесполезен, а во-вторых, как выяснилось, даже вреден. С Грибоедова и с декабристов началось отрицание своих русских корней⁶.

⁵ РЭ, с.1942

⁶ Розанов В.В. Апокалипсис..., с.33

В.В. Розанов неоднократно писал, что в гибели России виновата литература. Так в чем же заключалась главная вина русской литературы? За что философ был к ней так строг?

Ответ на этот вопрос совершенно несложен: именно литературе В.В. Розанов отводил роль главного воспитательного «учреждения» русского общества. Он считал, что русская литература имела настолько сильное влияние на умы людей, что изменяла устремления и взгляды народа всего за одно поколение, поэтому идеологическую силу литературы сложно переоценить.

«Литература есть естественная школа народов»⁷, утверждал В.В. Розанов, но русская литература совершенно не занималась образованием русского человека. Трудолюбивый и терпеливый русский народ поколениями развращался ею, она с упоением выявляла и культивировала его пороки: лень, пьянство, самодовольство. Она не научила («не внушила научиться») его работать: В.В. Розанов с возмущением пишет о том, что русские не в состоянии сами создать приличное производство товаров. Даже такие обыденные и необходимые в хозяйстве вещи как гвозди и косы закупались у европейцев, а аптеками владели сплошь одни евреи и немцы. Русская же литература занималась тем, что описывала душевные переживания главных героев: «как они любили» и «о чем разговаривали». Никого не интересовало «что написано», а только «как» — «Мы, в сущности, играли в литературе. «Так хорошо написал» (...) По содержанию литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость бесстыдства и наглости, — как ни единая литература.»

«Так что же мы умеем?» «А вот, видите ли, мы умеем «любить», как Вронский Анну, и Литвинов Ирину, и Лежнев Лизу, и Обломов Ольгу. Боже, но любить нужно в семье; но в семье мы, кажется, не особенно любили»⁸.

Нигилизм

Литература, воспевающая «лишних людей», в итоге, их же и породила. Темы самоуничужения, самоотрицания, не-

⁷ Розанов В.В. Опавшие..., с. 429

⁸ Розанов В.В. Апокалипсис..., с.7

любви и неприятия самих себя и России были основной темой русской мысли. Собственно говоря, это неуважение к самим себе вызванное собственной праздностью и неверием, делает русских «ненужными людьми». А все ненужное с необходимостью исчезает. «Бог гонит Россию».

Поколение 60-70 гг было очаровано Западом, восприняв оттуда все самое лучшее на их взгляд: идеи просвещения, идеи долга перед людьми и отечеством⁹. Они создали теоретическую базу, которую их детям предстояло воплотить в жизнь, то есть сделать теорию практикой, но их дети начали именно с упрека в непрактичности и отказались от прошлого своих отцов. В. В. Розанов говорит о двух поколениях интеллигенции в России, где младшее поколение отвернулось от старшего и сделалось его самым первым и главным врагом.

Нигилизм был увлекателен для молодежи своим пафосом борьбы с социальной несправедливостью. В.В. Розанов характеризует нигилизм как высвобождение или освобождение от традиционных семьи, религиозности и других общественных институтов. У русских нет сознания своих предков и потомства. Это утрата созидательных качеств русской нации, которые «безнациональны» и «выхолощены» от всего русского¹⁰.

Христианство

Парадоксально, но главным виновником революции для Розанова являлось христианство: «Сначала и долго кажется, что «Христос» и «революция» исключены друг друга. Целую вечность кажется. Пока открываешь, и уже окончательно «вечно», что революция исходит от одного Христа»¹¹.

Тут стоит кратко обратиться к его теории рода и жизни, по которой христианское учение предстает как религия смерти, нацеленная на процесс обратный рождению. Розанов называл евангелие «религиозно-холодной книгой». Его концепция религии основывалась на бесконеч-

⁹ Розанов В.В. Почему мы..., с.13

¹⁰ РЭ, с. 1716-1718

¹¹ Розанов В.В. Апокалипсис..., с. 366

ном взаимодействии пола и жизни: бесконечное воспроизведение живого через рождение. Христос и христианство с их аскетическим, потусторонним культом для В.В. Розанова были бессеменны и мертвы. «Христос не посадил дерева, не вырастил из себя травки; и вообще он без зерна мира, без — ядер, без — икры, не травянист, не животен; в сущности — не бытие, а — почти призрак и тень; каким-то чудом пронесшаяся по земле»¹².

Во введении к первой книжке «Апокалисиса...», В.В. Розановым сделана вполне характерная запись: «Нет сомнения, что что глубокий фундамент всего происходящего заключается в том, что в европейском человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все (...) Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания»¹³. Христианство стало причиной крайней рационализации нашей жизни, принципиально разделив разум и тело.

В.В. Розанов предрекал Христу сокрушение его власти: вся Россия станет территорией восстания против Него. «Апокалисис» и есть собственно вседержительный, космогонический суд над Христом»¹⁴ В.В. Розанов был уверен, что если наполненную мистическими видениями книгу Откровения прочесть с этой точки зрения, то она сразу станет ясна и понятна¹⁵.

Он считал, что основной вызов христианство получило за свою неспособность дать людям достойную земную жизнь. Оттого и стал возможным удивлявший Василия Розанова отход людей от веры после февральских событий в крайне короткие сроки. «Христианство вдруг все позабыли, в один момент — мужики, солдаты, — потому что оно не вспомоществует, что оно не предупредило ни войны, ни бесхлебицы. И только все поет, и только все поет. Как

¹² Розанов В.В. Опавшие..., с. 400

¹³ Розанов В.В. Апокалипсис..., с. 5

¹⁴ Там же, с.310

¹⁵ Там же, с.311

певичка. Слушали мы вас, слушали. И перестали слушать»¹⁶.

«Они не понимают боли. Они не понимают смерти. Они не понимают рождения»¹⁷. Эти слова одновременно обращены и к христианам и к революционерам. История уже показала ошибки французской революции. Но это ничему не научило русскую нацию. Революционер для Розанова это воплощенная гордыня. Быть революционером — значит все проклинать. У революции нет программы, есть только цель — свержение существующей власти. Революция никогда не закончится потому, что у нее нет настоящего и прошлого, а есть только «надежда на завтра».

Тем не менее, стоит отметить, что изначально отношение В.В. Розанова к революции не было сплошь негативным и отрицательным. Его работа 1906 года — «Ослабнувший фетиш» была попыткой теоретически обосновать разрушение монархии в России и оправдать революцию. Он считал ее временем, когда в России наконец зарождается новое, прогрессивное правосознание. «Здоровая стихийность», «естественный характер», «кризис института монархии» — философ считал революцию временем, когда люди становятся похожими на себя, возвращаются к себе, «теряя долю жи в которой живут во всякое не революционное время».¹⁸ Революция общенациональна и является делом молодых, ее можно охарактеризовать как «молодость пришла».

Но вскоре, после недолгого увлечения революцией, философ кардинально меняет свою точку зрения, обвиняя революционеров в «садистском наслаждении кровью».¹⁹ В его глазах все революционеры — «хулиганы», а сама революция одно сплошное «действие и темперамент», не имеющее системы и смысла.²⁰

Революция это не просто террор, но и реформы. Прежде всего это положительное преобразование, а не уничто-

¹⁶ Там же, с. 398

¹⁷ Розанов В.В. Мимолетное, с. 192

¹⁸ РЭ, с. 1944

¹⁹ Там же, с.1820

²⁰ Там же, с. 1821

жение старого. Но и именно об этом «реформаторы» забыли.

Список литературы

1. *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени / Собр. соч. под. общ. ред. А.Н. Николюкина // М.: Республика, 2000.
2. *Розанов В.В.* Когда начальство ушло / Собр. соч. под. общ. ред. А.Н. Николюкина / М.: Республика, 1997
3. *Розанов В.В.* Мимолетное / Собр. соч. под. общ. ред. А.Н. Николюкина / М.: Республика, 1997
4. *Розанов В.В.* Почему мы отказываемся от «наследства 60-70 годов»? — Русская мысль. Сост. А.Н. Николюкин М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 576 с.
5. *Розанов В.В.* С печальным праздником <http://users.kaluga.ru/kosmorama/holyday.html>
Печатается по книге: Спасовский М. В. В. Розанов в последние годы своей жизни: Среди неопубликованных писем и рукописей. Берлин, 1923. С. 22-25. <http://users.kaluga.ru/kosmorama/holyday.html>
6. *Розанов В.В.* Ослабнувший фетиш (психологические основы русской революции) / Издание М.В. Пирожкова / С.- Петербург, 1906
7. *Розанов В.В.* Опавшие листья / Сочинения. Т.2. / Правда, М.: 1990. с.715
8. *Розанов В.В.* Последние листья / под. общ. ред. А.Н. Николюкина // М.: Республика, 2000.
9. *Николюкин А. Н.* Розанов http://royallib.com/read/nikolyukin_aleksandr/rozanov.html#2109440
10. *Фатеев В.Ф.* Нигилизм / Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. — М.: РОССПЭН, 2008.
11. *Быстрова О. В.* Революция / Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. — М.: РОССПЭН, 2008
12. *Жуков В. Н.* Первая русская революция / Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. — М.: РОССПЭН, 2008.

Аннотация: В статье анализируется творчество русского философа и публициста Василия Розанова в контексте его взглядов на причины и цели русской революции. Василий Розанов считал революцию в России следствием неправильного отношения русской общественности к жизни и смерти, полу и вере, что перекликалось с его основными философскими и религиозными поисками. Философ был известен в обществе своими противоречивыми взглядами и смелыми высказываниями в адрес церкви и духовенства. В частности, Василий Розанов выдвинул довольно неожиданное и дерзкое предположение, что главным «виновником» революционного движения в мире является христианство. В статье предпринята попытка выявить и систематизировать в творчестве философа различные точки зрения на причины русских революций.

Никитина Софья Валерьевна, студентка бакалавриата 4 курса школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Малышев-Санкин А.В.
Фигура полководца в военно-философских
учениях Сунь-цзы и Н. Макиавелли

The comparison of points of views of an ancient Chinese philosopher and strategist Sun Zi and an Italian political thinker of the Renaissance Niccolo Machiavelli on the commander's figure, his role in military affairs and moral aspects of martial art.

Ключевые слова: военная философия, искусство войны, полководец, государь.

Keywords: philosophy of war, art of war, commander, ruler.

*«Войско баранов, возглавляемое львом, всегда одержит
победу над войском львов, возглавляемым бараном»*

Наполеон Бонапарт

С тех самых пор, как война из простого убийства человеком себе подобных и торжества грубой силы превратилась в искусство мысли и тонкого мастерства, в нём прочное место заняла фигура полководца, вокруг которой концентрируется любое военно-философское учение.

Долгая история развития ратного искусства привлекла к нему множество мыслителей самого различного толка, от архитекторов быстрой победы и тех, кто, признавая неискоренимость «марсова духа» в самой человеческой природе, стремился «приручить» войну, до убеждённых противников всякого кровопролития. Но обойти вниманием фигуру полководца, персонифицировавшего войну, не удавалось никому; взгляды двух таких мыслителей, древнекитайского стратега Сунь-цзы и итальянского философа эпохи Ренессанса, Никколо Макиавелли, я хотел бы сравнить в настоящей статье.

Сунь-цзы.

Сунь-цзы (VI-V вв. до Р.Х.), командовавший войсками Царства У в период Сражающихся Царств, считается автором одного из столпов китайской военно-философской мысли — трактата «Искусство войны». Означенная работа написана им, вероятно, на посту высшего военного советника, из чего следует, что опыт автора охватывал как непосредственно военные, так и политические сферы государственной жизни.

В идеологической основе трактата лежат принципы конфуцианского социального устройства, элементы «законнической» политической теории и даосской диалектики. Диалектические отношения верности и обманчивости, существования и гибели стали одной из главных методологием военно-философской мысли Китая. Труд Сунь-цзы отличается афористичностью, сочетая практические советы с философскими размышлениями «в восточном духе».

Следует заметить, что война для Сунь-цзы — самая невыгодная форма политической борьбы, ибо она неизбежно влечёт за собой убытки, нередко превышающие конечные приобретения. Лучшая война — та, в которой не будет ни единого сражения; мудрый правитель побеждает вражескую державу прежде, чем армии придут в движение, путём дипломатических ухищрений (например, политической изоляции противника, разрушения его замыслов прежде осуществления); хороший полководец побеждает, не встречаясь с противником на поле боя¹. Для этого необходимо хорошо знать и понимать пять факторов — «Путь», «Небо», «Землю», «Полководца» и «Закон»².

Исходя из текста представляется, что фигуры правителя и полководца в учении Сунь-цзыне тождественны, что соответствует конфуцианским представлениям об упорядоченности социальных отношений. В воле государя начать войну, за ним и выбор полководца, что требует известной проницательности. Надеяться на победу может государство, в котором удаётся достичь единомыслия государя и подданных («Путь»), что предотвращает дезертирство и волнения в тылу воюющей армии.

Идеальный полководец в видении Сунь-цзы — уравновешенное сочетание множества качеств: верности и правдивости к

¹ Сунь-цзы. Искусство войны (пер. с кит. Конрад Н. И.). М.: Эксмо, 2014. С. 21.

² Там же, с. 17.

своему государю, хитрости и обманчивости в отношении врага, отваги, мужества, острого аналитического ума, отеческой любви к своим людям, но строгой требовательности и безпристрастности в наградах и наказаниях. Отношения полководца и его людей строятся на строгой иерархии, единомыслии и беспрекословной подчинённости. Полководец скрепляет собой военную машину, не допуская разброда между офицерами, непослушания среди солдат и внушая почтение тем и другим: «Вот дело полководца: он должен сам быть всегда спокоен и этим непроницаем для других; он должен быть сам дисциплинирован и этим держать в порядке других»³. Успех достигается полководцем мыслящим армию как единое целое, использующим условия природы («Небо») и местности («Земля»). Гуманность полководца — это проявление милости к побеждённым и разумное стремление сохранить «человеческие ресурсы». Хороший полководец должен быть разборчив в людях: это полезно при назначении им офицеров и не менее важно в противодействии противнику: путём шпионажа полководец должен собирать сведения в том числе касающиеся вражеского командующего — знать противника, равно как самого себя, не менее ценно, чем знать досконально местность — сражаться с хорошо изученным противником почти то же, что играть с собою самим в шахматы.

Хороший командующий не мыслим без сильной воли, готовности принимать решения сообразно с выгодой, но возможно быстрее и твёрдо, избегая неопределённости. Ему прекрасно должны быть известны премудрости воинского строя, хитрости маневрирования, тонкости командования массами людей, но не менее важны и вопросы снабжения армии всем необходимым, словом, все аспекты военной организации («Закон»). Среди недостатков, губительных для полководца, Сунь-цзы перечисляет стремление к смерти в бою, так и стремление во что бы то ни стало остаться в живых, как излишнюю гневливость и чувствительность, так и излишнюю любовь к людям, что в равной степени обезсиливает его⁴.

«Война — путь обмана», причём обоюдного — мудрый (значит и хитрый) полководец в совершенстве должен обладать

³ Там же, с. 43.

⁴ Там же, с. 34.

искусством манипуляции, и через то управлять как своими людьми, а заодно предохраняться от шпионов, так и контролировать неприятеля: «... он должен уметь вводить в заблуждение глаза и уши своих офицеров и солдат и не допускать, чтобы они что-либо знали. Он должен менять свои замыслы и изменять свои планы и не допускать, чтобы другие о них догадывались»⁵.

Помимо перечисленного, от государя требуется наделить избранного командующего абсолютной властью в войске. «Государем» для воюющей армии становится полководец, решающий судьбы своих подчинённых независимо от государственных предписаний мирного времени, и «связанный» в своём всевластии лишь выгодой державы и верностью государю, которому он служит. Сунь-цзы рекомендует правителю не вмешиваться в дела полководца, дабы не нарушить тем стройность управления армией и слаженность действий.

И правитель, и полководец в деле войны обязаны отречься от собственных чувств и сообразовываться лишь с государственной выгодой: «Если нет выгоды, не двигайся; если не можешь приобрести, не пускай в ход войска; если нет опасности, не воюй. Государь не должен поднимать оружие из-за своего гнева; полководец не должен вступать в бой из-за своей злобы. Двигаются тогда, когда это соответствует выгоде; если это не соответствует выгоде, остаются на месте»⁶. Выгода – вот к чему обращены все действия и все победы. Мудрый государь, вынужденный прибегнуть к *ultima ratio regum*, должен точно поставить цели войны, а полководец достичь выгод с минимальными убытками, вообще же войну следует вести быстро и заканчивать прежде, чем начнут иссякать ресурсы и расти недовольство подданных.

Тогда как полководцу вменяются безстрастность и холодный рассудок, солдатам следует внушать противоположные чувства – ярость и жадность к имуществу противника: «Убивает противника ярость, захватывает его богатства жадность»⁷. В походе армия сама обезпечивает себя за счёт вражеских ресурсов

⁵ Там же, с. 43.

⁶ Там же, с. 46.

⁷ Там же, с. 20.

для сохранения своих собственных: «... умный полководец старается кормиться за счёт противника»⁸.

Никколо Макиавелли.

Никколо Макиавелли (1469-1527), проведший половину жизни на политической арене Флорентийской Республики, вторую – в изгнании, в своём известнейшем трактате «Государь», направленном в конечном счёте к одной высшей цели – воссоединению раздробленных италийских земель и возвращению славы, достойной античного Рима, не обходит вниманием ни военного дела, ни фигуры полководца. Однако, в отличие от Сунь-цзы, полководцем с абсолютной властью над войском выступает непосредственно государь (в реалиях эпохи Макиавелли – один из италийских князей). Уже в первой главе завоевание называется среди путей приобретения власти и земельных владений; в главе XIV автор утверждает: «... Государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого»⁹. В видении Макиавелли, военная сила и искусность в ратном деле служат государю прочнейшей опорой трона, человеку же незнатному позволяют взойти на вершины власти (чему, действительно, были в те времена примеры). «Мудрый государь должен ... никогда не предаваться в мирное время праздности, ибо все его труды окупятся, когда настанут тяжёлые времена...»¹⁰. Государю-полководцу (разве не восхитился бы Макиавелли, проживи он иаредовы веки, Фридрихом Великим?) надлежит прилежно совмещать политическую деятельность с военными занятиями как на практике (смотри, учения войск и все причастные к тому экзерциции), так и в теории. Последнее подразумевает, в числе прочего, занятия географией и историей. Философ предлагает совмещать приятное с полезным – «практическую географию» (наглядное исследование владений, их ландшафтов) и распространённое аристократическое развлечение – охоту. Примером пользы таких занятий служит глава Ахейского союза Филопемен, которого, ввиду его пре-

⁸ Там же, с. 20.

⁹ Макиавелли Н. Государь (пер. с итал. Муравьёва Г. Д.). М.: Эксмо, 2013. С. 78.

¹⁰ Там же, с. 79.

красного знания родного края, никто не мог застать врасплох — всюду знал он преимущества местности, непрестанно размышляя на прогулках, как и где мог бы он действовать силою войска. В рамках же исторического познания, Макиавелли завещает насыщать ум опытом прошедших веков за чтением хроник и жизнеописаний великих деятелей прошлого: учитывать следует не только их благие и славные деяния, но и ошибки, а ещё лучше — взять за образец какого-то одного славного мужа, следуя ему и в делах, и в лучших качествах природы, непрестанно самосовершенствуясь.

В другом трактате, «О военном искусстве», Макиавелли вторит Сунь-цзы, утверждая необходимость консолидации замыслов правителя-полководца и подданных, в том числе солдат. «Однако, есть ещё правило, которое важнее всех других — никогда не вести в бой войско, которое боится врага или скольконибудь сомневается в успехе, ибо первый залог поражения — это неуверенность в победе»¹¹. О людской природе держась невысокого мнения, флорентиец считает, что государю-полководцу разумнее внушать страх подданным (особенно «новоприобретённым») нежели любовь, так как люди лицемерны, неблагодарны и непостоянны, благодеяния скоро забывают и низко ценят, ввиду чего при случае избегают служения своему государю и изменяют ему, стоит щедрости смениться на нужду в людском участии. Прославившись «отделением» морали от политики, Макиавелли, однако, не отказывается от идеи общего блага, ведь именно она лежит в основе любой преходящей морали. Таким образом, государю следует стремиться к общему благу, пусть своим, особым, «надморальным» путём, которого, однако, куда комфортнее держаться, когда на пути начинаний не встаёт препятствие народной ненависти. «Не быть ненавидимым» — вот та золотая середина, которой следует держаться государю в отношениях с народом.

Ничто так не возбуждает в народе почтение к государю, как его военные успехи. Однако, чтобы обеспечить успех своим предприятиям, государю мало того, что Макиавелли называет доблестью — качеством, позволяющим сломить над собою власть

¹¹ Макиавелли Н. О военном искусстве (пер. с итал. Осмолов А. К.). М.: Эксмо, 2014. с. 293.

судьбы. Нет, поистине великий муж, идущий супротив потока судьбы и желающий обессмертить свои деяния должен, по мнению философа, сообразовывать свои действия и планы с «духом времени». Здесь мы наблюдаем нечто схожее с измышлениями Сунь-цзы, утверждающего крайнюю важность равновесия отваги и осторожности – макиавеллиевский Principe, силой своей воли способный на дерзкие поступки, злодейские с точки зрения морали, должен одновременно быть осторожным, так как едва ли не всякое упущение, ошибка может послужить падению государя и катастрофической гибели любого его дела. В пример Макиавелли приводит римского понтифика Юлия II, пробивная натура которого позволила ему стяжать славу неукротимого и напористого человека, склонного к скорым решениям и непредсказуемым действиям; но «проживи он дольше, и наступи такие времена, когда требуется осторожность, его благополучию пришёл бы конец, ибо он никогда не уклонился бы с того пути, на который его увлекла натура»¹². Вновь флорентиец переключается с Сунь-цзы, призывавшим государей и полководцев отставить личную страсть перед лицом государственных свершений и военных кампаний, где разуму следует предоставить главенствующее положение даже над натурой. В результате наибольшего успеха макиавеллиевский государь способен достичь, «играя» с Фортуной по её же правилам — нанося ей неожиданные удары доблестью, но сохраняя политическую гибкость.

И в «Государе», и в трактате «О военном искусстве», Макиавелли выдвигает идею о всеобщей воинской повинности. «... Власть государя должна покоиться на крепкой основе, иначе она рухнет»¹³. Обозревая виды войск и рассуждая о наилучшем, Макиавелли отдаёт предпочтение «собственным» войскам, считая наёмные и союзные ненадёжными и даже опасными. Верность наёмников приходится дорого покупать, а последствия их неверности грозят военной катастрофой и многочисленными бедствиями собственного же гражданского населения (вспомним печальный опыт мародёрства во время и после Тридцатилетней войны), к тому же, ничто не мешает противнику перекупить

¹² Макиавелли Н. Государь (пер. с итал. Муравьёва Г. Д.). М.: Эксмо, 2013. С. 110.

¹³ Там же, с. 70.

кондотьеров и ландскнехтов. Союзнические войска, как и наёмников, так же приходится покупать, с той разницей, что ценой выступает лояльность их настоящему владельцу, а значит государь, пользующийся услугами иностранной армии, попросту платит за неё своей независимостью. Подкрепляет свои суждения Макиавелли примерами из далёкого и недавнего прошлого.

В трактате «О военном искусстве», так же, как и в китайском «Искусстве войны», наличествуют указания к возбуждению в войсках определённых настроений. Так, для увлечения воинов в бой, лучше внушать им ярость к противнику, передавая ругань вражеских солдат и надменность их лидера. Вообще, личные качества полководца неизменно возносятся как Сунь-цзы, так и Макиавелли – от его действий, будь то руководство в битве или пламенная речь перед строем, или гневный оклик дрогнувших под натиском врага и побежавших солдат, зависит всё. Солдат необходимо поддерживать в состоянии напряжённой готовности, не «перегибая палку», но небольшими стычками с неприятелем превращая военные действия в род обыденности: «... потому что люди легко теряют страх перед всем, что повторяется ежедневно»¹⁴. Дабы между полководцем, помимо посредничества офицеров, и массой войска была связь, солдат следует приучать внимать речам своего командующего, а полководцу – учиться с солдатами разговаривать.

Полководец, восстающий перед нами из строк «Государя» и «О военном искусстве», сосредотачивает в себе несметное богатство мысли и знаний, он неизменно находится в состоянии совершенствования, упражняя тело и ум. Он должен быть готов к действиям на любой местности, исходя из собственных ресурсов принимать наиболее разумные решения, он должен знать не только себя и свои недостатки, непрестанно с ними борясь, но и своего противника – неприятельского полководца, его характер, привычки и склонности.

Образцом «государя», образ которого складывается из его учения, Макиавелли считал своего современника, Цезаре Борджиа. Цезаре был известен своей противоречивой натурой – волевой и настойчивый до жестокости, он, в то же время, обладал

¹⁴ Макиавелли Н. О военном искусстве. С. 296.

аналитическим умом и умел принимать взвешенные решения, сочетая доблесть и чуткость к «духу времени». Борджиа, получивший влияние, власть и богатство благодаря отцу, Папе Александру VI, проявил себя как мужественный, но хитрый человек, как командующий он внушал своему войску почтение, граничащее со страхом, умело сдерживал людей в подчинении и столь же способно управлял ими, лично и с охотой принимал участие в сражениях и превосходно фехтовал. Однако позиции Борджиа в конечном счёте оказались недостаточно прочны – со смертью отца он стал быстро их сдавать, в результате чего к моменту гибели единственная принадлежащая ему власть была военная.

Выводы

Сравнивая учения двух этих авторов, приходишь к выводу, что сходств найдётся больше, нежели различий. Последние в основном объясняются временными условиями. В первую очередь, различны сами цели их трудов: Сунь-цзы, вероятно, видел в своём трактате практическое руководство будущему полководцу, китайскую «Науку побеждать», каковой «Искусство войны» и стало для тысячелетней китайской военно-философской мысли. Актуальность трактата, несмотря на изрядно переменявшиеся реалии войны, не потерялась за столь долгий срок времени – как и полководцы династии Мин, так и французские офицеры XVIII века (когда перевод трактата стал доступен европейцам), и даже военные теоретики Соединённых Штатов обращаются к мудрости военного советника из Царства У. Кроме «святых банальностей», кажущихся очевидными во все века (важность рекогносцировки на местности, строгого учёта ресурсов, навыков работы с массами людей *et cetera*), неизменно актуальным остаётся мудрый совет Сунь-цзы «познавать противника, как самого себя», что в наше время, когда место человека в военном деле постепенно сужается до роли «оператора», сравнимо, разве что, с искусством быстрого маневрирования в эпоху «войн в кружевах».

Макиавелли же, напротив, наглядно описывает цель «Государя» (зная его взгляды, можно предположить, что цель эта относится ко всем трудам прославленного флорентийца) в последней главе, которая суть один призыв исполненный горячих, вдохновенных чаяний единства и славы отечества, «овладеть Италией и освободить её от варваров». Единство и сила Италии, вот что для

Макиавелли было первостепенной целью создания «*nuovo Principe*», чему служили его исторические работы, внушавшие любовь к истории славного Рима и размышления о военной силе, посредством которой могло быть достигнуто долгожданное воссоединение земель итальянских.

Практические указания обоих трактатов и характеристики, приписываемые фигуре идеального полководца, схожи: «надморальность», уравновешенность, совершенствующийся, аналитический ум, всеохватывающее внимание и огромные духовные силы, позволяющие повелевать массами. Для обоих авторов война была не лучшим, но одним из привычных, необходимых средств борьбы, когда прочие пути к достижению выгоды или общественной (читай, государственной) пользы перекрыты, оба одинаково видели её лишь тогда обещающей победу, когда в государстве достигается консолидация сил, однако не мыслили военного искусства без личности выдающихся качеств, коей и является полководец.

Список литературы

1. *Макиавелли Н. Государь* (пер. с итал. Муравьёва Г. Д.). М.: Эксмо, 2013. — 90 с.
2. *Макиавелли Н. О военном искусстве* (пер. с итал. Осмолов А. К.). М.: Эксмо, 2014. — 166 с.
3. *Сунь-цзы. Искусство войны* (пер. с кит. Конрад Н. И.). М.: Эксмо, 2014. — 326 с.

Аннотация: *Сравнение взглядов древнекитайского философа и стратега Сунь-цзы и итальянского политического мыслителя эпохи Ренессанса Никколо Макиавелли на фигуру полководца, его роль в деле войны и моральные аспекты военного искусства.*

Малышев-Санкин Алексей Викторович, студент 2 курса магистратуры (философия) Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

Моисеев Д.С.
**Метафизика войны в интегральном
традиционализме Юлиуса Эвола**

This paper is dedicated to the analysis of the phenomenon of war as a metaphysical act in J. Evola's theoretic approach. In this paper we aim to comprehend and examine the traditionalist division into the Lesser (exoteric) and Greater (esoteric) war and consider three key aspects of the warrior's worldview according to Evola.

Ключевые слова: Юлиус Эвола, традиционализм, война, этика, метафизика, индуизм, христианство.

Keywords: Julius Evola, traditionalism, war, ethics, metaphysics, Hinduism, Christianity.

Интерпретация войны как метафизического действия является характерным для теоретического подхода итальянского интеллектуала XX века барона Юлиуса Эвола (1898–1974), одного из наиболее ярких представителей интеллектуального течения, известного как «интегральный традиционализм».

Согласно взглядам основателя традиционализма Рене Генона, которые Эвола во многом разделял¹, основой традиционных цивилизаций во всех частях света был ряд фундаментальных принципов, постепенный отход от которых обусловил то кризисное состояние современного мира, свидетелями которого мы являемся. Причина этого в том, что современное человечество практически полностью утратило «метафизический пласт бытия». Человек, вставший на путь аскезы, интеллектуального и духовного самосовершенствования, может соприкоснуться с этим миром, найдя в нём твёрдую

¹ См. Evola J. Rene Guenon: A Teacher for Modern Times. WA: Holmes Publishing Group, 2008.

опору собственного бытия, трансформировав свою жизнь в «больше-чем-жизнь». Согласно французскому мыслителю, это и есть истинный мир, «мир чистого знания»². Принципиальное отличие Генона от западноевропейских идеалистов в том, что для него этот «метафизический мир» — это не мир трансцендентных принципов и абстракций, а мир реально действующих сил, невидимых, но разумных. Проявления этого мира мы можем находить как в символах и мифах, так и в ряде исторических закономерностей.

С антропологической точки зрения, традиционализм, в отличие от спиритуализма, не отказывает человеку в материалистическом элементе его природы. Вместе с тем, как отмечает Эвола, «согласно традиционному взгляду, человек как таковой не сводится лишь к чисто биологической, инстинктивной, наследственной, натуралистической обусловленности»³. Он отличается от животного ровно настолько, насколько он проявлен в надбиологическом аспекте своего бытия, что, в свою очередь, определяет, насколько человек свободен, насколько он является «самим собой» в подлинном, метафизическом смысле. Природа или «витальность», понимаемая материалистически и являясь неотъемлемой частью человеческого существа, подчинена высшему началу, «больше-чем-природе».

Перекладывая подобное понимание человеческого на феномен войны, следует, вслед за Эволой, отметить, что война в традиционных доктринах никогда не рассматривалась исключительно с материалистической точки зрения — напротив, она являла собой «вечное сражение между метафизическими силами», противоборство «олимпийского», «солнечного» начала и начала «титанического», «теллурического», «варварского». Любая битва, любое противостояние интерпретировалось как

² В «Кризисе современного мира» (1927) Генон пишет, что в традиционных цивилизациях «самым существенным является чисто метафизическая доктрина, а всё остальное проистекает из неё либо как прямое следствие, либо как вторичное приложение к тому или иному частному уровню реальности». Как науки, так и социальные институты в таком случае выстроены иерархически, с жёстким приматом «метафизического». Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. С. 51.

³ Эвола Ю. Два вида героизма // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 51.

частный случай этой сакральной борьбы двух противоборствующих принципов⁴. Символически воин, стоящий на страже «солнечных» принципов и вступающий в схватку на их стороне, становится на путь к обретению сверхчеловеческого, полубожественного состояния⁵.

Подобное понимание войны полностью утрачено «буржуазным» миром модерна, оторванным от «метафизического» в традиционалистском смысле⁶. Ссылаясь на представление войны в романе Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» как на яркое художественное изображение «буржуазного» взгляда на войну как на «стихийную, безличностную,

⁴ См. Эвола Ю. Арийская доктрина борьбы и победы // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 71. В другой статье, «Раса и война: арийская концепция сражения», Эвола отсылает подобное понимание к античности и средневековью: «Говоря в общем, войны представлялись (особенно древнеарийскому человечеству) в образе регулярных столкновений между двумя метафизическими силами: олимпийским, светлым принципом, уранической и солнечной истиной с одной стороны, и грубой силой, «титаническим», теллурическим элементом, «варварским» в классическом смысле, женско-демоническим принципом хаоса. Такой образ постоянно повторяется в греческой мифологии в различных символических формах; в ещё более точных и ясных формах он появляется в общем взгляде на мир ирано-арийских народов, которые считали себя буквально армиями Бога Света в его войне против сил тьмы. Они сохраняли эти классические взгляды на протяжении Средневековья, часто придерживаясь их, несмотря на новую религию. Фридрих I Швабский в своей войне против мятежной Коммуны воплощает собой символ Геркулеса, этого героя дорийско-арийских и ахейско-арийских слоёв, орудия всех олимпийских сил в битве против тёмных созданий хаоса». Эвола Ю. Раса и война: арийская концепция сражения // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 113.

⁵ См. главу «Великая и малая священная война» в работе Evola J. *Revolt Against the Modern World*. Rochester: Inner Traditions, 1995, pp. 116 - 128.

⁶ В работе «Царство количества и знамения времени» (1945) Генон пишет о постепенном «отверждении мира» - последовательном переходе от торжества «метафизических» принципов к доминированию материального, посясторонного. В традиционалистском видении этот нисходящий процесс предстаёт «постепенным удалением от принципа, следовательно, от изначальной духовности». Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 2011. С. 121. Традиционалисты отвергают прогрессистский взгляд на историю как на «восходящий» линейный процесс (от «тьмы невежества» к «свету разума и просвещения»), противопоставляя ему циклический подход, характерный, в частности, для индуизма. Подробнее см. главу «Пространство, Время, Земля» в работе Evola J. *Revolt Against the Modern World*, pp. 143 - 156.

нечеловеческую превратность»⁷, Эвола отмечает, что подобное сугубо отрицательное изображение опыта войны и боевых действий является лишь одной из возможностей военного опыта. С традиционной точки зрения, персонажи Ремарка не справились с испытанием, которое им выпало – избавившись от сентиментальных и романтических иллюзий, от воздействия высокопарной риторики, и пережив, таким образом, своеобразный «катарсис», «очищение», они оказались в промежуточном состоянии, но при этом не смогли сделать следующий шаг. Каким же он должен быть, согласно традиционалистской доктрине, этот следующий шаг? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к наследию великих традиций.

Эвола указывает на общие для различных учений принципы, превосходящие конкретные исторические формы. Один из ключевых подобных принципов в отношении феномена войны – это традиционное разделение на «малую» и «великую» войну, следы которого можно встретить в исламе, индуизме и христианстве. Понятия «малой» и «великой» войны соответствуют экзотерическому (внешнему) и эзотерическому (внутреннему) уровням противостояния.

Эзотерическая «малая» война — это, непосредственно, война в том виде, в котором её воспринимает обыденное сознание, а именно – кровавое противостояние на материальном плане, которая ведётся против конкретного внешнего врага (государства, армии, противника)⁸. Эвола обращает внимание, что причины, по которым подобная война ведётся, равно как и принципы, во имя которых проливается кровь, не принципиальны — независимо от уровня целей без эзотерического элемента она остаётся «малой» войной⁹.

⁷ Эвола Ю. Два вида героизма. С. 55.

⁸ В статье «Великая война и малая война» Эвола даёт следующее определение: «Малая война соответствует экзотерической войне – кровавому сражению, ведущемуся материальным оружием против врага, против «варваров», против низшей расы во имя высшего закона, или же, наконец, если война оправдывается религиозными мотивами, против «неверных». Эвола Ю. Великая война и малая война // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 28.

⁹ Там же. С. 28.

Эзотерическая «великая» война, как отмечает итальянский мыслитель, «имеет внутренний и нематериальный характер»¹⁰. Она ведётся против собственных страстей, слабостей, инстинктов; против «внутреннего варвара» и «внутреннего неверного». «Великую» войну ведёт каждый из нас в самом себе; победа в ней даёт блага, несоизмеримые с победой в «малой» войне, а именно — внутреннее освобождение, духовный покой; обретение того, «что выходит за пределы и жизни, и смерти»¹¹. Эвола оговаривается, что «великую» войну не стоит редуцировать до банальной аскезы или вовсе отрешения от мира; напротив — это путь действия, на который выходит *кшатрий*, воин. Традиции, содержащие в себе героический элемент, зачастую воспринимают «малую» войну (внешнюю) как инструмент к победе в «великой войне»; иными словами, воин, проявляя личный героизм, высвобождает в себе стихийные силы, превосходящие человеческое, и обретает иное качество внутренней духовной ориентации, свободы и независимости от обстоятельств. Благодаря этому обретению он, оказываясь в промежуточном состоянии, делает «следующий шаг» — и становится одухотворённым героем, а не ослеплённым кровью зверем, погружившимся в накал сражения как «внешне», так и «внутренне». Он обретает принципиально иное качество личности и совершает трансформацию, переходя невидимый предел. Согласно Эволе, этот принцип необходимо рассматривать как «метафизическую составляющую и духовный фон военных предприятий»¹².

Обозначив сакральный характер войны по Эволе, следует обратиться к примерам, которые приводит итальянский мыслитель. Рассматривая с этой точки зрения крестовые походы, он отмечает, что в них «христианская вера использовала героический дух западного рыцарства»¹³. Крестonosец, выступающий в поход, воспринимал свой акт как «дело

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Эвола Ю. Смысл крестовых походов // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 21.

Небесное», а не «людское»; как путь к Богу. Эвола цитирует святого Бернарда: «Живыми или мёртвыми, мы принадлежим Господу. Славен ты, если не покидаешь поле битвы иначе, как увенчанным лавром. Но даже ещё более славно обрести в сражении венец бессмертия»¹⁴. Католическая вера обещала крестоносцу достижения высшего, сверхъестественного состояния бытия; проникнувшись метафизическим напряжением духа, рыцарь шёл не за материальными приобретениями и славой земной, а на борьбу за «небесный удел», которая не сулила никаких особенных прижизненных приобретений. В этом смысле в крестовые походы можно воспринимать как манифестацию сакрального духа войны в средневековой христианской Европе¹⁵.

Схожие принципы Эвола обнаруживает и в исламской традиции, приводя ряд цитат из «Корана»: «Тому, кто будет сражаться во имя Аллаха и будет убит или победит, Мы даруем великое вознаграждение»¹⁶; «Здесьняя жизнь – всего лишь игра и забава»¹⁷. Итальянский мыслитель интерпретирует данные отрывки как своеобразный *amor fati*, доверие к чувству духовной судьбы индивида и стремление к надличностному бытию, что схоже с рассмотренным выше примером с участником крестового похода. В конечном итоге, независимо от результата «малой» войны (победы или поражения), героя в конечном итоге всё равно ждёт бессмертие и вечное блаженство – не в символически-аллегорическом, как воспринимает это современное обыденное сознание, а в метафизическом смысле.

Другой пример из сакральной истории, способный проиллюстрировать принцип «малой» и «великой» войны, Эвола берёт в индуизме, а именно – в «Бхагавад-гите». Царевич-воин Арджуна, в интерпретации Эвола, поражён пороками нерешительности, жалости и гуманистических сомнений. Он сомневается в целесообразности битвы, в которой неизбежно

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Подробнее см. главу «Душа рыцарства» в работе Evola J. *Revolt Against the Modern World*, pp. 79 – 88.

¹⁶ Эвола Ю. Великая война и малая война. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 30.

погибнет множество людей. Согласно Эволе, Арджуна — это принцип действия; его колесничий, бог Кришна, представляет собой принцип трансцендентального знания. Он наставляет Арджуну, что жалость является «слабостью, свойственной недостойным, ведущей не к небесам, а к бесчестию»¹⁸. Также он подчёркивает характерный для традиционного знания мотив «великой» (внутренней) войны: «Познав то, что выше разума, покорив низшее высшим Я, порази труднопобедимого врага в образе вожделения»¹⁹. «Внутренний враг» в интерпретации Эволы предстаёт в образе страсти и животной жажды жизни, не дающей воину отстраниться от своего «Я» и вступить в битву без каких-либо лишних мыслей²⁰. «Сверхсознательный героизм», преодолевающий земные страсти, подлинная воинская чистота выражается в следующей максиме «Бхагавад-гиты»: «Посвящая все свои действия Мне, сосредоточив сознание на истинном Я, освободившись от желаний, эгоизма и беспокойств, сражайся»²¹. В этом состоянии возвышенного слияния воин и божественный принцип становятся единым целым — Арджуна и Кришна предстают двумя сторонами единого сверхсущества, обладающего совершенной волей и решимостью. В «Бхагавад-гите» мы можем обнаружить не столько *устремление* к бессмертию, как в рассмотренных выше примерах с христианством и исламом, сколько *твёрдую убеждённость* в нём — материалистическое и натуралистическое подвержено упадку, но то, что имеет ценность — подлинно духовное, нерушимо: «У несуществующего (тела, материи) нет бытия, у существующего (духа) нет небытия. Знай, неразрушимо то, что всё пронизывает (дух). Кто считает, что он убивает, и кто полагает, что его можно убить, — оба пребывают в заблуждении. Он не может убивать и быть убитым. Она (душа) не возникала, не возникает и не возникнет. Она нерождённая, вечная, постоянная и

¹⁸ Эвола Ю. Метафизика войны // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 34.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ Там же. С. 35.

древнейшая. Она не погибает, когда убивают тело. Но все эти тела преходящи. Поэтому сражайся»²².

Таким образом, на примерах христианской, исламской и индуистской традиций Эвола иллюстрирует принципы «малой» и «великой» войны, делая акцент на особенной значимости последней. Вместе с тем, остаётся не до конца выясненным вопрос — какие именно экзистенциальные воинские качества позволяет открыть «успешный» опыт «великой» войны, трансцендентального самопреодоления? Эвола разъясняет это в статье «Воинство» как мировидение», делая акцент на трёх ключевых аспектах — этическом, социальном и стоическом.

Основополагающий принцип воинской этики, согласно Эволе, прекрасно выражен во фразе апостола Павла: «*Vita est militia super terram*» («жизнь — это воинская служба на земле»). «Согласно такому восприятию, существа, посланные в человеческом образе сюда, на землю, выполняют миссию военной службы на отдалённом фронте»²³, — поясняет барон. Воин ощущает, что «происходит откуда-то издалека», не принадлежит этому миру полностью, что наполняет его ощущениями спокойствия, свободы и уверенности в себе. Гармоничная спокойная сила, которую он приобретает в результате принятия подобного взгляда на мир, становится фундаментом его этического мировидения. Крайне важным является и управляемое, сознательное состояние внутреннего бытия воина, лишённое хаотических и «варварских» элементов, а также чувство достоинства, лишённое тщеславия.

Воинская концепция общества, согласно Эволе, должна быть лишена каких-либо сентиментальных черт. Ключевые принципы, на которых строится взаимодействие воина с социумом — это чувство товарищества, преданность, искренность и этика чести. Товарищество, в свою очередь, основано на взаимоуважении равных индивидов, твёрдо отстаивающих свои позиции.

Под «стоическим аспектом» Эвола понимает «упорное утверждение жизни», вопреки року и «злой судьбе». «Сенека

²² Там же. С. 35.

²³ Эвола Ю. «Воинство» как мировидение // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 39.

утверждает, что истинный человек выше бога, так как бог по своей природе защищён от бед, в то время как человек может встретиться с ними и показать себя выше их»²⁴, — отмечает итальянский мыслитель. Воин, верный стоическому аспекту мировидения, с радостью принимает опасные и рискованные задачи; он стремится проверить и утвердить себя.

Воин, совмещающий в себе перечисленные аспекты и черты характера, обладающие духовной ценностью, устремляется к бессмертию, которое в некоторых традициях уготовано лишь героям²⁵. Воинский триумф самопреодоления в моменты экзистенциальной опасности и освобождения от ограничений «Я» предстаёт, таким образом, победой жизни над самой смертью. Кульминация героизма – вознесение героя «на небеса», — в традиционном подходе играет роль, близкую к магической. Таким образом, «путь воина» к «Небесам» предстаёт в традиционализме «кшатрийским» эквивалентом «брахманическому» Просветлению, путям аскезы, монашества и созерцания. Приобретя на «малой» войне опыт «великой» войны и вынеся из него положительное содержание, воин приобретает спокойное бесстрашие перед лицом смерти; обретает «рай» в сердце своём²⁶.

Отдельно Эвола выделяет героический опыт воина, сознательно идущего на смерть, наиболее чистым и ярким примером чего является героизм японских лётчиков-камикадзе образца Второй мировой войны, сознательно направлявшим свои перегруженные бомбами истребители на смертельное столкновение с американскими авианосцами²⁷. Согласно Эволе, это «крайняя» форма героизма; созна-

²⁴ Там же. С. 42.

²⁵ «Бессмертие — и не в качестве тени, а в качестве полубога – является уделом только тех, кто своими деяниями на духовном поприще смог подняться от одной природы к другой». Эвола Ю. Арийская доктрина борьбы и победы. С. 79.

²⁶ Эвола утверждает, что «тот, кто ведя «малую» войну, обрёл триумф в «великой»,... пробуждает тем самым силу, способную, в принципе, преодолеть кризис смерти. Другими словами, даже не будучи убитым, можно пережить смерть, достигнув кульминации, свойственной «сверх-жизни». Эвола Ю. Раса и война: арийская концепция сражения. С. 116.

²⁷ Феномен камикадзе с точки зрения психологии японского воинского героизма блестяще проанализирован американским востоковедом Айваном Моррисом в работе «Благодородство поражения. Трагический герой в япон-

тельное самопожертвование, имеющее строго религиозный, духовный характер, укоренённый в японской синтоистской традиции, в которой военная служба императору имеет религиозный смысл, а погибшие во имя защиты императора и священной японской земли обретают полубожественный статус. Фигура камикадзе, по сути, является аналогом мученика, но, как отмечает Эвола, в «активном и боевом»²⁸ смысле. Героизм камикадзе является «надличностным» — не сомневаясь в вечной жизни, подобно Арджуне, прислушавшемуся к словам Кришны, и обретя исключительную отрешённость, он детально планирует свой последний героический акт и исполняет его. «Это героизм, который мы можем назвать почти что «олимпийским»²⁹, — утверждает Эвола³⁰.

Возвращаясь к опыту героев Ремарка, становится ясным основной пункт традиционалистской критики гуманистического понимания войны — делая упор на деструктивном и

ской истории», впервые опубликованной в 1975 году. Моррис обращает внимание, что в японской героической традиции, в отличие от западной, наибольшее уважение и историческое почитание обретают не успешные победители-триумфаторы, а чистые помыслами бескомпромиссные трагические персонажи, потерпевшие поражение. Тактика камикадзе (神風), «божественного ветра», архетипически идеально вписывается в типично японский образ героического поведения. Молодые пилоты, добровольно вступавшие в отряды камикадзе, считали это высшей честью, оказанной им японским военным командованием — души воинов, погибших за императора, в синтоистской традиции приравниваются к богам; им поклоняются в святилище Ясукуни, расположенном в Токио. Типичное отношение камикадзе к своему последнему заданию выражает хокку молодого пилота, погибшего в феврале 1945 г. в возрасте 22 лет: «Нам бы только упасть, // Подобно лепесткам вишни весной, - // Столь же чистыми и сияющими!». Моррис А. Благородство поражения. Трагический герой в японской истории. М.: Серебряные нити, 2001. С. 234. О безразличии японского воина к смерти — см. Нитобэ И. Бусидо. Душа Японии. Классическое эссе о самурайской этике. М.: «София», 2004.

²⁸ Эвола Ю. Разновидности героизма // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 96.

²⁹ Там же. С. 97.

³⁰ Как к японским воинским традициям, так и к японскому имперскому опыту Эвола относился весьма положительно. Подробнее об этом — см. Rosati R. Julius Evola e la tradizione nipponica // Studi Evoliani 2012. Roma: Edizioni Arktos, 2014, pp. 72 – 84., а также Evola J. Zen. The Religion of the Samurai. WA: Holmes Publishing Group, 2009.

хаотичном аспекте «малой» войны, немецкий писатель игнорирует иной экзистенциальный смысл, который люди другого типа могли вынести из военных действий, а именно – положительный духовный опыт преодоления ограничений своей индивидуальности и единение с высшим принципом бытия, обретение «больше-чем-жизни».

Завершая рассмотрение традиционалистского взгляда на войну, следует сделать акцент на том, что было бы глубоко неправильно рассматривать его как один из подвидов милитаристской идеологии. Традиционализм не прославляет войну в обыденном смысле (ту, что он именуется «малой» войной) — он делает акцент на внутреннем содержании воинского опыта, который, верно понятый человеком особого типа, способен вознести своего адепта на новые высоты экзистенциального опыта. Сама война не является целью-в-себе, она инструментальна как средство обретения божественной силы, и её кульминацией, является, конечно, победа, триумф, также имеющий сакральное значение: «Материальное, военное измерение победы считалось выражением духовного действия, которое привело к победе в соответствии с необходимой связью внешнего и внутреннего. Победа, таким образом, оказывается внешним и видимым знаком посвящения и мистического возрождения, достигнутого в тот же момент»³¹. Она является сакральной наградой воину, преодолевшему себя.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что изложенное выше традиционное понимание войны приобретает несколько иной смысл в современном мире, лишённом ясных духовных ориентиров. Обращаясь к военной сфере, этот кризис усугубляется тем, что в современном мире «военный потенциал» понимается технократически, «в терминах вооружения и вооружённых сил, особого технического и промышленного оборудования»³². Отношение к самой фигуре воина является глубоко вторичным относительно восприятия значения военной техники как первостепенного. Смогут ли современные герои противостоять этой невиданной силе материального и, следуя

³¹ Эвола Ю. Арийская доктрина борьбы и победы. С. 82.

³² Эвола Ю. Упадок героизма // Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. С. 122.

Метафизика войны в интегральном традиционализме Ю. Эвола
высшим традиционным образцам, возвыситься до невиданных доселе высот героизма в этом противоборстве как на «большом», так и на «малом» планах — этот вопрос для Юлиуса Эвола остаётся открытым.

Список литературы

1. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008.
2. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 2011.
3. Моррис А. Благородство поражения. Трагический герой в японской истории. М.: Серебряные нити, 2001.
4. Нитобэ И. Бусидо. Душа Японии. Классическое эссе о самурайской этике. М.: «София», 2004.
5. Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов: EX NORD LUX, 2011. — 126 С.
6. Evola J. Rene Guenon: A Teacher for Modern Times. WA: Holmes Publishing Group, 2008.
7. Evola J. Revolt Against the Modern World. Rochester: Inner Traditions, 1995.
8. Evola J. Zen. The Religion of the Samurai. WA: Holmes Publishing Group, 2009.
9. Rosati R. Julius Evola e la tradizione nipponica // Studi Evoliani 2012. Roma: Edizioni Arktos, 2014, pp. 72 – 84.

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению феномена войны как метафизического действия в рамках теоретического подхода Ю. Эвола. В статье рассматривается традиционалистское разделение на «малую» (экзотерическую) и «великую» (эзотерическую) войну, анализируются три ключевых аспекта воинского мировоззрения по Эволе.*

Моисеев Дмитрий Сергеевич, кандидат философских наук.

Гребенников А.А.

Политическое учение Карла Шмитта как основание демаркации фигур современного террориста и революционера

The article makes a comparative analysis of figures of the modern terrorist and revolutionary. Paradigmatic basis for such consideration is the optic of Carl Schmitt's political doctrine. The terrorist and a revolutionary, as peripheral forms of the political, are cut off from the legal field, but have a specific legitimacy, which is represented by them. Differentiation of these figures is based on their specificity with respect to the constructs of the "enemy", "legal" and "public". The identity of the terrorist and revolutionary is formed by the consideration of their interaction with the legality field, locality and existential distinction between the "friend" and the "enemy".

Ключевые слова: террорист, революционер, партизан, экзистенциальное различие, друг, враг, политическое, К. Шмитт.

Key words: terrorist, revolutionary, partisan, existential distinction, friend, enemy, the political, C. Schmitt.

I

Всякая политико-правовая теория традиционно предпринимает попытки дескрипции пространства политического. Она стремится описать принципы, по которым функционирует это пространство, с необходимостью описывает взаимодействие политических субъектов, включенных в него: народ, государство, партии, их производные или частности, их конструирующие. Неизменной частью подобной работы, коль скоро она претендует на фундаментальность и точность, становится также проработка радикальных по отношению к сложившимся форм политического, концептуализация соответствующих им акторов в рамках определенной теоретической парадигмы. Особый интерес в этом случае

представляют две периферийные формы политического — феномены революционера и террориста.

Каждое из этих понятий исторически, вслед за референ- тами, претерпевало трансформации терминологического толка¹. Шмиттианский инструментарий, чья актуальность в связи с изучаемой проблемой исчерпывающе была описана в работе Б. Тешке «Решения и нерешительность»², представля- ет из себя, с одной стороны, релевантное средство дескрип- ции проблемы, с другой — масштабный базис для возможной рецепции. В силу обострившихся геополитических конфлик- тов и актуальной проблемы «глобального терроризма», в контексте историко-философской оптики важно маркиро- вать две фигуры, которые внутри политического дискурса зачастую остаются не прояснёнными относительно друг дру- га. Справедливым замечанием станет указание на сугубо правовое измерение вопроса, в котором тот или иной поли- тической актор идентифицируется на основании применяе- мых к нему юридических норм и санкций. Но несомненным также является тот факт, что юридическая норма, применяе- мая соответствующим субъектом, с необходимостью уполно-

¹ Действительное сближение фигур террориста и революционера усложняет теоретическую задачу демаркации таким образом, что помимо рассматри- ваемого материала становится необходимым обращение к историографии первой половины XX-го в., когда для научного сообщества (в том числе и для К. Шмитта) эти понятия были если не тождественными друг другу, то труд- но различимыми. В рамках данной статьи будет предпринята «отправная» попытка рецепции конструктов в узких рамках представленного материала (в особенности в отн. современного террориста).

² «... положение дел, по-видимому, доказало двойную правоту Шмитта: его анализ основного тренда XX столетия как «века нейтрализаций и деполити- заций» может сегодня соединяться с едва ли не перманентным исключи- тельным положением (и даже исключением, ставшим правилом), что позво- ляет концептуализировать сегодняшний всемирно-политический момент (*Schmitt C. The Age of Neutralizations and Depolitizations [1929] // Telos. Sum- mer 1993. №96. P. 96*). <...> На горизонте... набросанного Шмиттом апока- липтического ландшафта вырисовывается замкнутый мир без внеположных политических сил... В данном контексте словарь Шмитта <...> не только выполняет важную функцию актуализации и обновления господствующего лексикона международных отношений, но и становится, по сути, значимым идиоматическим инструментом социальных наук в целом... Карл Шмитт - наше всё!» // Тешке Б. Решения и нерешительность. Политические и интел- лектуальные прочтения Карла Шмитта. - Логос #5 (89) 2012. С. 5

мочивается в момент применения за счет рецепции политического действия, совершаемого, в нашем случае, террористом или революционером. Вопрос демаркации остается открытым в том числе по причине «господствующих законов», о которых Шмитт пишет в работе «Легальность и легитимность»³. Отдаленность закона от его применения обеспечивает крайнюю степень туманности рассматриваемых фигур для нормативного поля. Так, В.А. Куренной в одной из своих статей ссылается на М. Шелера, говоря о деполитизации в том числе юридической сферы.⁴ Соображения, изложенные в данной статье, не претендуют на роль ориентира в решении подобных вопросов, однако призваны пристальней рассмотреть специфику маргинализированных субъектов на основании характерных для них форм существования и действия в теле политического.

II

Коль скоро предметом исследования являются радикальные формы политического, важно установить пространство действия, в котором в полной мере проявляется объем характеристик соответствующих субъектов. Говоря о террористе и революционере, мы в первую очередь имеем в виду силы, деструктивно влияющие на политический порядок. Дистанцируясь от этических оценок того или иного порядка, возможных, но ничего с точностью не говорящего о нем, мы ставим вопрос о некотором политическом нерве, который приводится в действие дисфункцией. Террорист и революционер так воздействуют на нормативное, что оно вынужде-

³ Шмитт К. Легальность и легитимность. – Понятие политического. Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: «НАУКА», 2016. С. 172

⁴ «Когда Макс Шелер говорит о формах, лишенных жизни, интернациональных и при этом континуально прогрессирующих исторически, а именно о «позитивной науке, технике, формах государства и управления, юридических правилах», объединяя все это понятием «цивилизация» (Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Шелер М. Избранные работы. М.: Гнозис, 1994. С.107), то имеются в виду именно ... «процедурные технологии», нейтрализующие возможность политической (предельной) дифференциации». // Куренной В. А. Государство как механизм деполитизации. – Научные тетради Института Восточной Европы. Выпуск III. Государство. – Территория будущего, 2009. С. 96

но защищаться и трансформироваться с целью сохранения самого себя. В этом, пожалуй, коренится природа взаимодействия проблемных фигур и политического тела.

Будучи в периферийном положении, субъекты не поддаются под знаменатель нормы. Важным вопросом становится определение этой нормы. Интерес для проблемы представляет не дескрипция, с помощью которой удастся привести вопрос к сумме положений о природе государства и войны, но сама сущность этой нормы, которая в этом случае проявляется двояким образом. Первое, о чем следует сказать, это сугубо политическая норма, нечто, что предстоит частности рассмотрений. Говоря о ней, мы имеем в виду взаимодействие идиоматических конструкторов между собой — государства, правительства, общества с конструктором террориста и революционера. Каково поле их столкновения, что ими движет и каким образом они действуют внутри конфликта. Данный аспект важен в том числе и сугубо исторично, поскольку структурные особенности проблемных фигур и их взаимодействия, будучи включенными в тело истории, спровоцировали «срез» в специфике геополитики, какой мы знаем ее сегодня⁵. Вторая норма, неразрывно связанная с только что описанной, является правовой. Голая нормативная юриспруденция не способствует концептуализации феномена, однако сказывается о нем, поскольку коренится в праве в общем смысле. Следует установить правовой характер взаимодействия описанных фигур, чтобы дифференцировать их.

Итак, формула генерального вопроса исследования проста: в чем разница между террористом и революционером? Далее, в чем разницу между террористическим и революционным действием? Второй вопрос не является тавтологичным дополнением, но помогает разграничить «идею» и «действие», что в случае с данными фигурами имеет принципиальное значение.

Поскольку данные субъекты противопоставляются в первую очередь государству и его порядку, мы должны обратиться к сущности последнего. В первом пассаже «Понятия

⁵ Müller J.-W. *A Dangerous Mind: Carl Schmitt in Post-War European Thought*. – London and New Haven: Yale University Press, 2003

политического» К. Шмитт пишет: «В соответствии с сегодняшним словоупотреблением, государство есть политический статус организованного в территориальной замкнутости народа. Таково первое описание, но не определение понятия государства. Однако здесь, где речь идет о сущности политического, это определение и не требуется. Мы можем отложить вопрос о том, что по своей сущности есть государство: машина или организм, лицо или учреждение, общество или сообщество, предприятие или улей или, быть может, даже «основной процессуальный ряд»⁶, и далее: «Государство, по смыслу самого слова и по своей исторической явленности, есть особого рода состояние народа... <...> ... это — просто статус, статус как таковой»⁷. Более того, исходя из оптики Шмитта, ничто — ни государство, ни общество, ни любое другое понятие сродни этим, не имеет своего смысла до того момента, когда нам становится ясно, «кто *in concreto* должен быть поражен...»⁸. Таким образом, угроза, направленная в сторону государства, становится угрозой статусу. Очевидно, что вопрос напрямую проистекает из различения «друга» и «врага». И террорист, и революционер, разумеется, являются для государства врагами, причем врагами политическими, даже если они не имеют прямого отношения к данному государству, ведь политическое государственным не исчерпывается. Политическое, определяемое экзистенциальным различием, проявляется по обыкновению в интенсивном переживании различия во внешневоенной форме. Какова же специфика переживания в случае с данными фигурами?

III

Начнем рассмотрение вопроса с революционера. Он есть борющийся эвентуально и публично субъект, являющийся тем же «*hostis*», тем же «*poleimos*», что и внешний враг. Революционер действует в целях установления некоторой политико-правовой системы, действует, чтобы изменить, сверг-

⁶ Шмитт К. Понятие политического. – Понятие политического. Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: «НАУКА», 2016. С. 293.

⁷ Там же

⁸ Там же, с. 306

нуть и возглавить. Он обладает некоторым пониманием «благого», которое политически реализуется исходя из идеологического импульса. В критической ситуации государство обретает «внутреннего врага» в виде революционера. Он становится *hors-la-loi*, объявляется нелегальным. Объявление революционера кем-то, кто грозит гомогенности порядка, по сути тождественно началу бунта или, больше того, гражданской войны. Что в сущности производит революционер? Он атакует конституционное право. Вопрос борьбы, которая следует за этой атакой, решается вне поля конституции силой оружия, т.е. вне права. Прочие методы борьбы являются лишь ослабленной формой объявления врага вне закона.

Революционер как внутригосударственный дефективный элемент претендует в момент действия конституционного права на *jus vitae ac necis* — право отца распоряжаться жизнями членов своего общества⁹. Постулируя себя субъектом нового порядка, революционер вступает в конфликт с уже существующим политическим. Пока это политическое наличествует, никто не может применить право распоряжением витальным полем сообщества к *jus belli*, т.е. к праву объявления кого бы то ни было врагом через объявление войны, но революционер претендует именно на это. Он нелегален, но действует из некоторой легитимности, репрезентантом которой является. В публичном пространстве, в котором укореняется всякое политическое взаимодействие и проистекающие отсюда правовые процедуры, он обозначается как а) нелегальный субъект б) субъект, продуцирующий нелегальность. Таково краткое описание специфики фигуры революционера.

В интересах сравнения с террористом мы используем конструкт «партизана», предложенный К. Шмиттом. Это возможно, поскольку в дискурсивном поле, объединяющем маргинализированных политических субъектов, мы оперируем тождественными конструктами относительно каждого из них. Категориальным маркером для проведения аналогии может послужить ясность и острота, с которыми революцио-

⁹ Римская правовая категория, о которой К. Шмитт упоминает в «Понятии политического»: *Шмитт К. Понятие политического*. С. 324

нер, подобно партизану, обладает пониманием фигуры своего врага. Он не нуждается в специфичном различении со стороны легального или публичного, поскольку всегда знает, против кого борется. Примечательно, что в «Теории партизана» К. Шмитт уточняет свою позицию, высказанную ранее в «Номосе Земли», где называет «пиратов и джентльменов удачи начала капитализма «партизанами «моря»¹⁰. Так, Шмитт пишет: «... сегодня я бы исправил это как терминологическую неточность. Партизан имеет врага и «рискует» совсем в ином смысле, чем нарушитель блокады и перевозчик контрабанды. Он рискует не только своей жизнью, в отличие от всякого регулярного комбатанта. Он знает и не останавливается перед тем, что враг ставит его вне права, закона и понятия власти. Это, конечно, делает и революционный боец, который объявляет врага преступником, а все понятия врага о праве, законе и чести — идеологическим обманом».¹¹

Исходя из последнего положения, современный террорист¹² в некоторой степени идентичен революционеру. Террорист, так же, как партизан, стирает грань между комбатантом и гражданским лицом, поскольку располагает собственной политической оптикой, исходя из которой криминализует врага. Для него не существует различения военного и вневоенного поля, поскольку все доступное ему политическое пространство — пространство для террористического действия. О юридическом обрамлении войны «за правое дело» и о фигуре справедливого врага для партизана у Шмитта пишет А. де Бенуа, ссылаясь на «Теорию партизана»: «Он приводит в исполнение смертный приговор преступнику и со своей стороны рискует тем, что его будут рассматривать как преступника или вредителя. Это логика

¹⁰ Шмитт К. Теория партизана. Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2007. С. 49

¹¹ Там же

¹² Об эволюции понимания террориста в научном поле см.: *Laqueur W. Terrorism.* – Boston, Toronto, 1977; *Laqueur W. Fanatism and the Arms of Mass Destruction.* – Oxford University Press, 1999

войны *justa causa* без знания *justus hostis*»¹³. Кроме того, для террориста все служит целью — отсюда и тотальная вовлеченность в политическое, подобная той, которой обладает партизан. Если попытаться провести аналогию дальше, то мы натолкнемся на вопрос о теллурическом характере, наличие которого (или отход от которого) является существенным фактором при определении сущности политического субъекта. Принадлежит ли сегодняшний террорист территории? Очевидно, что тенденции, наметившиеся в террористических движениях к концу XX-го в. говорят о том, что террорист окончательно порывает с номосом Земли, переходя к номосу Моря. Схожего мнения придерживается и В.А. Куренной¹⁴, сравнивая террориста с партизаном, а также другие исследователи¹⁵¹⁶. Трансформация заключается в том, что террорист не механистически расширяет «зону покрытия», стремясь помножить пустое пространство, в котором способен присутствовать и действовать, но в том, что террорист переходит к тотальности акта в актуализации пространственной революции.

IV

Имеет смысл вспомнить критику Шмиттом Зиммеля, о которой пишет А.Ф. Филиппов в статье «К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта»¹⁷: «Пространство, по Зиммелю, не может быть причиной, потому что оно является не более чем формой наших представлений.

¹³ Бенуа А. де От партизана до «глобального» террориста. – Карл Шмитт сегодня. Перевод с французского – Институт Общегуманитарных исследований, 2014. С. 87 [Théorie du partisan, op. cit., p. 224. (Русский перевод: С. 37-38)]

¹⁴ «Террорист – это, по сути, партизан, лишенный своего теллурического характера». Куренной В.А. Теория партизана. [Рец. На книгу: Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007] // Неприкосновенный запас, 2008. №1. С. 278

¹⁵ Кафтан В.В. Партизанская война и терроризм: к прояснению сущности понятий. – Пространство и время. 3(9)/2012. С. 88 - 93

¹⁶ Kalshoven F. Reflections on the Law of War. Collected Essays. – Leiden. Boston, 2007

¹⁷ Филиппов А.Ф. «К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта». – Карл Шмитт. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaicum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С.640-666 [С. 650-653]

<...> Но Зиммель не останавливается на этом, он показывает, сколь часто дела обстоят так, словно бы пространство имело действительную силу, было как-то причастно к модификации человеческих поступков и смыслов совместной жизни людей», и далее: «Для Шмитта дело обстоит иначе. <...> Конкретный порядок — это порядок совершения событий и размещения учреждений политической и правовой жизни, который невозможен не только безотносительно к пространству, но и в пустом безграничном пространстве. Не пространство представляет собой конкретный порядок, но конкретный порядок учреждений, прав и событий представляет собой пространство и определяет то пространство, в котором он размещен». Террорист жаждет гегемонии и абсолюта, тотальность его деятельности мнится через проекцию на как можно более широкое политическое пространство, враг террориста ширится следом за той зоной политического, которую террорист может охватить в силу технологизации. Терроризм, наконец, является нелегальной формой деятельности против государства или политического режима — такова его специфика, а также некоторая внутренняя диалектичность, присущая и партизану. Последний, становясь принципиальным врагом государства, жаждет международного признания легитимности и легальности своих действий, однако при достижении такого результата не может оставаться тождественным себе.¹⁸

Революционер же представляет из себя некоторого защитника добродетели, он стремится защитить общество. *И оба, террорист и революционер, ведут войну тотально.* В связи с этим дает о себе знать наполеоновский императив¹⁹, претворяющийся в жизнь ответной абсолютизацией войны со стороны государств.²⁰ «Тотальная война, пишет Жан-Ив Гиомар,

¹⁸ Slomp G. Carl Schmitt and the Politics of Hostility, Violence and Terror. – Palgrave Macmillan, 2009. P. 76

¹⁹ «Повсюду, где есть партизаны, надо действовать по-партизански» // Шмитт К. Теория партизана. Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2007. С. 25

²⁰ См.: Бенуа А. де От чрезвычайной ситуации к постоянному исключительному положению. – Карл Шмитт сегодня. Перевод с французского – Институт Общегуманитарных исследований, 2014. С. 119-142; Slomp G. Carl Schmitt

«это та война, которая приводит в движение массы бойцов, в которых ранее никогда нельзя было заметить желания победы, приравненной к полному уничтожению врага. То есть это беспощадная война, которая отвергает переговоры, нацеленные на устранение вооруженного столкновения, на его скорейшее прекращение».²¹ Она не ведется по правилам. Революционер, однако, сражается во имя свободы. «... нет никакого порядка субординации, никакой разумной легитимности или легальности без взаимосвязи защиты и повиновения. *Protego ergo obligo — это cogito ergo sum*²² государства...»²³, — замечает Шмитт. Таким образом, революционер жаждет высшего порядка в установлении особого порядка дисциплинарности, внутри которого, по обыкновению, стремится к позиции суверенного правителя. Однако Шмитт тут же пишет: «Здесь действует формула Прудона, модификация которой напрашивается сама собой: Кто говорит «человечество», тот собирается обмануть»²⁴. Господство высшего порядка — пустая фраза, если она находится вне политического, это всего лишь желание господствовать над людьми «низшего порядка». Поэтому следует понимать риторическую сторону революционного движения как обрамление, а не политическую сущность.

V

Перед нами предстает картина, полная неопределенности в дефинициях. Мы наблюдаем, как легко смешиваются между собой понятия революционера и террориста в отношении и политической, и правовой нормы. Эффектным будет выглядеть сопоставление фигуры террориста и пирата/корсара, однако это никак не скажется на конкретизации

on Global Terrorism and the demise of the 'true friend'. – *Critical Review of International Social and Political Philosophy* 10 (2). 2007. PP. 199-214

²¹ Бенуа А. де От партизана до «глобального» террориста. – Карл Шмитт сегодня. Перевод с французского – Институт Общегуманитарных исследований, 2014. С. 83

²² Защищаю – следовательно, обязываю; мыслю – следовательно, существую (лат.)

²³ Шмитт К. Понятие политического. С. 329

²⁴ Там же

обозначенной аналогии. Так, А. де Бенуа в работе «От партизана до «глобального» террориста» приводит рассуждения Жульена Фройнда: «Современная война партизан и терроризма в каком-то отношении является сухопутным воспроизведением действий корсара и пирата [...] Сегодняшняя фигура партизана оказывается, так сказать, сухопутной копией корсара, а фигура террориста — пирата. Несомненно, логичность сохраняется и в иррегулярности — в том смысле, что порой было сложно провести границу между корсаром и пиратом; то же самое затруднение обнаруживается в случае партизана и террориста»²⁵. Обратимся к конструкту революционера.

В случае с последним, следует указать, что он отличен от партизана, чья природа теперь мобильна, но все еще теллурична. Революционный боец порывает с номосом Земли, стремясь к масштабированию поля политического действия. И здесь, в месте, где мы обнаруживаем генеалогические сходства фигур террориста и революционера с конструктом партизана, мы указываем на важнейшее сходство, подкрепляемое, на первый взгляд, идентичностью описанных политико-правовых положений. Абсолютизация войны, революционной²⁶ и террористической, казалось бы, отождествляет (с поправкой на выше сказанное) проблемные фигуры, но на деле — именно в ней коренится первичное различие, из которого имплицитно вытекают отличающиеся друг от друга стратегии рецепции понятий. Революционер теряет теллуричность вследствие идеологизации, тотальности.

Современный же террорист следует за тотальным, он нуждается в нем как в наиболее широкой из возможных форм осуществления своей деятельности. Генеративно две этих «тотальности» следует понимать различно. Планетарный масштаб революционных воззрений является существенной, для XX-го века и вовсе определяющей, но все-таки опцией. С поправкой на исторический опыт невозможно поспорить с тем, что использование этой опции трансформи-

²⁵ Бенуа А. де От партизана до «глобального» террориста. С. 88

²⁶ Так, связи с абсолютизацией революционной войны Шмитт пишет о Ленине: Шмитт К. Теория партизана. С. 81

рует понимание феномена революции, однако не отменяет тот факт, что выбор может быть совершен иначе — локальным образом, борьба революционера может быть масштабирована, но внутри себя не лишена потенции бытия *теллурического*. Современный террорист, напротив, укоренен в разрыве с номосом Земли. Помимо прочего, уточняя связь фигур с «партизаном», стоит понимать, что современный террорист опционально способен абстрагироваться от социального тела, используя все его инфраструктурные особенности; его война — это «вариант партизанской войны, которая способна обходиться без поддержки населения»²⁷. Исходя из сказанного, а также опираясь на масштабное исследование Т.А. Дмитриева²⁸, следует заключить, что террорист сегодня — не просто историчностная «эскалация» партизана, но его принципиальная трансформация, осуществление которой обусловлено преобразованиями геополитического и технологического характера.

Право, всегда следующее за порядком, укоренено в месте, пространстве. Для революционера пространство — разросшийся императив действия, для современного террориста же — незаменимый предмет его жажды, его метода. Вернемся к двум нормам, политической и правовой. В случае с первой, революционер сближает моральную и тотальную войну, борясь за свободу (или за другой, но столь же абстрактный идеал). Его мишенью является государство, а в следствии гомогенность как его основание. Однако следом за этой угрозой революционер способен действовать «внутри» политического тела, трансформируя его согласно своим воззрениям. Он не перестает быть революционером. Революционный террор не является терроризмом, поскольку сохраняет в себе лишь метод, но не телеологию. Террористическая же цель вторит методу революционной борьбы — тотальной, «до победного конца», но терроризм этим же методом и исчерпывается, его абсолютность заключается в форме. Революционер ставит государство под угрозу для уполномочивания новой нормы,

²⁷ Куренной В. А. Война, терроризм и медиа. – Прогнозис. 2006. №1 (5). С. 285

²⁸ Дмитриев Т.А. Теория партизана вчера и сегодня. – Шмитт К. Теория партизана. Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2007. С. 203-300

которая структурно содержится в его программности, идеологии, риторике. Современный террорист способен постулировать ту же программность, но она не может быть «введена» в политическое, поскольку в этот же момент терроризм лишится собственной идентичности, потенци *террористического* действия. В случае с правовой нормой, революционер борется за пространство, чтобы учредить порядок, который содержится в революционном поле, он обладает политической потенцией интеграции. Парадигма революционного действия не исчерпывается самим действием, имея под собой цель, обрамляемую риторикой. Террорист же стремится запугать и уничтожить, и он также может обладать организационной структурностью, опосредованностью институциями и идеологичностью, однако все эти компоненты в случае с ним сведутся к непосредственному осуществлению и повторению террористического действия.

VI

И революционер, и террорист являются врагами. Первый стремится уничтожить гомогенность политического ради уполномочивания новой гомогенности, второй же уничтожает ради уничтожения, хотя и способен обретать системность действий, однако, не приводящую к революционному акту. Радикальную важность в этом смысле обретает именно правовая парадигма. В отношении политического проблемные фигуры не дифференцированы до того момента, когда не проясняется правовая потенция. Революционер стремится к учреждению нормы, тем самым к учреждению политического, террорист же действует в двух строгих противоположностях легальному — он методично нацелен против него и по естеству состоит в оппозиции к нему как принципу, безотносительно к частному положению вещей.

Очевидно, что вопрос перехода субъекта из позиции «революционер» в позицию «террорист» не является существенным в данном контексте. Он затрагивает по большей части историческую оптику различия «террора» и «терро-

ризма»²⁹ и не сообщает для рассматриваемого вопроса требуемого знания. Исследования в этой оптике могут оказаться ценными для смежных вопросов о природе политического насилия, однако не будут в полной мере релевантны именно различению обозначенных фигур. Вопрос о возможной трансформации террориста в революционера может быть справедливо поставлен в том случае, если мы говорим о конкретном эмпирическом базисе, в котором парадигмальность изменяется следом за синтезом политической позиции субъекта. Однако в случае с политико-правовыми конструктами, как было продемонстрировано, не имеет смысла говорить о «взаимозаменяемости» этих понятий в силу их коренного различия, состоящем в различном понимании «абсолюта» военного действия. Отдельным вопросом является политико-онтологические основания терроризма, в рассмотрении вопроса о которых могут быть выявлены новые грани соприкосновения с феноменом революции, тем не менее это будет относиться в большей степени к антропологическому исследованию, нежели к политико-правовому, попытка которого была предпринята в этой работе.

Список литературы

1. *Бенуа А. де* Карл Шмитт сегодня. — М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2014. — 192 с.
2. *Дмитриев Т.А.* Теория партизана вчера и сегодня // Шмитт К. Теория партизана / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. — М.: Праксис, 2007. С. 203-300.
3. *Кафтан В.В.* Партизанская война и терроризм: к прояснению сущности понятий // Пространство и время. Научно-аналитический и образовательный журнал. 2012. № 3 (9). С. 88-93.
4. *Куренной В.А.* Война, терроризм и медиа // Прогнозис. 2006. №1 (5). С. 276-312.
5. *Куренной В.А.* Государство как механизм деполитизации // Научные тетради Института Восточной Европы. Вы-

²⁹ Подробнее см.: *Бенуа А. де* Карл Шмитт сегодня

- пуск III. Государство. — М.: Территория будущего, 2009. С. 86–101.
6. Куренной В.А. Теория партизана. Рец. На книгу: Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007 // Неприкосновенный запас, 2008. №1. С. 275–278.
 7. Тешке Б. Решения и нерешительность. Политические и интеллектуальные прочтения Карла Шмитта // Логос. 2012. № 5 (89). С. 3–43.
 8. Филиппов А.Ф. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. — СПб.: Владимир Даль, 2008. С.640–666
 9. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. — СПб.: «НАУКА», 2016. — 567 с.
 10. Шмитт К. Теория партизана / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. — М.: Праксис, 2007. — 301с.
 11. *Kalshoven F. Reflections on the Law of War. Collected Essays. Leiden: Nijhoff. 2007.*
 12. *Laqueur W. Terrorism. Boston, MA: Little, Brown, 1977.*
 13. *Laqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. London, New York : Oxford University Press. 1999.*
 14. *Müller J.-W. A Dangerous Mind: Carl Schmitt in Post-War European Thought. London and New Haven: Yale University Press. 2003.*
 15. *Slopp G. Carl Schmitt and the Politics of Hostility, Violence and Terror. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2009.*
 16. *Slopp G. Carl Schmitt on Global Terrorism and the demise of the 'true friend' // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2007. 10 (2). Pp. 199–214.*

Аннотация. В статье осуществляется компаративный анализ фигур современного террориста и революционера. Парадигмальным основанием для их рассмотрения служит оптика политического учения Карла Шмитта. Террорист и революционер, будучи периферийными формами политического, исторгнуты из легального, однако обладают специфичной легитимностью, репрезентантами которой являются. Дифференциация фигур происхо-

дит исходя из их специфичности относительно конструктов «врага», «легального» и «публичного». Идентичность террориста и революционера формируется за счет рассмотрения характера их взаимодействия с правовым полем, локальностью и экзистенциальным различием «друга» и «врага».

Гребенников Антон Александрович, студент 3-го курса бакалавриата школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Демидкин В.В.

Понятие внутреннего врага у Георга Зиммеля в соотношении с внешним врагом Карла Шмитта

This paper is intended to clarify the phenomenon of the "enemy" in the context of the theory of Carl Schmitt as an external enemy, and in the context of Georg Simmel's theory — as an internal. This synthesis of ideas chosen by chance: Schmitt almost refuses to speak about the internal enemy in their studies. But if you delve into the concepts provided by the political thinker, while simultaneously addressing the sociology of Simmel, you can draw a path that can lead us, if not to answer, at least to the correct formulation of the problem and clear the grounds the problem of internal enemies and its status in the coordinates, alleged the society. Also, to solve the problem, I turned to the concepts of "Stranger" and "The Homecomer" Alfred Schutz as the explanation of social interactions in a "life-world" will help us to clarify why the processes of social community contact with the internal enemy unfold this way and no other way.

Ключевые слова: *понятие политического, внутренний враг, внешний враг, ренегат, тотальная война, экзистенциальный смысл.*

Keywords: *concept of the political, internal enemy, external enemy, renegade, total war, existential meaning.*

В этой перспективе существует, конечно же, глубокое братство между врагами, братство, которое будет вечно не доступно для гуманитарной мысли.

Юнгер Э.

Наше рассуждение, пожалуй, нужно начать с установления границы между внутренним и внешним врагом. Этой границей будет являться статус политического: мы не сможем привнести внутреннего врага в сферу политического, и это объяснимо по ряду причин.

Настоящий враг у Шмитта может быть только политическим. Если мы мыслим врага как врага внешнего, то такой враг должен быть заключен в категории политического. Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага¹. Шмитт обращает внимание на другие всем известные дихотомии и утверждает, что другие дихотомии мыслятся в рамках совсем не политических сфер: скажем, злой/добрый — в рамках этического, полезный/вредный — в рамках экономического. Политическое, по Шмитту, может обладать только характером публичности, то есть общего решения, исходящего из общества как политического целого, а не суммы разрозненных индивидов. Поэтому остальные дихотомии могут обладать лишь частным характером, поскольку экзистенциальная опасность — она для всего сообщества одна, этические, скажем, и экономические дихотомии же, как утверждает Шмитт, не могут занять политическую сцену. Различение друга и врага в экзистенциальном смысле означает, что он является врагом для политического сообщества лишь тогда, когда несет какую-то угрозу, опасность разрушения целостности политической группы. В контексте подобной интенсивности борьбы, этические или эстетические помыслы врага уже не играют никакой роли: не важно, злой враг или плохой, когда он угрожает жизням индивидов в политическом сообществе. Следующее высказывание Шмитта отсылает нас к «Чужаку» Зиммеля, утверждающего объективный статус аутсайдера, способного разрешить конфликт: «Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором «непричастного» и потому «беспристрастного» третьего»². Здесь Шмитт противопоставляет любое политическое решение как чистую борьбу между двумя субъектами зимме-

¹ Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: «НАУКА», 2016. С. 301.

² Шмитт К. Понятие политического. С. 302

левскому включению непричастного судьи. Тем не менее, разговор пойдет не об этом типе чужака, в первую очередь, потому что данный тип осмысливается как «находящийся на границе» между социальными группами, что подразумевает одни из важных его признаков — мобильность и нейтральность. Такой субъект не является ни врагом, ни другом, но его роль может быть описана в форме служения одной из социальных групп с целью извлечения своей собственной выгоды. Подробнее об этом говорится в работе Льюиса Козера «The Alien as a Servant of Power: Court Jews and Christian Renegades»³, а также в «The Uses of the Stranger: Circulation, Arbitration, Secrecy and Dirt»⁴ Недим Каракаяли.

В работе «Понятие политического» Шмитт приводит дефиниции чистому на экзистенциальном уровне врагу: «Друг» и «враг» — противоположности не нормативные и не «чисто духовные»⁵. Необходимо также заметить, что враг не может быть ненавидим, ненависть выражается в частном секторе, как следствие какой-либо субъективной обиды: «Итак, враг не конкурент и не противник в общем смысле. Враг также и не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии»⁶.

В теории Зиммеля мы затронем именно внутреннего врага. Зиммель пишет: «Внутри замкнутого круга вражда, как правило, означает *прерывание* взаимосвязей, отстраненность и избегание контактов; эти негативные явления сопровождается даже страстное взаимодействие открытой борьбы. Напротив, каждая из групп в целом равнодушна к другой, покуда длится мир, и лишь во время войны они обретают друг для друга активную значимость»⁷. Данный фрагмент достаточно хорошо накладывается на теоретическую модель Шмитта. Чем ближе были до вражды оба индивида друг к другу, тем опаснее и ра-

³ Coser, L. 1972. "The Alien as a Servant of Power: Court Jews and Christian Renegades." *American Sociological Review* 37:574–81.

⁴ Karakayali, N. "The Uses of the Stranger: Circulation, Arbitration, Secrecy and Dirt", *Sociological Theory*, 2006, volume 24, n. 4, pp. 312–330.

⁵ Шмитт К. Понятие политического. С. 303

⁶ Шмитт К. Понятие политического. С. 304

⁷ Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 117

дикальнее будет проявляться между ними вражда. Естественно, если группа не имела ничего общего с другой группой, кроме самых общих неясных, а значит и не интенсивных, черт, то между врагами не существовало никаких общих социальных конструкций, а из этого следует, что врагам не за что было бы посягать на жизни друг друга, кроме лишь одной, элементарной борьбы за жизнь. Зиммель приводит интересный для нас пример: «Взаимная ненависть мельчайших соседних государств, у которых вся картина мира, локальные связи и интересы необходимым образом весьма сходны и нередко должны даже совпадать, часто намного более страстна и непримирима, чем между большими нациями, пространственно и по существу совершенно чужими друг другу»⁸. Настоящая ненависть, выходящая за рамки мирного существования, появляется лишь при разрыве (в прошлом) социальных связей, более частных и интимных. Хороший тому пример, описанный в книге Калдор «Новые и старые войны», в котором происходит разбор конфликта между Боснией и Герцеговиной: «По выражению Живановича, либерала с независимыми взглядами, всю войну остававшегося в контролируемых сербами районах, «войне пришлось быть кровавой, ведь узы между нами были крепки»⁹. Один из главных тезисов теории социального конфликта Зиммеля гласит, что конфликт между субъектами, которые состоят в близких отношениях, то есть имеют какие-то общие социальные конструкции (будь то традиции, общая история, общие переживания прошлого) является более интенсивным, то есть более опасным. За всю историю войн накопилось множество примеров, когда внутренние конфликты порождали неведомого ужаса ситуации, когда врага уничтожали не только в силу защиты своей же собственной жизни, но по ряду других причин, которые могли возникнуть лишь при условии, если враги имели социальные связи в прошлом. «Люди, у которых много общего, часто куда горше, несправедливее обижают друг друга, чем совершенно чуждые. Иногда это случается потому, что большая область их взаимной

⁸ Зиммель Г. Человек как враг. С. 117

⁹ Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 104.

общности стала чем-то само собой разумеющимся, и поэтому не она, а то, что на данный момент их разнит, определяет позиции по отношению друг к другу»¹⁰. Глухов, ссылаясь на Деррида, пишет: «Гражданская смута, семейная или братская ссора бывают не менее ожесточенными и экзистенциально важными, чем война с абстрактным внешним врагом»¹¹. Характер сплоченности и все большей отождествленности обоих субъектов говорит о том, каждый субъект все больше и больше живет в социальном мире другого, многие связи индивидов становятся общими, такие общие вещи отходят на второй план и уже ощущаются как необходимые. Поэтому стоит конфликту произойти, группы или индивиды будут не готовы к подобным потрясениям, так как, говоря уже языком психологии, происходит «раздвоение личности», необходимый субъект твоей социальной жизни обретает самостоятельность, он находится на границе между твоим миром и миром, который ему только еще стоит создать. Вот в дополнение слова Зиммеля «...как раз большая схожесть свойств, склонностей, убеждений может привести к тому, что расхождение в чем-то совсем незначительном (из-за остроты противоположностей) будет ощущаться как нечто совершенно невыносимое»¹².

Следующее рассуждение возвращает нас обратно к Шмитту и проблеме разграничения внутреннего врага и внешнего как неполитического/политического и оно поможет нам понять, какие последствия несет за собой неполитический статус внутреннего врага. Шмитт отказывается от принятия внутренним врагом статуса политического в силу теоретических оснований всей мысли Шмитта. Одно из оснований гласит, что человек по своей природе зол, факт природной греховности человека необходимо предполагает существование сдерживающей силы, а именно политического сообщества, которое бы устранило «войну всех против всех». Другими словами, главной функцией госу-

¹⁰ Зиммель Г. Человек как враг. С. 118

¹¹ Глухов А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 72

¹² Зиммель Г. Человек как враг. С. 118

дарства является создание искусственных институтов, которые бы оберегали индивидов от них самих же. Вся экзистенциальная энергия направлена во вне государства, государство определяется через оппозицию к другим государствам как к врагам. Для того чтобы избежать «войны всех против всех», объявляется потенциальная угроза, существование которой способствует созданию политических групп, определяющих себя через общую угрозу. Социальные группы Зиммеля работают по той же логике, что у Гоббса и Шмитта. Теперь мы можем объяснить, почему Шмитт даже не затрагивает вопроса о существовании внутреннего врага. По Шмитту, самоидентификация политического сообщества возникает при вынесении врага за границы этого сообщества: вынесение врага за какие-либо границы говорит нам о том, что в пределах данных границ просто не должно существовать политического измерения. Поэтому, пользуясь аргументацией Шмитта, мы не можем внутреннего врага поставить на политическую сцену, так как подобная ситуация говорит о том, что внутри политического сообщества возникает другое политическое (например, революционная группа, сепаратисты), тем самым политический субъект раскалывается на отдельные политические группы и на обломках государства снова возникает «война всех против всех». «Если государство более не в состоянии достичь этого, то основное внимание политики переносится с международного аспекта на внутренний. Внутриполитические противоположности становятся тогда решающими разделениями на группы друзей и врагов, а это означает именно латентную или актуальную гражданскую войну»¹³. В современности мы можем видеть проблему фиктивной гомогенности, когда сам статус политического сообщества говорит о любом блокировании политической оппозиции внутри группы: репрезентант политически гомогенного общества выносит внутреннего врага из рамок закона, исключение всего в социальный сектор, то есть обвинение его в преступлении против «общественного блага» может привести к то-

¹³ Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и Понятие политического. М.: Издательская группа «Скимень», 2012. – С. 33

му, что враг будет объявлен «злым» субъектом, борьба с которым не будет иметь ограничений. Ален де Бенуа в своей книге «Карл Шмитт сегодня» говорит о дискриминационной войне: «То есть криминализация врага влечет за собой устранение тех ограничений (Niegungen), которые были наложены на войну публичным европейским правом»¹⁴. Аналогичным образом происходит сведение внутреннего врага вплоть до этических и личностных оценок, тем не менее, данные тенденции покоятся на разных основаниях.

То другое основание неполитичности внутреннего врага мы постараемся объяснить через призму теории Зиммеля. «К этому добавляется еще следующее: чужому, с кем не объединяют ни общие качества, ни интересы, люди противостоят объективно, пряча личность в скорлупу сдержанности, поэтому отдельное различие не так легко становится доминантой человека»¹⁵. Судя по фрагменту, мы видим, как противопоставляются понятия личности и объективности. Это легко улавливается в языке Шмитта. Личностные амбиции сдерживаются тогда, когда индивиды находятся в полной объективации, то есть в социальной пустоте, в которой невозможны частные претензии, лишь контакт на уровне голой субъектности. Дальше в той же работе Зиммель посвящает совсем немного текста тому, что после глубокого конфликта между связанными социальными узлами индивидами, может возникнуть пропасть, которая породит разрыв более сильный, нежели если бы он был между людьми из разных социальных групп. «Здесь, пожалуй, решающее значение имеет не только восприимчивость к различиям, но прежде всего опровержение собственного прошлого, выражающееся в такой смене чувств»¹⁶. Говоря об общей истории, мы подходим к тому моменту, когда нужно воспринимать последствия конфликта не как нейтральность или достижение вновь вернувшейся гармонии, но как след, глубоко отпечатанный на прошлом социальных отношений, избавиться от которого можно лишь

¹⁴Бенуа де А. Карл Шмитт сегодня/ перевод с французского – Институт общегуманитарных исследований, 2014 – 192 стр.

¹⁵ Зиммель Г. Человек как враг. С. 118

¹⁶ Зиммель. Г. Человек как враг. С. 119.

при условии, если один из врагов будет обезврежен. Здесь мы подходим к понятию **ренегата**, которое будет являться ключевым в нашей работе. Льюис Козер в своей работе «Функции социального конфликта» выделил один фрагмент из работы Зиммеля: «Это ситуация вражды, глубина которой коренится в чувстве общей принадлежности, единства... Две конфликтующие стороны ненавидят друг друга не только по какой-то конкретной причине, породившей конфликт, но также по социологической причине — как врагов самой группы... Типичным случаем здесь является ненависть ренегата и ненависть к ренегату. Память о прежнем согласии действует так сильно, что возникшая вражда оказывается гораздо резче и непримиримее, чем в случае, если бы ранее не было вообще никаких отношений... «Уважения к врагу» обычно не бывает, когда вражда возникает на основе прежней солидарности»¹⁷. Из данного фрагмента уже ясна дефиниция ренегата. Ренегат — человек, предавший свою группу, отказавшись от тех отношений, которые были основательными для группы. Хороший тому пример — старообрядцы, во время церковного раскола. Они не составляли никакой экзистенциальной угрозы правящей группе, но само их существование подрывало ценности этой группы. Знаменитый советский прозаик Варлам Шаламов пишет о том самом уничтожении людей, когда новой социальной группе необходимо порвать социальные связи с тем прошлым, к которому она относится теперь враждебно: «С первой тюремной минуты мне было ясно, что никаких ошибок в арестах нет, что идет планомерное истребление целой «социальной» группы — всех, кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить...»¹⁸. В своих же рассказах Варлам Шаламов постоянно разграничивает осужденных по политической статье и «бытовиков», показывая, что политический заключенный всегда будет рассматриваться как отдельная категория, с которой не собираются работать в рамках

¹⁷ Козер. Л. Функции социального конфликта. Перевод с английского языка О. Назаровой. Идея пресс - М., 2000. С. 91

¹⁸ Шаламов. В// Переписка с Воронской Г. А.

<http://shalamov.ru/library/24/15.html> (Дата обращения: 05.02. 2017)

закона, так как такой враг не должен существовать вообще, а значит, объявление его правовым лицом, официальным гражданином государства и т. д. совсем не уместно. Шмитт пишет о том, что война на основе моральных принципов не есть война в прямом смысле слова. Война на уничтожение, уничтожение не под предлогом жизненной необходимости может привести к ужасным последствиям.

Наконец, достигнув единой точки между теориями Шмитта и Зиммеля мы можем говорить о ренегате как о «моральном» враге, который не обретает статус политического. Этическое отношение к подобному врагу не может выходить за рамки частного. Если входит в сферу политического, то получает характер идеологических войн, не принимаемых Шмиттом. Тем не менее, возникает еще большая проблема, когда такой враг появляется внутри политического сообщества. Данный враг не защищен никакими институтами, против него не объявляются никакие официальные войны. Внутренний враг как моральный враг может быть обезврежен любыми способами под предлогом сохранения стабильности государства. На языке Шмитта такой враг становится «тотальным», то есть такого типа врагом, который не защищен никакими законами, правилами введения войны и т. п. Группа может просто уничтожить ренегата, не ссылаясь на причину ненависти. Данная проблема отсылает ко многим конкретным случаям, когда внутренний враг не имеет защиты, он может иметь защиту, но лишь тогда, когда посягает на частное. Скажем, индивид, совершивший грабеж или поджог имущества, может иметь защиту со стороны правовых институтов. Но врага можно легко обезвредить, маркировав его как морального врага («угроза общественной безопасности»). Также в истории борьбы государства с самим фактом появления оппозиционной публичности довольно известен метод «карательной медицины», данное явление детально рассматривается в одноименной книге Подрабиника: «Здесь кроется возможность незаметного перехода от понятия необычности или нетривиальности к понятию сумасшествия. Если сумасшедшие оцениваются медицинскими категориями, то необычность, ненормальность — общечеловеческими, бытовы-

ми.»¹⁹. Подрабинек описывает проблему маркирования политического противника как психически невменяемого. Говоря о тотальной войне на примере внутригруппового врага, мы видим картину свободного решения судеб, существование которых составляет «угрозу» политическому сообществу. Поэтому, избегая политического маркирования, от такого врага избавляются с помощью частных институтов, либо физического насилия. Следуя логике Шмитта Джорджо Агамбен рисует нам внутреннего врага как «*Номо Сасер*»: данная модель у Агамбена рисуется как порождение перманентного состояния чрезвычайной ситуации, либо скрытого ее состояния, при котором политическое вовлекает свои щупальца в социальное. Если возвращаться к проблеме того, что враг на самом деле предает группу, а не с помощью каких либо ухищрений признается таковым, нам нужно ответить на вопрос: почему такой индивид является тотальным врагом, то есть врагом, от которого нужно избавиться любой ценой?

Для нахождения ответа на данный вопрос мы бы хотели обратиться к известному американскому социологу австрийского происхождения Альфреду Шюцу. Язык гуссерелевской феноменологии и объект исследования как социальная повседневность помогут нам сконструировать картину нашего исследования до полного конца.

Шюц пишет о том, что у «потенциального» внутреннего врага и группы есть общее прошлое, совместный опыт, возможность прогнозировать действия друг друга. Нужно вспомнить Зиммеля и соотнести его слова с социальными установками, совместным опытом, имея который индивиды одной и той же группы могут предугадывать действия друг друга в разных ситуациях. Зная язык группы, как его употребление в конкретных ситуациях, и нормы поведения данной группы, а также ее историю и способы реагирования на те или иные социальные факты, индивид может с полным основанием называть себя членом той группы. «Применяя все это к культурному образцу групповой жизни в целом,

¹⁹ Подрабинек. А. «Карательная медицина», под редакцией Людмилы Алексеевой. Изд-во «Хроника», Нью-Йорк, 1979. С. 8

можно сказать, что член мы-группы схватывает с одного взгляда нормальные социальные ситуации, в которые он попадает, и немедленно вылавливает готовый рецепт, подходящий для решения наличной проблемы. Его действия в этих ситуациях демонстрируют все признаки привычности, автоматизма и полусознанности. Это становится возможным благодаря тому, что культурный образец обеспечивает своими рецептами типичные решения типичных проблем, доступные для типичных действующих лиц»²⁰. Зная все готовые рецепты для разрешения любой социальной ситуации внутри группы, индивид может прогнозировать действия данной группы. Шюц предлагает нам ответ на вопрос, почему от ренегата нужно избавляться, почему он обязательно «вечный» враг. Способность внутреннего врага прогнозировать действия своей бывшей группы — есть важный фактор, на который обращает внимание группа. Отсюда можно также вывести, что внутренний враг не может быть политическим врагом, так как он знает свою группу, поэтому война с таким врагом не может вестись на официальных оснований, так как 1) конфликт с ним имеет чрезвычайную интенсивность, выходя за рамки обычной войны против экзистенциального врага (такой враг предатель, при этом знающий «слишком много», что говорит о невозможности маркирования внутреннего врага как экзистенциального, политического. 2) Если к внешнему врагу есть уважение, так как обоих врагов ничего не связывает, то внутренний враг должен быть обезврежен, так как он будет нести «вечную опасность» врагу самим своим существованием. Война с подобным врагом будет всегда вестись варварским путем: если враги друг для друга как чистые листы, то и война будет вестись постепенным, аккуратным движением по этому листу, как будто если бы враги находились в темной комнате, и нужно было бы тогда обдумывать каждый свой шаг. «Я всегда имею шанс — субъективно или объективно — предсказать действия другого в отношении меня, равно как и их реакцию на мои действия. Мы

²⁰ Шюц А. Чужак // Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 544

можем не только предвидеть, что произойдет завтра, но и планировать более отдаленное будущее»²¹.

Внутренний враг рассматривается в данной работе исходя из двух теоретических моделей. Для Карла Шмитта проблема внутреннего и внешнего врага касается политического измерения, для Георга Зиммеля же — социального. У политического и социального существуют свои собственные предпосылки для проблематизации статуса внутреннего врага. В данной работе были рассмотрены два измерения существования «непризнанного» субъекта, определение которого становится более ясным, если политический и социальный уровни будут рассмотрены в своей взаимосвязи. Стоит заметить, что при использовании модели Шмитта мы должны опираться на факт отсутствия политического внутри общности, общность при этом обращается в гомогенное состояние, что приводит к официальному признанию отсутствия внутриполитического врага. Тем не менее, факт появления внутреннего политического субъекта неизбежен, поэтому возникает проблема поддержания формального статуса гомогенности и исключения врага из самого политического в социальную сферу, подразумевающую криминализацию субъекта на основе установленных практик. Социальная модель Зиммеля и говорит о ренегате, как о «вечном» враге, существование которого несет перманентную угрозу социальной группе. В данном контексте исследования мы приходим к понятию тотальности, которая рассматривается вместе с понятием внутреннего врага как исключение из закона. Социальное и политическое измерение отождествляются, что говорит о радикальной морализации политического оппонента. Мы можем это видеть на примере «политических» заключенных, медицинских заключений («карательная медицина») по поводу психического здоровья, либо людей, пока находящихся на скамье суда, что уже говорит об их частном статусе, но уж точно не о официально политическом. Криминализация внутреннего врага всегда предполагает установление статуса угрозы общественной безопасности. В современном

²¹ Шюц А. Возвращающийся домой // Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 551

обществе главным ядром власти является народный суверенитет, поэтому любое указание на возможность причинения вреда данной целостности может вести за собой уголовное преступление.

Список литературы

1. Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Европа, 2011. — 256 с.
2. Бенуа А. Карл Шмитт сегодня/ перевод с французского — Институт общегуманитарных исследований, 2014 — 192 с.
3. Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищезанское преодоление платонизма. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 584 с.
4. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114-119.
5. Зиммель Г. Эссе о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы Ред. А.Ф. Филиппов — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 831 с.
6. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 416 с.
7. Козер Л. Функции социального конфликта. — М: Идея прес, 2000. — 208 с.
8. Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и Понятие политического. — М.: Издательская группа «Скимень», 2012. — 192 с.
9. Подрабинек А. Карательная медицина / Ред. Людмилы Алексеевой. — Нью-Йорк: Изд-во "Хроника", 1979.
10. Ионин Л.Г. Социология Георга Зиммеля / История буржуазной социологии XIX-начала XX века. — М.: Наука, 1979.
11. Шаламов В.Т. Переписка с Воронской Г. А. URL: <http://shalamov.ru/library/24/15.html> (Дата обращения: 05.02. 2017)
12. Шаламов В.Т. Левый берег: Рассказы / Шаламов В. Т.; — Современник — М. : Современник, 1989. — 559 с.
13. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: «НАУКА», 2016. С. 280-408.

14. Шюц А. Возвращающийся домой // Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — С. 551-557
15. Шюц А. Чужак // Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — С. 533-550.
16. Coser L. The Alien as a Servant of Power: Court Jews and Christian Renegades // American Sociological Review. 1972. No. 37. Pp. 574-81.
17. Karakayali N. The Uses of the Stranger: Circulation, Arbitration, Secrecy and Dirt // Sociological Theory. 2006. Vol. 24, No. 4. Pp. 312-330.

Аннотация: Данная работа предназначена для прояснения феномена «врага» в контексте теории Карла Шмитта, как внешнего врага, и в контексте теории Георга Зиммеля — как внутреннего. Подобный синтез мыслей выбран неслучайно: Шмитт практически отказывается говорить о внутреннем враге в рамках своих исследований. Но если углубляться в понятия, предоставленные политическим мыслителем, при этом параллельно обращаясь к социологии Зиммеля, можно прочертить путь, способный привести нас если не к ответам, то, по крайней мере, к правильной постановке вопроса и ясным основаниям проблемы внутреннего врага и его статуса в координатах, предполагаемых социумом, в который он включен. Также для решения поставленной задачи я обратился к концепциям «Чужака» и «Возвращающегося домой» Альфреда Шюца, поскольку объяснение социальных взаимодействий в «жизненном мире» поможет нам прояснить, почему процессы контакта социальной общности с внутренним врагом разворачиваются именно так, а никак иначе.

Демидкин Владислав Владимирович, студент 3-го курса бакалавриата школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Зыгмонт А.И.
Война в мысли Рене Жирара: от антропологической данности к апокалипсису

The article considers the conceptualization of war in René Girard's philosophy. The author examines this notion in its connection with some of the thinker's key concepts, which are mimetic rivalry, sacrificial crisis and ritual, points out the paradox it contains, and suggests that it is being solved in his latest work.

Ключевые слова: Рене Жирар, Карл фон Клаузевиц, мимезис, ритуал, жертвенный кризис, апокалипсис.

Keywords: René Girard, Karl von Clausewitz, mimesis, ritual, sacrificial crisis, apocalypse.

Статус понятия войны в наследии Жирара можно назвать двусмысленным. Начать здесь следует с того, что именно войне почти целиком посвящен его последний значительный труд — «Завершить Клаузевица» (2007). С начала 2000-х как в нем, так и во множестве статей, заметок и интервью он не раз высказывался также о сущности терроризма, который считал формой войны¹. Исходя из этого жираровскую концептуализацию этого феномена стало принято описывать в контексте его рефлексии на темы модерна, современности, планетарного кризиса и т.д. В ретроспективе, однако же, обнаруживается, что понятие войны нередко встречалось у него и раньше, в ту пору, когда современность интересовала его едва ли не в последнюю очередь, почти всегда — в несистемном виде, и приблизительно в половине случаев — как метафора чего-то иного. В таковом качестве этот феномен оказывается неразрывно связан с ключевыми концептами философа, а именно миметическим соперничеством и

¹ См.: Cowdell, S. (2013) *René Girard and Secular Modernity*, University of Notre Dame Press, p. 143-167.

жертвенным кризисом, что были заявлены им еще в ранних, прорывных и фундаментальных работах 70-х гг., «Насилии и священном» (1972) и «Вещах, сокрытых от основания мира» (1978) — в этой первой прежде всего.

В британской и французской антропологии и социологии XIX — начала XX вв., поскольку эти науки занимались изучением т.н. «примитивных» обществ, имевшие в них место войны казались чем-то совершенно естественным, так что особого внимания им не уделяли: Фрэнклин, Дюркгейм или Мосс, скажем, упоминают о них лишь мельком, и почти всегда для объяснения чего-то другого². Отдельным от всех прочих предметом этих наук война стала лишь в контексте вопроса о различии «архаической» войны и «современной», т.е. «их» и «нашей»; так вопрос впервые начали ставить в конце 30-х гг., например, Батай и Кайуа. В «Насилии и священном» Жирар, как кажется, продолжает эту первую традицию, говоря о войне лишь в связи с чем-то еще, но на самом деле ее преодолевает, практически растворяя ее в других своих концептах.

Подобный характер представления понятия войны в его трудах имел своим результатом два противоречия, которые он успешно, на наш взгляд, разрешит в книге о Клаузевице. Смысл первого заключается в том, что это слово используется им и как метафора в рамках более сложной концептуальной структуры, и как указание на непосредственно воспринимаемую реальность. Эта первая проблема притягивает за собой вторую, так что это понятие помещается в два различных и даже взаимоисключающих контекста: с одной стороны, война — это вписанный в самую человеческую природу миметический конфликт, масштабируемый от противостояния двух соперников до междоусобной «войны всех против всех» в рамках отдельно взятого сообщества; с другой — реальная

² Фрэнклин в «Золотой ветви» упоминает о ней, рассуждая, например, о принципе действия симпатической магии (гл. 3, п.3) и табу (гл. 20, п. 4), Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» пишет о войнах между племенами с различными тотемами (кн. 2, гл. 2), а Мосс в «Очерке о даре» говорит об опасности начала войны в связи с возможным отказом человека принять дар или ответить на него.

война представляет собой ритуализованную форму сдерживания конфликта, поскольку перенаправляет его вовне и регулирует обычаями, правилами и кодексами. В итоге получается, что война сдерживает саму себя: это и ритуал, и его отсутствие. Поэтому цель данной статьи — раскрыть это противоречие на конкретных цитатах и показать, как оно обнаруживается и разрешается в «Клаузевице».

Война как ритуал и кризис ритуала

Для описания войны как антропологической данности нам потребуется по возможности краткий экскурс в жираровскую миметическую теорию в целом³. Ее центральный концепт — собственно *мимезис*, имитативная структура желания: человек хочет что-либо лишь потому, что этого хочет другой. Из этого главного положения, источником которого принято считать Кожева, Гоббса и де Ружмона, выводится неизбежность возникновения ненависти (это строгий термин⁴), и далее — конфликта, т.е. соперничества за обладание предметом желания: «Два желания, сталкиваясь на одном объекте, делают друг для друга преградой. Всякий мимезис, направленный на желание, автоматически приводит к конфликту», — пишет философ⁵. Поскольку и мимезис, и насилие как его прямое следствие имеют контагиозную природу и переходят от одного человека к другому, то любое убийство может привести к циклу кровной мести, который при отсутствии сдерживающих мер может даже уничтожить сообщество. Единственная такая «мера», по Жирару — это механизм козла отпущения, превращающий насилие всех против всех в насилие всех против одного, и различные его производные: жертвоприношение, мифология, судебная система и т.д. Исходя из этого, истина насилия как определяю-

³ О теории Жирара в целом и различных ее аспектах см.: *Tarot C. Le symbolique et le sacré: Théories de la religion, Éditions de la découverte / M.A.U.S.S., 2008, p. 398-426; Зенкин С. Небожественное сакральное. теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2014; Кострова Е.А. Теория священного в работе Рене Жирара «Насилие и священное» // Религиоведческие исследования. 2010. № 3-4. С. 204-209.*

⁴ *Girard R. Mensonge romantique et vérité romanesque, Éd. Grasset & Fasquelle, 1961, p. 24.*

⁵ *Girard R. La violence et le sacré, Éd. Grasset & Fasquelle, 1972, p. 217.*

щего человеческую природу феномена становится наиболее очевидной в те периоды, когда все эти сдерживающие насилие институты утрачивают свою эффективность или перестают работать, вследствие чего оно вырывается на свободу в ситуации *жертвенного кризиса*, обнажающим лишенных всякого рода культурных примесей человеческое состояние.

Сказанного достаточно, чтобы иметь возможность перейти к сути дела, которая заключается в том, что Жирар нередко использует понятие войны как метафору миметического соперничества и симптом жертвенного кризиса. В этом смысле он полагает, что суть того и другого вполне выразил Гераклит в своем фрагменте F54, говоря о раздоре (*πόλεμος*'e) как об «отце и царе всего»⁶. «Раздор» здесь следует понимать буквально: это насильственный конфликт между людьми. В другом месте философ сравнивает кровную месть с современной войной: «...чтобы прекратить месть (как чтобы в наши дни прекратить войну), мало убедить людей в том, что насилие отвратительно; именно потому, что они в этом убеждены, они и считают себя обязанными мстить»⁷. Война здесь предстает одновременно и конкретной реальностью, и общим принципом, определяющим человеческие отношения: люди используют насилие, чтобы насилия не было, и тем самым ловят себя в ловушку. Между войной и миметическим соперничеством существует также и структурное сходство: так, лежащий в основе любого конфликта принцип упреждения Жирар ассоциирует с современными «превентивными», «оборонительными» войнами, в которых для уменьшения количества насилия парадоксальным образом следует нападать первому⁸.

Приведем еще две цитаты, в которых война фигурирует как один из симптомов — впрочем, реальных, а не метафорических, — жертвенного кризиса, т.е. состояния тотальности насилия вследствие эрозии сдерживающих его ритуа-

⁶ *Ibid.*, p. 134. См. также: Гераклит Эфесский: все наследие на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. С. 166.

⁷ Girard R. *La violence et le sacré*, p. 29.

⁸ *Ibid.*, p. 85.

лов. Так, рассуждая о ситуации в «Эдипе-царе» Софокла, Жирар пишет:

«Во всех этих чудовищах, жаждущих человеческой крови, в разнообразных эпидемиях и морах, в войнах гражданских и внешних, составляющих довольно-таки туманный фон, на котором разворачивается трагическое действие, мы, разумеется, угадываем отзвуки современности, но точных указаний не получаем»⁹.

Для нас в этой цитате важны, конечно, не «отзвуки современности», а то, что гражданские и внешние, — одним словом, любые, — войны ставятся в один ряд с другими признаками, метафорами и перифразами кризиса (вроде эпидемий). Существенно то, что война начинается, когда культура перестает работать, исполнять свою функцию сдерживания насилия. Вот еще одна цитата, убедительно подтверждающая это положение:

«С другой стороны, суть происходящего можно наглядно рассматривать на примере кризисных обществ, — например, в культурах яномомо или кайтанг, — где непрерывно свирепствует война, и совсем не метафорическая»¹⁰.

Некоторые исследователи, например, Майкл Кирван¹¹, обращают внимание на непроговоренное открыто, но оттого не менее важное влияние, которое оказал на Жирара Гоббс: речь идет по меньшей мере об описании причин разногласий между людьми и концепте естественного состояния как «войны всех против всех». Так, в 13 главе «Левиафана» он пишет следующее:

«Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами [...] Из-за взаимного недоверия — война»¹².

⁹ *Ibid.*, p. 70.

¹⁰ *Ibid.*, p. 188.

¹¹ См.: Kirwan, M, Sj. (2005) *Discovering Girard*. Lanham, Chicago, New York, Toronto and Plymouth: A Cowley Publications Book, p. 29-30, 43-44.

¹² Hobbes, T. *Leviathan, of the Matter, Forme, & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civill*. London, 1651, p. 78.

Соответственно, «...при отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех»¹³, выступающая в роли естественного состояния. Обратим внимание на то, что замеченный нами у Жирара парадокс есть и в тексте Гоббса: война — это и потенциальное отношение между людьми, с которым они научились так или иначе справляться, и та актуальная реальность, которую это отношение обнажает в том случае, если у них что-то идет не так.

Второй контекст, в котором фигурирует понятие войны у Жирара и который входит с этим описанным нами первым в противоречие, проистекает из простого наблюдения, что не всякая война есть бесконтрольный разгул насилия, и что на протяжении веков существовали различные обычаи, правила и кодексы, ее регламентирующие. Иначе говоря, *война является формой ритуала*, которое выводит насилие из сообщества, а не повергает его в хаос. В этом смысле это понятие используется, например, в следующем пассаже:

«Первобытные общества не отданы на произвол насилия [...] ...для полноты следовало бы учесть все более или менее ритуализованные формы насилия, отвращающие угрозу от близких объектов на более дальние, — в частности, войну»¹⁴.

Косвенно Жирар имеет в виду то же самое, говоря, что «Возвращающийся домой воин рискует привести насилие, которым он пропитан, внутрь общины»¹⁵. Герметичный до сих пор мир философа, где есть люди, их насилие и община, здесь размыкается, так что оказывается, что люди, которые могли бы заняться привычным им убиением ближних, зачем-то убивают *дальних* на войне. В другом месте прямо говорится о ритуальном характере схватки между возможными претендентами на престол после смерти монарха. Конечно, сам философ замечает, что этот ритуал напоминает нам о жертвенном кризисе, но сам по себе он им не является и направлен на его отвращение, а не приведение в жизнь. В приводимой им цитате французский историк Люк де Гёш говорит, что война за наследование — это «война, ритуальный характер

¹³ *Ibid.*, p. 80.

¹⁴ *Girard R. La violence et le sacré*, p. 34-35.

¹⁵ *Ibid.*, p. 67.

которой нельзя недооценивать»¹⁶. И, наконец, нам представляется, что описание кровной мести как войны внутри сообщества также включает в себе некоторое противоречие, поскольку эмпирически это в высшей мере ритуализованная и упорядоченная система.

Хотя Жирар упоминает войну в этом втором смысле реже, чем в первом, мы все же полагаем существенным обратить внимание на их противоречивость, которую можно выразить вопросом: война — это ритуал или отсутствие ритуала? И хотя по логике «Насилия и священного» мы могли бы предположить скорее, что ритуал и кризис континуальны и отсылают одно к другому, «Клаузевиц» дает нам другой ответ, к которому мы сейчас обратимся.

Клаузевиц как всадник апокалипсиса

После «Насилия и священного» Жирар еще долго не будет использовать понятия войны, с головой уйдя в иудео-христианские писания и новую интерпретацию христианства. В «Вещах, сокрытых от основания мира», центральной работе для этого периода его творческого пути, он упоминает ее в качестве основного мотива апокалипсиса, собственно сути того, что он из себя представляет: «В последние времена, говорят нам, "любовь во многих охладает". Вследствие этого везде восторжествует борьба двойников; конфликт двойников станет планетарным», — и далее автор цитирует Мф 24:6-7, где как раз говорится о «войнах» и «военных слухах», предвещающих наступление конца¹⁷. Здесь речь опять-таки идет о миметическом соперничестве и жертвенном кризисе, разве что в большем масштабе; весь этот раздел книги, собственно, как раз и посвящен анализу религиозной эсхатологии как более или менее мифологизированного свидетельства о социальном кризисе. В том же контексте война встречается в его работе «Козел отпущения» (1982): философ сравнивает учредительную жертву — стихийное линчевание, — с событиями религиозных войн¹⁸.

¹⁶ *Ibid.*, p. 165.

¹⁷ Girard R. *Des choses cachées depuis la fondation du monde*, Éd. Grasset & Fasquelle, 1978, p. 260.

¹⁸ Girard R. *Le bouc émissaire*, Éd. Grasset & Fasquelle, 1982, p. 132.

Несмотря на то, что, как уже было сказано, рефлексия на тему войны присутствует во многих текстах Жирара с начала 2000-х гг., здесь мы обратимся лишь к «Клаузевицу». Сам философ неоднократно сравнивал свою работу с детективным расследованием, в ходе которого из более или менее скурых свидетельских показаний складывается впечатляющая картина ненамеренно позабытого преступления, т.е. учредительного убийства и всего того, что с ним связано. Умершему в 1831 г. от холеры прусскому генералу, так и не закончившему дело всей своей жизни — трактат «О войне», — Жирар отводит роль ключевого свидетеля по делу о самой природе современности, неразрывно связанной с войной и происходящими в ней изменениями.

Здесь он цепляется за то, что Клаузевиц определяет войну как *Zweikampf*, т.е. буквально «схватку двух»¹⁹. Это ограничение войны до схватки двух, а не более, соперников сохраняется во французском слове *duel* и в русском *поединке*. Исходя из этого определения и ряда других свидетельств философ отождествляет клаузевицевскую войну с миметическим соперничеством. Однако это идеальное определение войны как акта насилия, применению которого нет предела²⁰, имеющего своей целью навязать противнику свою волю или сокрушить его, не учитывающего при этом кроме себя ничего и вполне оторванного от реальности, корректируется впоследствии множеством дополнительных факторов, довлеющих над войной, как она существует в реальности, а не в понятии: это состояние войск, типы местности, наличие союзников и т.д. В нее возвращается, наконец, некая политическая цель. Это присутствующее еще в первой главе клаузевицевского трактата и затем лишь углубляющееся противоречие позволяет Жирару сделать следующий вывод:

«Он [Клаузевиц. — А.З.], следовательно, отделяет концепт от его реальности, и делает это из теоретических соображений, которые позволяют «абсолютной войне» вобрать в себя все возможные разновидности конфликтов от преимущественно политических

¹⁹ Girard R. Achever Clausewitz, Flammarion, 2011, p. 30.

²⁰ См.: Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. А. Рачинского. М.: Логос, Наука, 1998. С. 37.

до преимущественно милитаристских: концепт войны как поединка становится здесь «точкой референции»».

Итак, есть идеальная война как тотальное насилие и есть реальная война, относительно которой Жирар говорит, что вплоть до конца XVIII в. и эпохи революционных и наполеоновских войн «посредством своих законов и правил... она способствовала работе по установлению новых форм равновесия»²¹. С помощью этого разграничения философ и устраняет парадокс, обозначенный нами выше: идеальная война и в самом деле есть жертвенный кризис, реализация естественного состояния и борьба всех со всеми; реальная же война до поры сдерживалась ритуальными формами, но теперь уже почти не сдерживается, поскольку они оказываются вытеснены «враждебным намерением», связывающим друг с другом миметических соперников на войне — по сути той же *ненавистью* еще из «Лжи романтизма». Этот постепенный переход от реальности к концепту Жирар вслед за прусским генералом обозначает как «устремление к крайности» (нем. *Bestreben zum Äußersten*, фр. *montée aux extrêmes*), отмечая, что в эпоху Клаузевица «устремление к крайности» не может еще найти условий для своего применения; что мы не находимся еще в ситуации апокалипсиса, но постоянно подходим все ближе и ближе к этому абсолюту, к осуществлению первого определения войны; что люди, в определенном смысле, еще пока не способны совместить реальную войну с ее концептом, но однажды станут способны²².

Эта идея Жирара относительно эрозии связанных с войной ритуалов — которое есть, впрочем, также и высвобождение ее истинной сущности, — во многом повторяет мысль Роже Кайуа, высказанную им еще во втором издании «Человека и сакрального» (1949) и в «Беллоне, или Склонности к войне» (1962). Так, французский антрополог приходит к выводу, что война является единственным проявлением сакрального в современном мире — и именно в силу того, что перестает быть ритуалом и становится тотальной войной, т.е. угрожающей жизни всего человечества:

«все более исчезают всякие рыцарственно-упорядоченные элементы войны. Тем самым она как бы очищается и восста-

²¹ Girard R. Achever Clausewitz, p. 26.

²² *Ibid.*, p. 34.

навливается в своей беспримесной сущности. Она избавляется от всего наносного, чуждого ее истинной сути, освобождается от унижительного союза, заключенного некогда с духом игры и состязания»²³.

Избавляясь от правил, элементов игры и спорта²⁴, война становится приостановкой повседневности — ужасающим, восхищающим и трансгрессивным «праздником» в архаическом его понимании, воплощенным сакральным; Жирар, также упоминал войну в контексте темы «плохо кончившегося праздника». И, хотя сакральность происходящего он оценивает исключительно негативно, вся эта концепция деритуализации войны, совпадения реального с идеальным и тотальности нового типа войны оказываются очень близки Кайуа — что неудивительно, учитывая их личное знакомство и общие источники.

Ссылка Жирара на апокалипсис возвращает нас к вышеприведенной цитате из «Вещей, сокрытых от основания мира», где это понятие обозначает финальный пароксизм жертвенного кризиса, нисхождение к естественному состоянию. Основным его содержанием для нас станет именно та война, которая в результате устремления к крайности реализуется наконец в своей идеальной форме: «...апокалипсис есть нечто иное, как реализация абстракции; соответствие реальности концепту»²⁵. В силу того, что подобное соответствие, однако, все еще является лишь возможностью, а не действительностью, и в силу трудности вообразить себе тотальную войну в общемировом масштабе, понятие апокалипсиса здесь также остается всего лишь умозрительным.

В заключение следует сделать еще одно замечание, связанное с тем, что Жирар — мыслитель христианский и вследствие этого постоянно подчеркивает ту парадоксальную роль, которую христианство сыграло в возможной реализации абсолютной войны. Еще в «Вещах» он писал, что христианство разоблачает механизмы насилия (козла опущения, убийство жертвы и ее обожествление) вместе со всеми завязанными на них ритуалами. Война здесь не

²³ Caillois R. *L'homme et le sacré*, Gallimard, 1950, p. 234-235.

²⁴ См.: Caillois R. *Bellone, ou la pente de la guerre*, Flammarion, 2012, p. 153.

²⁵ Girard R. *Achever Clausewitz*, p.55.

является исключением, так что ее деритуализация опять-таки ассоциируется с работой христианского откровения. В «Козле отпущения», например, Жирар замечает, что «Иисус вносит в сатанинский мир удвоенную войну, потому что в принципе он приносит мир»²⁶. Однако христианство — это не только некая действующая в истории сила, но и личный выбор человека в перспективе реальной опасности тотальной войны:

«Это устремление к крайности — феномен совершенно иррациональный, и только христианство, как я полагаю, может его разглядеть. Ибо вот уже более двух тысяч лет назад оно открыло всю тщету принесения жертв, — к вящему неудовольствию тех, кто хотел бы еще верить в их пользу. Христос отнимает у человечества его жертвенные костыли и ставит его перед ужасным выбором: либо верить в насилие, либо нет. Христианство означает неверие»²⁷.

Жирар говорит, что не предлагает универсального рецепта против войны и уже не становится, как раньше, на точку зрения христианства, однако он постоянно указывает на необходимость освоения новой формы рациональности, представляющей собой мышление *изнутри миметизма*. Для того, чтобы противостоять войне, необходимо войти в нее: это, впрочем, не составит труда, потому что мы либо уже в ней, либо очень скоро в ней будем.

Список литературы

1. *Гераклит Эфесский* / Все наследие на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012.
2. *Зенкин С.* Небожественное сакральное. теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2014.
3. *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. А. Рачинского. М.: Логос, Наука, 1998.
4. *Кострова Е.А.* Теория священного в работе Рене Жирара «Насилие и священное» // Религиоведческие исследования. 2010. № 3-4. С. 204-209.
5. *Caillois R.* Bellone, ou la pente de la guerre, Flammarion, 2012.
6. *Caillois R.* L'homme et le sacré, Gallimard, 1950.

²⁶ *Girard R.* Le bouc emissaire, Éd. Grasset & Fasquelle p. 282.

²⁷ *Girard R.* Achever Clausewitz, p.58.

7. Cowdell, S. (2013) *René Girard and Secular Modernity*, University of Notre Dame Press.
8. *Girard R. Achever Clausewitz*, Flammarion, 2011.
9. *Girard R. Des choses cachées depuis la fondation du monde*, Éd. Grasset & Fasquelle, 1978.
10. *Girard R. La violence et le sacré*, Éd. Grasset & Fasquelle, 1972.
11. *Girard R. Le bouc émissaire*, Éd. Grasset & Fasquelle, 1982.
12. *Girard R. Mensonge romantique et vérité romanesque*, Éd. Grasset & Fasquelle, 1961.
13. *Hobbes T. Leviathan, of the Matter, Forme, & Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civill*. London, 1651.
14. *Kirwan M. Sj. Discovering Girard*. Lanham, Chicago, New York, Toronto and Plymouth: A Cowley Publications Book. 2005.
15. *Tarot C. Le symbolique et le sacré: Théories de la religion*, Éditions de la decouverte / M.A.U.S.S., 2008.

Аннотация: *Статья посвящена концептуализации войны в философии Рене Жирара. Автор рассматривает это понятие в связи с ключевыми концептами мыслителя — миметическим соперничеством, жертвенным кризисом, ритуалом, — и указывает на заключенный в нем парадокс, который разрешается в его поздних трудах.*

Зыгмонт Алексей Игоревич, кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

Михеев В. Ю.

Миф о религиозном насилии Уильяма Кавано¹

The paper deals with the works of American theologian William Cavanaugh concerned to dismantling the myth about "religious violence", which is using by secular states to legitimize their right to oppress religion when it tries to manifest itself in public political sphere. The theopolitical premises of author and method of his argumentation was analyzed in this research and also some aspects of his theory which are possible to created reversed myth against nation state was criticized.

Ключевые слова: *религия и политика, религиозное насилие, государство Модерна, мифотворчество, Э. Дюркгейм, У. Джеймс, Ф. Шлейермахер, отношения Я-Другой, история понятий, секулярный культ, легитимация власти.*

Keywords: *politics and religion, anthropology of religion, religious violence, modern state building, myth creation, history of notions, process of othering, sacralization of secular power, legitimation of power.*

В интеллектуальной среде Западного мира «как промеж обывателей, так и среди политических теоретиков» принято считать религию явлением, которое склонно вызывать в обществе иррациональную, т.е. основанную на эмоциях, вражду. В связи с этим некритично полагается, что для сохранения мира и нравственного прогресса идеи и практики, связанные с этим феноменом, необходимо исключать из пуб-

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015-2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

личного пространства, разрешая отпускать те или иные культы лишь в частном порядке². Книга «*Миф о религиозном насилии*» американского политического теолога из Университета Де Поля, Уильяма Кавано, существенно выделяется на этом фоне. Тщательного изучение термина «религия», истории его возникновения и применения автор делает заключение, что он был создан в эпоху модерна для утверждения верховенства власти государства над церковью, а также для маргинализации других соперничающих практик. С помощью мифа о том, что религия — это внеисторический феномен, изначально находящийся вне сферы разума и склонный вызывать раздор и насилие, секулярные власти пытались оправдать свою монополию назначать простым гражданам цели, ради которых можно легитимно убивать или жертвовать своей жизнью. Автор стремится показать, что на самом деле разделение сфер жизни на религиозные и секулярные искусственно и не отображает действительного положения дел.

Первая часть данной статьи посвящена обзору аргументов, предложенных У. Кавано в пользу развенчания «религиозного» мифа, методологическим основам книги «*Миф о религиозном насилии*», а также теополитической концепции автора, изложенной в ряде других статей. Во втором разделе будет представлена критика данной теории, связанная с неосторожным использованием терминов «насилие» и «религия», которые могут значительным образом снизить ее доказательный базис.

Аргументация

Чтобы наилучшим образом представить теорию Кавано, развернем его доводы в порядке стоического разделения наук, т.е. метафизика (базовые понятия мира), физика (ход исторических событий) и этика (как в описанной ситуации действовать наилучшим образом).

1) Концепция автора строиться на двух имплицитных посылах. Во-первых, автор предполагает, что в каждом обществе, существуют определенные святые, ради защиты

² *Cavanaugh, William T. The root of evil. (Does religion promote violence?)//America, July 29, 2013, Vol.209 (3), p. 122.*

которых его члены готовы пойти на убийство или самопожертвование. Подобная модель поведения представляется как наиболее разумная, справедливая и достойная поощрения, в то время как отказ от нее считается постыдным и осуждается.

Тем не менее, в одних условия (социальных, экономических, политических) склонность к упомянутым действиям может различаться. Общество с высокой готовностью к жертвенности и применению насилия отличается следующими тремя показателями: во-первых, признание своих идеологий и практик как единственно верных и неспособность воспринимать какое-либо альтернативное мнение; во-вторых, значительный уровень солидарности, стойкая привязанность к групповой идентичности, враждебность к другим обществам; и, в-третьих, существенное влияние таких иррациональных мотивов как злоба, гнев, вражда и некритичное подчинение авторитету на поведение членов группы.

Во-вторых, Кавано пользуется феноменологическими категориями «Я» и «Другое» (Не-Я, Оно) для объяснения отношений между властвующими и угнетаемыми/подчиненными группами. Согласно этой теории, идентичность всякой социальной группы, строится на ее отличии от тех, кто ее окружает. Подобное сообщество воспринимает себя как «Я», качественно отличное от своих соседей, «Других», которых оно не признает как равных себе, но как низших, достойных подчиненного положения. Если «Другой» не потребует признания себя как субъекта равного «Я» и не будет отстаивать свои права должным образом, то он рискует оказаться рабом «Я» и лишиться своей идентичности. Взамен Другому будет навязано самовосприятие, с которой «Я» не хотел бы себя ассоциировать, т.е. теневое, вытесненное, обратное тому образу, который «Я» хотел бы приобрести. При этом Я будет использовать этот негативный облик «Другого» для оправдания своих насильственных действий по отношению к нему.³ Всякая форма организованного насилия сознательно или бессознательно стре-

³ Бовуар С. де. *Второй пол.* Т. 1 и 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. С. 29-31.

миться представить объект своих действий «Другим», несовершенным, нерациональным, опасным; а себя как «Я», чьи действия рациональны, ведут к миру и прогрессу, а потому естественны и необходимы.

2) Истоки рассматриваемого мифа автор ищет в эпохе европейского модерна (XVI-XVIII вв.), когда ожесточённая борьба государственной и церковной власти в Европе закончилась победой национального государства. Результатом этой победы стало то, что государственные институты присвоили себе исключительное право определять какое убийство или самопожертвование допустимо и похвально, а какое неразумно и опасно, т.е. по выражению Кавано, произошло перемещение священного («migration of the holy») из одних институтов в другие. Прекрасной иллюстрацией данного явления может служить работа Канторовича «Pro Patria Mori in Medieval Political Thought», в которой детально показано, как идея о мистическом теле церкви была перенесена на государство; в частности в ней описано как мученическая смерть за короля и отечество стала тождественной смерти во имя христианской любви⁴.

Для оправдания своей власти государством модерна был создан «Другой» в виде публичной церковной власти. Главный тезис профессора Кавано состоит в том, что интеллектуалы того времени в стремлении доказать превосходство светского общества осознанно или неосознанно создали уникальный концепт — «религия». Это понятие обозначало: 1) присущий по природе всем людям, внеисторический и внекультурный феномен, 2) автономный от всех остальных, секулярных сфер жизни (политики, экономики, искусства), и 3) в отличие от них более склонный к проявлению иррационального насилия. Одновременно возник образ «фанатика» как человека полностью посвятившего себя религии. Рассматриваемый термин претерпел существенные изменения в ходе своего развития: 1) впервые он был использован Ме-

⁴ Дмитриев М. Проблематика исследовательского проекта «*Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы*» // Дмитриев М.В. (ред.) *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе*. М: Индрик, 2008. с. 33-36.

ланхтоном в значении «мечтатель» и «фантазер» по отношению к анабаптистам, которые отрицали необходимость государства, обладающего правом на насилие, для приближения града божьего; 2) в работах таких просветителей как Вольтер фанатизмом стали называть нетолерантность, вызванную переизбытком страстей, безумием, вызванным предрассудками. Однако, несмотря на трансформации ярлык «фанатика» всегда присваивался только к представителям религиозных конфессий, и крайне редко использовалась в отношении светской власти⁵.

Обуздание «иррациональных» стремлений религии действовать в публичном пространстве (не сама религия вообще) стала одной из главных идей для построения положительного образа государства модерна. «Миф сотворения» национального государства в первую очередь базируется на истории религиозных войн, в которых якобы были виновны религиозные фанатики, которые были успешно завершены с заключением Вестфальского мира и дальнейшей секуляризацией гражданского общества.

Для опровержения данного мифа Кавано использует генеалогический метод Фуко, согласно которому сюжеты исторических нарративов определяются не столько стремлением адекватно представить истину, сколько политической борьбой и неявными чувственными мотивами. Следовательно, можно проследить, как изменение значений определенных терминов в ходе соперничества различных социальных групп, представляла те или иные социальные практики как «очевидные» и подготавливала их некритичное принятие. В ходе детального анализа истории понятия «религия» автор показывает, что этот термин возник в определенную культурно-историческую эпоху, а все попытки разделить общественные явления на религиозные и секулярные ведет к непреодолимым трудностям. Во-первых, в античности слово *religare* («связывать») обозначало различные виды связывающих обязательств: семейных, родственных, дружеских, в том числе обязательств по

⁵ *Cavanaugh, William T. The invention of fanaticism.//Modern Theology 27:2 April, 2011. P. 232-233.*

отношению к богам, — т.е. в обыденной речи оно не имело какого-либо специфического значения⁶. В средневековье словом *religio* обозначали особый вид добродетели (*virtu*), означавший тесную гармоничную связанность тела и души, которую можно достичь с помощью систематических упражнений в аскезе. До сих пор в английском языке, словом *religious* обозначают католические общины, в которых как миряне, так и священники могут упражняться в этой добродетели. В обоих случаях не идет речи об автономии религии от политики. Во-вторых, ни в одной неевропейской культуре вплоть до европейской колонизации не было найдено подобного разделения на религиозный и нерелигиозные сферы жизни.

В-третьих, определение самого термина «религия» в академической среде сталкивается с непримиримыми противоречиями. *Субстантивистский* подход стремится обособить религию как уникальную сферу деятельности, связанную с верой в бога, однако подобная классификация неминуемо исключает такие атеистические религии как буддизм, даосизм и конфуцианство. Можно расширить критерий до «верховного принципа», но он в свою очередь будет охватывать и такие учения как марксизм, национализм, вера в свободный рынок и т.д.. Следует отметить и попытки некоторых ученых манипулировать термином «религия», подводя под него лишь те доктрины, которые им не нравятся и наоборот. Например, Р. Хитченс в своей книге «*God is not great*» относит к религии тоталитарные культы вождей, но прямо отрицает, что движение Мартина Лютера-Кинга было христианским⁷. Более удачным Кавано находит *функционалистский* подход, введенный Дюркгеймом, который подводит под религию все, что функционирует как религия, например, усиливает солидарность группы по отношению к каким-либо сакральным символам. Но этот подход уже изначально не рассматривает воз-

⁶ *Cavanaugh, William T. The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 90.*

⁷ *Cavanaugh, William T. Religious Violence as Folklore Religion and Society, 2011, Vol.2, p.123-124.*

возможность отделение религии от политики (см. подробнее ниже). Таким образом, дихотомия секулярное и религиозное не имеет никакой объяснительной ценности.

3) Кавано утверждает, что миф о «религиозном насилии» не просто вводит в заблуждение, но может быть использован во зло. Миф утверждает, что власть секулярного правителя необходима, чтобы держать в узде иррациональную и конфликтогенную религию, тем самым сохраняя в обществе мир, однако нередко он используется для маскировки насилия секулярных властей, заставляя воспринимать их действия как рациональное и миротворческое применение силы. В частности, он может быть использован во внутренней политике для маргинализации определённых практик, как, например, запрет на общую молитву или на ношение платка в учебных заведениях, что является скрытым проявлением нетолерантности. Во внешней политике он используется для демонизации культур, в которых не принято разделять религию и политику, вроде ислама, представляя их как фанатичными, неспособным к переговорам, в связи с чем применение насилия против них кажется дозволенным, кажется даже вовсе не насилием. Аргументацию подобного типа можно представить следующим образом: если эти общества не хотят отделять церковь от государства, то «мы, к сожалению, вынуждены с помощью бомб вдолбить им большую рациональность («...we must regrettably bomb them into the higher rationality»)⁸. Так, согласно этому мифу, насилие режима шаха Пехлеви в Иране, считается более легитимным, чем насилие приверженцев аятоллы Хомейни во время исламской революции, потому что одни секулярны, а другие религиозны.

Кавано, оговаривается, что его книга не имеет никакой положительной программы. Во-первых, он не стремится оправдать насилие, совершаемое некоторыми исламскими или христианскими организациями; во-вторых он не

⁸ *Cavanaugh, William T. The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 226.*

предлагает никакой альтернативы современному либеральному государству и практике отделения церкви от государства, считая последнее в целом положительным явлением. Его задача негативная — показать генеалогию мифа и тот вред, который он наносит. В то же время демистификация позволит добиться следующих положительных моментов. Во-первых, она освободит академические исследования феномена насилия от вводящей в заблуждение дихотомии секулярное/религиозное и позволит сконцентрироваться на изучении обстоятельств, приводящих к ожесточению *любых* учений и практик. Во-вторых, это облегчит диалог властей с различными церковными организациями, которые также хотят участвовать в общественной жизни, заменит параноидальный дискурс на прагматический. В-третьих, позволит лучше понять особенности социального устройства несекулярных культур, описывая их в терминах теополитики, а не в терминах фанатизма. В-четвертых, поможет прекратить легитимацию насилия против «иррациональных» религиозных акторов. В-пятых, откроет диалог о причинах, почему внешняя политика США встречает такое упорное сопротивление в мире, ибо причина эта не в ненависти по отношению к американским ценностям, вроде свободы, как сказал Джордж Буш в своей речи после 11 сентября, а в особенностях ее внешней политики⁹.

Вывод: термин «религия» получил свое современное значение в ходе создания мифа «о религиозном насилии», согласно которому всякое участие церкви в общественной жизни грозит обернуться вспышкой насилия, а потому должно быть ограничено светской властью. Автор показывает, что дихотомия секулярное-религиозное не имеет общего с реальностью, а миф был придуман для оправдания легитимности национальных государств. Избавление от мифа откроет новые возможности для мирного разрешения общественных конфликтов.

⁹ Там же, р. 227-228.

Критика

Исследование, проведенное Кавано, на первый взгляд кажется безупречным, однако ряд аспектов его работы вызывают сомнения.

1) Так, например, Ллойд замечает, что, несмотря на стремление быть объективным «археологом знания», бесстрастно описывающим генеалогию мифа о религиозном насилии, Кавано, концентрируясь на термине «религия», некритично принимает термин «насилие». Тем самым он отводит внимание от того, что этот термин также имеет свою историю, причем историю теологическую, восходящую к концепции «двух градусов» Августина¹⁰.

Во введении своей книги Кавано пишет, что использует термин насилие, в том же смысле, что и теоретики мифа о склонности религии к насилию, т.е. как несправедливый «физический вред вроде войны или терроризма»¹¹. В данной трактовке антиподом насилия будет мир. Тем не менее, существуют и другие интерпретации данного термина, в частности «насилие норм» Фуко. Отличие этих двух парадигм состоит в том, что первый, созданный Августином, предполагает источником насилия суверена или иного политического деятеля, который осуществляет его через прямые повеления или законы. Второй же видит источником насилия социальные нормы, чей авторитет закреплен сетью административных, научных и законодательных институтов, а нарушение этих норм предполагает наказание, которое может сделать невыносимой жизнь целых социальных категорий, например гомосексуалистов в викторианской Англии или предпринимателей в СССР. Развенчивая миф о секулярном национальном государстве как гаранте мирной жизни, Кавано имплицитно предлагает на место миротвор-

¹⁰ Lloyd, Vincent. *Violence: religious, theological, ontological.*(*The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict*)(Book review). *Theory, Culture & Society*, Sept, 2011, Vol.28(5), p. 151-152.

¹¹ Cavanaugh, William T. *The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict*. P. 6.

ца христианскую альтернативу: град божий взамен града земного. При этом из его внимания ускользает, что существуют и системные формы насилия, запечатленные в нормах и ежедневных практиках. Подобное невнимание к проблеме создает риск для его аргументации, ведь, как замечает Ллойд, вместо описательной беспристрастной генеалогии Фуко он использует эсхатологическую, т.е. изначально ангажированную генеалогию Августина, направленную на достижение мира и прекращения войн.

При анализе других произведений Кавано можно увидеть, что он действительно имеет свою теополитическую концепцию, однако эта концепция не так однозначна, как ее представляет Ллойд. Он утверждает, что, во-первых, церковь не должна отгораживаться от культуры, не должна держаться за нее, но должна активно проводить в общество свои экономико-политические представления. Во-вторых, церковь является не иерархией, а общиной, а потому действует не сверху, а снизу, т.е. стоит в стороне от игр крупных политических игроков, но участвует в повседневной жизни людей. В-третьих, целью этого участия не является защита своих прерогатив или каких-либо культурных особенностей, она должна быть мобильной, т.е. быть не столько институтом, сколько *событием*. Основной задачей церкви является «лечение ран» общества, т.е. преодоление вражды и поляризации в обществе, сплачивание людей. Точно «полевой госпиталь» (Кавано пользуется метафорой папы Франциска II) она должна создавать пространства для излечения, находящиеся вне существующих властных структур, в которых будут мирно соседствовать конкурирующие образы будущего. Наконец, в четвертых, церковь должна активно обличать ложь и насилие национальных государств. Примером такой деятельности можно назвать деятельность низовой католической церкви (не поддержанная официальными структурами) в Чили во времена диктатуры Пиночета, которая отлучала от причастия всех, кто был замешан в репрессиях или применении пыток. Кавано, который был непосредственным свидетелем этих событий и описал их в своей книге «*Torture and the Eucharist*», считает необходимым также осуждать применение

властями США «исключительных способов ведения допроса» против подозреваемых в терроризме¹².

Таким образом, Ллойд прав, что Кавано имплицитно подготавливает почву для принятия христианской политической альтернативы, однако это теополитическая программа направлена не на отвержение либерального государства, а на преодоление разногласий в повседневной жизни людей и на обличении преступлений, которое это государство может совершать.

2) Вызывает вопросы также решительное отрицание термина «религия», т.к. в академической среде сложились давние традиции его использования, указывающих на существование подобного автономного феномена, например, антропологический и теологический подходы. Попробуем привести их определения религии для разъяснения терминологического спора.

Представители первого подхода, считают, что религия это: 1) «...единая система верований и действий, относящихся к священным, т. е. к отделенным, запрещенным, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен» (Дюркгейм);¹³ 2) «<...> совокупность самостоятельных актов, цель которых достигается самим их свершением», которые <...> обосновывают, закрепляют и развивают все полезные установки, такие, как почтение к традиции, гармония с окружающим миром, мужество и самообладание в борьбе с трудностями и перед лицом смерти» (Малиновский);¹⁴ 3) «система символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя

¹² *Liturgy as politics: an interview with William Cavanaugh.(Interview)//The Christian Century, Dec 13, 2005, Vol.122(25), p.28.*

¹³ Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии//Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. с. 153.*

¹⁴ Малиновский Б. *Магия, наука и религия. Пер. с англ. – М.: «Рефл-бук», 1998. С. 88, 90.*

представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям ореол действительности таким образом, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными» (Гиртц).¹⁵ Эти трактовки имеют множество отличительных нюансов и более поздние теоретики подвергают ранних суровой критике, однако их объединяет функциональное понимание религии как системы, которая легализует и закрепляет в обществе определенные модели мира и модели поведения. Кавано успешно использует эту традицию для подрыва дихотомии секулярное и религиозное, однако отрицает сам термин «религия», не предлагая никакой альтернативы для обозначения этого феномена легализации практик и верований.

Если в предыдущем подходе проблемы насилия и религии не пересекаются, то в теологическом на этом делается основной упор. Здесь принято разделять истинную и ложную религию, где последняя более склонна к насилию, потому что в ней вместо бога почитаются идола. В данном подходе можно выделить два течения, — один из них работает в рамках секулярно-религиозной оппозиции, а другой — вне ее. К первой можно отнести американского психолога Уильяма Джеймса, который понимает религиозную жизнь как <...> веру в существование невидимого порядка вещей и в то, что наше высшее благо состоит в гармоническом приспособлении к нему нашего существа». Однако подчеркивая, что «религиозные явления, как и многие другие, подчинены закону "золотой середины"», он выделяет отрицательные аспекты их проявлений в жизни в рамках парадигмы фанатизма, т.е. имплицитно разделяет секулярное и религиозное насилие. В частности он утверждает, что «горение духа принимает патологические формы, когда жизнь бедна содержанием и рассудок ограничен. Мы наблюдаем это во всех добродетелях святой жизни: набожность, чистота, милосердие, аскетизм — все они могут принять уродливые формы. <...> Набожность, если она

¹⁵ Гиртц К. *Религия как культурная система/Интерпретация культур / Пер. с англ.* — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 108.

ничем не уравновешена, переходит в фанатизм». [4, лекция XIV и XV]

Другая традиция полагает, что если вера ведет к подобным негативным последствиям, то она автоматически перестает быть истинной и становится ложной. Так, немецкий философ-романтик Шлейермахер определяет религию как созерцание особого религиозного чувства, т.е. целостное восприятие мира до его распада на понятийные схемы. Разжигателями войн являются создатели теоретических и практических систем, которые «отталкивают от себя все чуждое», тогда как религиозный человек терпим ко всем проявлениям бесконечного в конечном¹⁶. Истинная религия не способна к созданию систем, т.к. она воспринимает допонятийное знание, а все религиозные понятия являются лишь несовершенной рефлексией по поводу этого чувства. Схожие идеи выдвигает и один из современных рецензентов работы Кавано, Лиза Кахилл, которая утверждает, что причиной насилия является ложная религия, форма идолопоклонства которая наделяет абсолютной ценностью конечные и греховные сущности в виде символов своей группы или свою групповую идентичность.¹⁷

Любопытно, что в других работах Кавано смешивает оба подхода. В статье «Корни зла», посвященной Бостонскому теракту 2013 года, он пишет, что «функциональный подход не является чем-то экзотичным для христианства». Под этим подразумевается, что в Библии общим местом является наблюдение, что люди склонны посвящать свою жизнь самым разным вещам, т.е. различного рода кумирам. При этом под идолопоклонничеством понимается не столько ошибочная вера в неправильного бога, сколько посвящение своей жизни, времени и энергии конечным вещам (вроде национального флага, свободы, социалистической революции, доступа к нефти, символов своей религиозной об-

¹⁶ Шлейермахер Ф. *Речи о религии* М.: Алетейа, 1994. С. 91.

¹⁷ Cahill, L.S. *Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict* – By William T. Cavanaugh//*Modern Theology* 28 (3). С. 563.

щины) и готовность применять насилие и идти на самопожертвование для их защиты¹⁸.

По всей видимости, подобный синтез правомерен, ибо эти два подхода не противоречат друг другу: первый безоценочно описывает механизм авторизации норм и практик в общественных группах, второй воспринимает этот механизм как данность и дает оценку в каких случаях он используется правильно, а в каких нет. Однако следует отметить невнимательность Кавано в использовании терминологии: сперва он изобличает мифологический термин «религия», а затем неосознанно описывает явления, которые в антропологической традиции также принято называть «религией». Подобная путаница возникает из-за того, что Кавано обращался только к одной трактовке этого термина, которая изначально описывает ее в черных красках, но пропустил другие трактовки, нейтральную и положительную, при этом не раз открыто используя их в своей аргументации. Т.е. доказывая, что не существует разницы между секулярными и религиозными практиками, он с одной стороны пропускает, что в научной литературе религией принято называть сам механизм авторизации практик, а с другой стороны дает понять, что христианский общественный идеал лучше либерального государства, поклоняющегося идолам

3) Наконец, следует рассмотреть вопрос об оригинальности работы Кавано, а также ее влиянии. Историчность понятия религии обсуждалась в академических кругах и до него: сам автор ссылается на такие работы как «Genealogy of Religion» Асада, «Manufacturing Religion» МакКатчина, «The Invention of World Religions» Мазуцавы. По мнению Ллойда, новизна работы Кавано заключается в том, он сопоставил этот подход с негативными мифами о религии и показал ошибочность и опасность последних; таким образом, он запустил общественную дискуссию по этому вопросу. Не случайно Карен Армстронг, британский автор религиозоведческих бестселлеров, активно цитирует именно его исследование в своей нашумевшей книге «Поля крови». В ней она

¹⁸ *Cavanaugh, William T. The root of evil. (Does religion promote violence?)//America, July 29, 2013, Vol.209 (3), p. 12-13.*

не только продолжает аргументацию о несостоятельности и опасности данного мифа, но и отвечает на призыв Кавано изучать условия ожесточения любых учений и практик. Книга иллюстрируется большим количеством примеров того как одни и те же христианские, еврейские, исламские и т.д. мифы и символы в одних условиях трактуются для совершения насилия, а в других — для его преодоления.¹⁹

Вывод: Кавано можно раскритиковать за недостаточное раскрытие термина «насилие» и путаницу в трактовках термина «религия», что позволяет ему косвенно показывать преимущества своей оригинальной трактовки христианского участия в общественной жизни по сравнению с национальным государством модерна. В то же время нельзя не оценить его вклад по развенчанию черной легенды в отношении религии и начало общественной дискуссии по этому поводу.

Заключение

В данной статье была рассмотрена аргументация книги «Миф о религиозном насилии», ее значимость, а также аспекты, достойные критики. Автор убедительно доказывает, что легитимность современных либеральных государств основана на демонизации «Другого» в виде церковной власти. В основе этого образа лежит тезис о существовании такой общекультурной сущности как религия, которая изначально иррациональна и склонна к насилию. Однако на самом деле невозможно провести убедительной дизъюнкции этих двух сфер, т.к. в их основе лежит один и тот же механизм авторизации практик и верований. Некритичное восприятие этого мифа происходит из-за того, что его убедительность поддерживается национальным государством, который на данный момент занимает в этой области монополию. Дальнейшее его использование только продолжит достойные осуждения способы оправдания насилия по отношению к группам, которые не считают обязательным проводить подобное различие. Исследователям следует лучше сконцентрироваться на изу-

¹⁹ Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 425.

чении обстоятельств, при которых любые доктрины и практики могут стать опасными.

Тем не менее, автор неаккуратно использует термин «религия», а также зависим от термина «насилие». Это в свою очередь косвенно приводит к представлению его собственной оригинальной теополитической теории в выгодном свете. Можно доброжелательно относиться к его идее о церкви как «полевого госпитале», которая участвует в низовой жизни людей и лечит раны общества, укрепляя солидарность и создавая зоны, свободные от соперничающих идеологий. Однако невнимательность в терминологии, с одной стороны оставляет неизученным целый пласт нормативного насилия, а с другой создает возможность для создания новых мифов уже против национальных государств.

Таким образом, следует отметить неоценимый вклад Кавано в дискуссию о справедливости применения насилия против религиозных групп под предлогом их мнимой иррациональности. Дальнейшее развенчание мифа о «религиозном насилии» поможет государственным властям прагматично воспринимать те или иные формы участия церковных организаций в общественной жизни. Однако чтобы достигнуть большей убедительности рассматриваемого тезиса, следует также провести исследование о насилии норм, а также более внимательно относиться к сложившимся академическим традициям использования термина «религия».

Список литературы

1. *Армстронг К.* Поля крови: Религия и история насилия М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
2. *Бовуар С. де.* Второй пол. Т. 1 и 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
3. *Дмитриев М.* Проблематика исследовательского проекта «*Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы*». // *Дмитриев М.В.* (ред.) Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. М: Индрик, 2008. — 304 с.

4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Пер. с англ. — М.: Наука. 1993. — 432 с.
5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии//Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. — М.: Канон+, 1998. — 432 с.
6. Гирц К. Религия как культурная система//Интерпретация культур / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 560 с.
7. Малиновский Б. Магия, наука и религия. Пер. с англ. — М.: «Рефл-бук», 1998. — 304 с.
8. Шлейермахер Ф. Речи о религии М.: Алетея, 1994 — 339 с.
9. *Cavanaugh, William T.* Healing from the ground up: the church as field hospital//The Christian Century, March 16, 2016, Vol.133(6), p.32(2)
10. *Cavanaugh, William T.* Making enemies: The imagination of torture-in Chile and the United States//Theology Today, October 2006, Vol.63(3), pp.307-323
11. *Cavanaugh, William T.* The invention of fanaticism.//Modern Theology 27:2 April, 2011. p. 226-237.
12. *Cavanaugh, William T.* The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict. Oxford: Oxford University Press, 2009.
13. *Cavanaugh, William T.* The root of evil. (Does religion promote violence?)//America, July 29, 2013, Vol.209 (3), p.11(4).
14. *Cavanaugh, William T.* Religious Violence as Folklore Religion and Society, 2011, Vol.2, p.122-127.
15. Liturgy as politics: an interview with *William Cavanaugh*.(Interview)//The Christian Century, Dec 13, 2005, Vol.122(25), p.28(5)
16. *Lloyd, Vincent.* Violence: religious, theological, ontological.(The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict)(Book review). Theory, Culture & Society, Sept, 2011, Vol.28(5), p.144-154.

17. Cahill, L.S. Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict — By William T. Cavanaugh//Modern Theology 28 (3):561-563 (2012)

Аннотация: Предметом изучения данной статьи, созданной по итогам работы научно-учебной группы по изучению философии войны, являются работы американского теолога Уильяма Кавано, посвященные разоблачению мифа о «религиозном насилии», который используется национальными секулярными государствами для оправдания права насильственно исключать религию из общественной жизни. В ходе исследования были проанализированы теополитические предпосылки автора, особенности его аргументации, а также была произведена критика некоторых аспектов его теории, которые могут стать основой для создания обратных мифов против национального государства.

Михеев Владимир Юрьевич, студент 4 курса школы философии, факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Современные войны: между прошлым и будущим

Кочеров С.Н.

Роль идеологии в современной войне

The article discusses the importance of the ideological factor in national policies and military doctrines of States. The conclusion is that the ideological basis of foreign and military policy of Russia is still only at the stage of formation.

Ключевые слова: Холодная война, идеологическое противостояние, универсальные ценности.

Keywords: the Cold War, ideological confrontation, the universal values.

Формальное, как это стало ясно теперь, завершение Холодной войны в конце XX в. не привело к деидеологизации военных конфликтов в мире. На смену конфронтации либерализма и коммунизма пришло противоборство глобализации как вестернизации и регионализации по этнокультурному и религиозному признаку. На дихотомию «богатый Север» — «бедный Юг» наложилась антитеза «демократический Запад» — «авторитарный Восток». От периферийных войн прошлого, в которых две сверхдержавы стремились расширить и повысить свое влияние, мир перешел к «цветным революциям», операциям по «принуждению к миру» и «гуманитарным интервенциям». Эти новые виды боестолкновений, как правило, иницируются и поддерживаются США и государствами Запада (Великобритания, Германия, Франция).

При этом не следует ожидать от Запада, по крайней мере, на данном этапе, компромисса в сфере идеологии. Как писал А.А. Зиновьев в начале 1990-х гг., когда еще была по-

пулярна тема деидеологизации, «идея конца идеологий сама есть идея чисто идеологическая, есть идея западной идеологии, которая в полном соответствии с общими законами идеологии лишь себя считает истиной, а другие формы идеологии — ложью и даже преступлением»¹. Известно, что одним из самых эффективных способов одержать победу над противником является призыв его к отказу от использования того оружия, которое сам держишь наготове. Западные страны часто применяли этот прием в отношении России, когда убеждали себя в том, что больше не нуждаются в ее поддержке. Поэтому нельзя относиться без иронии к последним заявлениям англо-саксонских и франко-германских политиков о том, что Россия ведет против их стран «гибридную» идеологическую и пропагандистскую войну, добиваясь, как минимум, дискредитации электоральной системы, как максимум, избрания на выборах в этих странах угодных ей президентов и премьер-министров.

Эти обвинения напоминают инвективы западных политиков периода Холодной войны, когда правящий класс западных стран, в частности американский истеблишмент, был убежден в том, что «конфронтация неизбежна, поскольку советская идеология предусматривает подрыв и уничтожение противоположной системы...»². Характерно, что только в 1990-е гг. ведущие западные историки в анализе причин Холодной войны стали отходить от возложения всей вины на И.В. Сталина и СССР (как ныне на В.В. Путина и Россию) и усматривать ее истоки в идеологическом противостоянии двух систем ценностей и геополитической конкуренции сверхдержав. Так, скандинавский историк О. А. Вестад утверждает, что «Холодная война была столкновением идей и культур настолько же, насколько была военным и стратегическим конфликтом»³. А согласно американскому фило-

¹ Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. С. 274.

² Филитов А.М. Холодная война: историографические дискуссии на Западе. М.: Наука, 1991. С. 69.

³ Westad O.A. The Cold War and the international history of the twentieth century // The Cambridge History of the Cold War. Ed by Westad O.A., Leffler M.P. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1. P. 13.

софу и историку Дж. Л. Гэддису, Холодная война была не просто противостоянием двух сверхдержав (как в древности Рима и Карфагена), а конкуренцией в ответе на вопрос: «Как лучше организовать человеческое общество?»⁴. Это значит, что линия противостояния проходила по различному пониманию таких базовых ценностей, как свобода, справедливость, солидарность, человечность и др.

Современное обострение отношений между Западом и Россией, что дает основание говорить о начале третьего этапа Холодной войны (после 1917-1941 и 1945-1989 гг.) повышает требования к идеологическому обеспечению, которое представляет каждую из конфликтующих сторон в глазах мирового сообщества в выгодном свете. Сравнительно недавно (июнь 2015 г.) председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал Мартин Демпси представил новую редакцию Национальной военной стратегии США (The National Military Strategy of the United States of America 2015). В этой стратегии заявлено о намерении «сотрудничать со всеми странами, передавая им наши ценности [выделено мной — С.К.]» и декларируется готовность «прилагать усилия по налаживанию содержательных военных отношений с Китаем, и ...сотрудничать с Россией в вопросах, представляющих взаимный интерес, одновременно призывая обе страны к мирному разрешению своих споров в соответствии с нормами международного права»⁵.

Известно, что конституция США, откуда генералы этой страны черпают свое понимание американских ценностей, которые они готовы транслировать по всему миру, во многом основана на философском учении Джона Локка. Американская идеология с ее защитой частной собственности и демократических свобод, трансформированная в политику распространения демократии по всему миру, соответствует основным идеям политической философии Локка с его обоснованием «права народа на восстание против тирании», ко-

⁴ Gaddis J.L. The Cold War. A New History. New York: The Penguin Press, 2005. С. 84.

⁵ Национальная военная стратегия США 2015. URL: <http://arsenal-otechestva.ru/article/619-usa-strategy-2015> [Дата обращения - 09.12.2016].

торое он развил в работе «Размышления о славной революции 1688 года». При этом часто остается в тени то, что при всем своем либерализме Локк обосновывал право на захват английскими колонистами земель американских индейцев и оправдывал обращение в рабство «пленных, захваченных в справедливой войне»⁶. На мой взгляд, это проливает свет на некоторые действия военных и спецслужб США, которые весьма сложно совместить с ценностями либерализма. Но, по крайней мере, это по-своему цельная идеология, которая имеет немало сторонников в мире, в том числе и за пределами США. А на какой философии основана идеология, лежащая в основе военной доктрины России?

На этот вопрос затруднительно дать ответ. Недавнее обращение к понятию «русский мир», которое ввели отечественные мыслители «серебряного века», в частности, Вяч. Иванов, казалось бы, указывает на философему, известную как «русская идея». Однако концепт «русского мира», как показала практика, оказался неэффективным даже в попытке объединить родственный нам народ Украины, где представители «русского мира» ведут гражданскую войну между собой. Возможно, дело в том, что сама эта идея, заимствованная из русской философии, будучи перенесена в политические реалии нашего времени, изначально преподносилась неверно, поскольку Россия духовная подменялась в ней Россией этнической, и «русскость» определялась по принципу «единства земли и крови», а не по общности ценностей жизни и исторической памяти. Для того чтобы люди чувствовали и признавали свою принадлежность к великой общности необходимы, но недостаточны связь со своей землей, общий язык и культурные нормы, а также традиционные верования. Жизненно нужно еще общее понимание той *идеи*, которая задает общую цель и через нее определяет общий проект развития.

Признание реальности Русского мира предполагает целостное представление о целях, смыслах и ценностях его

⁶ Quiggin J. John Locke Against Freedom. URL: <https://www.jacobinmag.com/2015/06/locke-treatise-slavery-private-property> [Дата обращения - 10.12.2016].

бытия, которые проецируются не только в прошлое, но и в будущее. Без таких целей, смыслов и ценностей, имманентно присущих великой идее, никакие локальные достижения, включая успешные военные операции, не смогут надолго сплотить представителей даже одного народа в единую социокультурную общность. Неслучайно русский философ В.С. Соловьев после победоносной для России войны с Турцией 1877-1878 гг. полемизировал с патриотами, предвкушавшими скорое освобождение Константинополя. «Но самое важное, — утверждал он, — было бы знать, с чем, во имя чего можем мы вступить в Константинополь? Что можем мы принести туда, кроме языческой идеи абсолютного государства, принципов цезарепапизма, заимствованных нами у греков и уже погубивших Византию?»⁷. В случае с понятием «русский мир» никаких универсальных ценностей предложено не было. Не потому ли данный концепт вызвал настороженное отношение в союзных нам Белоруссии и Казахстане и к настоящему времени практически исчез из лексикона российского политического сообщества, обнажив «нищету» официальной идеологии?! Безусловно, современная Россия, оказавшаяся не по своей воле в очередном противостоянии с Западом, нуждается в осознании своей культурно-идеологической идентичности. Это необходимо как для сплочения российского общества в решении сложных внутренних проблем, так и для укрепления союзов с государствами, которых объединяет с Россией неприятие однополярного устройства мира. Но для этого нужна общая с ними идеология.

От политического руководства России, политологов и политических публицистов часто можно слышать, что наша страна вынуждена защищать свои национальные интересы. С этим невозможно спорить, но защита национальных интересов может быть идеей, скорее, «для внутреннего пользования». Как справедливо отмечал российский философ В.М. Межуев, «одно дело защищать свой национальный интерес, другое — иметь идею, обращенную к мировому сообществу».

⁷ Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 226.

...Интерес — это то, что мы желаем для себя, идея — то, что полагаем важным, существенным для всех»⁸. Национальная идея может проявлять себя в военно-политической доктрине, выступая, например, в виде обоснования сохранения национально-государственного единства или защиты дружественных стран и народов. Но «национальные интересы» являются лишь прагматической интерпретацией заложенных в ней интенций. Идеология страны, претендующей на роль одной из мировых держав, должна быть не чем иным как выражением цивилизационных интересов в форме общечеловеческих ценностей.

Такая идеология есть у США, пропагандирующих универсальный характер либерально-демократических ценностей. Безусловно, можно привести немало примеров того, как власти западных стран издают законы или совершают действия, вступающие в противоречие с этими ценностями даже в их собственных странах. Например, британские власти, никогда не упускающие случая обвинить Россию в нарушении прав человека, вынуждены были признать, что нормы их закона «О борьбе с терроризмом, преступностью и безопасности» от 14.12.2001 нарушают положения «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 года. В таких экстраординарных случаях, как в борьбе с терроризмом, либеральные ценности и демократические свободы отходят на задний план, уступая место соображениям национальной безопасности, и вспоминается заявление Г. Дж. Пальмерстона: «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг»⁹. Но, признавая многочисленные нарушения идеологических принципов ради национальных интересов — правильно или ложно понятых, было бы неверно преуменьшать значение ценностей в политике.

Именно наличие или отсутствие общих ценностей, как показывает исторический опыт международного сотрудни-

⁸ Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С.5.

⁹ Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182.

чества, часто определяет долговечность экономических, политических или культурных объединений в современном мире. Так, отказывая современному российскому государству в праве называться демократическим, страны Запада не признают Россию своей союзницей даже в борьбе с таким мировым злом, как международный терроризм. Неслучайно на предложение российского президента создать общий фронт против международного терроризма, как в свое время Советский Союз создал с англо-саксонскими странами общий фронт против Гитлера, западные лидеры ответили, что и сейчас, и тогда их страны боролись вместе с Россией против общего врага, но во имя разных ценностей. Если правящая элита нашей страны желает конкурировать с Западом в идеологическом отношении, то она должна предложить миру альтернативное понимание базовых ценностей, которое имело бы не менее универсальный характер, чем понимание этих ценностей Западом.

Какую идеологию, какие ценности могут предложить российские власти в качестве обоснования проводимой ими политики? Нельзя не признать, что в постсоветский период российское государство достаточно противоречиво позиционировало свою идентичность. Оно то заявляло претензии на лидерство среди стран СНГ, то пыталось построить «энергетическую империю», то вспоминало о своем евразийском наследстве, то искало национальную идею, принимая за нее порой разные утопические проекты, наподобие победы на домашнем чемпионате мира по футболу. Это лишний раз убеждает в том, что миссия страны, т.е. государства и общества, не может быть сконструирована политтехнологами под конъюнктурные нужды преходящего момента международной или внутренней жизни. Так, в свое время противник Советской власти Борис Савенков, объясняя причины поражения «белого движения» и победу большевиков, писал: «Армии Колчака и Деникина не дали результатов потому, что "доблестные" генералы не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идее нужно противопоставить тоже идею, и идею, не вычитанную из книг и не возвращенную на традициях Карамзина, а живую, жизненную, понятную каж-

дому безграмотному солдату и близкую его сердцу»¹⁰. Идеология должна произрастать из истории и культуры общества, образа жизни и менталитета народа, во многих сменяющих друг друга поколениях, вобрать в себя дыхание природной почвы и социальной судьбы.

Если современная Россия испытывает трудности в понимании тех ценностей, целей и смыслов, которые обеспечивают ее внутреннее единство, тем более неясно, какая идеология может укрепить ее союз с теми странами, которые не готовы принять систему ценностей, предлагаемую цивилизацией Запада. На какой идеологической основе возможен, например, потенциальный военно-политический союз России и Китая, или альянс России с мусульманскими или латиноамериканскими странами, не принимающими глобализацию по правилам, которые стремятся утвердить в мире США и их союзники? В XX веке СССР имел идеологию, которая долгое время практически на равных противостояла идеологии Запада, находя себе множество сторонников не только в странах «третьего мира», но даже в западном обществе. Объясняя успех этой идеологии, А.А. Зиновьев отмечал, что она «имела концепцию будущего идеального общественного устройства. ...Страна жила с сознанием великой исторической миссии, что оправдывало все трудности и несчастья, обрушивавшиеся на нее. ... Тесно связанной с идеей будущего земного рая была идея внешнего эпохального врага»¹¹. Сегодня россиян объединяет, пожалуй, только идея внешнего врага.

Нельзя сказать, что современные российские власти не предпринимают попыток предложить новую идеологию, адекватную вызовам современности. Так, некоторые контуры желанного будущего мироустройства были обозначены в речи президента Российской Федерации В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, произнесенной 28 сентября 2015 года. В ней глава российского государства сказал, что «в противоположность полити-

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 18-19.

¹¹ Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. М.: Центрполиграф, 2001. С. 47.

ке эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли». В качестве ответа на «вызов планетарного масштаба» российский лидер заявил «о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволяют восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой»¹². Эти идеи помогают лучше понять, в чем руководство России видит миссию своей страны в глобальном мире в настоящее время и в ближайшем будущем. Но, при всех критических нотах в отношении стран Запада и, прежде всего, США, что явно прозвучало в выступлении российского президента, он явным образом не поставил под сомнение сами либеральные и демократические ценности, которые являются идеологическим обоснованием современной геополитики США и Евросоюза. То есть оправданием политики, о которой американский политолог С. Хантингтон писал, что «вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире»¹³.

Сегодня России необходима идеология, провозглашающая необходимость безопасного, справедливого и гармоничного миропорядка и представляющая миссию нашей страны как содействие созданию новой архитектуры международных отношений. Такая миссия, на мой взгляд, созвучна интенциям сознания российского народа, история которого показывает, что сильное государство для него необходимо, но оно должно иметь высшее оправдание — не в *силе* своего могущества, а в *правде* своего назначения. В этой связи можно привести замечание

¹² Выступление В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> [Дата обращения - 10.12.2016].

¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 514.

философа А.С. Панарина, что само по себе национальное государство с точки зрения русских не многое стоило, потому что «как только государство оказывалось отлученным от большой миротворительной идеи — православной, затем — коммунистической, его становилось некому защищать»¹⁴. Не потому ли в 1917-м и в 1991-м гг. народ в массе своей безмолвствовал на похоронах своего государства, что уже не считал это государство своим?

Какие же ценности может предложить Россия тем народам, которые, как и она, не готовы принять систему ценностей, предлагаемую цивилизацией Запада, но, в отличие от нее, видят свою идентичность, например, в следовании конфуцианской этике или заповедям Корана? Философский анализ российской истории и культуры позволяет сделать вывод, что ряд идей проявляются в российской ментальности не автономно, а в тесной связи с другими идеями, сравнимыми с ней по степени общности. Такими идеями, на мой взгляд, являются идея *правды* как смысложизненной истины, идея *соборности* как братства людей и идея *спасения* от общей угрозы. Каждая из идей в этой триаде, получая идеологическое обоснование от предыдущей, дает психологическое обоснование ей самой. Ибо главным признаком «всеобщей правды», по сути, является то, что она не может быть навязана силой, но должна быть принята по общему согласию и во взаимной любви, т.е. соборно. А «всеобщее братство», исключаящее всякое принуждение, становится возможным лишь тогда, когда возникает необходимость во «всеобщем спасении». В переводе с языка историософии на язык политики это означает, что миссия России в глобальном мире состоит в содействии такому мироустройству, которое станет более справедливым, солидарным и безопасным, чем современное. И выработка такой «миротворительной» идеологии, которая бы преумножала «мягкую силу» Рос-

¹⁴ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003. С. 444.

сии в мире, является не менее важной задачей, чем поддержание в боевой готовности ее «жесткой силы».

Список литературы

1. *Виноградов В.Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182-209.
2. Выступление В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной ассамблее ООН.
URL: www.kremlin.ru/events/president/news/50385
[Дата обращения – 10.12.2016].
3. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. 205 с.
4. *Зиновьев А.А.* Запад. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. 512 с.
5. *Зиновьев А.А.* Гибель русского коммунизма. М.: Центрполиграф, 2001. 431 с.
6. *Межуев В.М.* О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 3-14.
7. Национальная военная стратегия США 2015. URL: <http://arsenal-otechestva.ru/article/619-usa-strategy-2015> [Дата обращения – 09.12.2016].
8. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
9. *Соловьев В.С.* Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219-246.
10. *Филитов А.М.* Холодная война: историографические дискуссии на Западе. М.: Наука, 1991. 200 с.
11. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
12. *Gaddis J.L.* The Cold War. A New History. New York: The Penguin Press, 2005.
13. *Quiggin J.* John Locke Against Freedom. URL: <https://www.jacobinmag.com/2015/06/locke-treatise-slavery-private-property> [Дата обращения: 10.12.2016].
14. *Westad O.A.* The Cold War and the international history of the twentieth century // The Cambridge History of the Cold War. Ed by Westad O.A., Leffler M.P. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1.

Аннотация: В статье рассматривается значение идеологического фактора в национальных стратегиях и военных доктринах государств. Делается вывод о том, что идеологическая основа внешней и военной политики России находится пока только на этапе становления.

Кочеров Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор департамента социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород.

Мельник А.Г.
Репрезентация политических конфликтов
начала XXI в. на телевидении
(на примере сериала «Homeland»)

The relevance of this work is confirmed by the number of studies on world processes, political conflicts and international security. The political events of the beginning of the 21st century change the structure of world politics in a key way. The essence of the conflicts is changing, they come to a new level, which relates to a new type of policy in the global world. They cease to be territorial, and the different world views of countries on these conflicts make them increasingly non-localized. The project of the television series Homeland, the first season of which was released in 2011, was awarded the Emmy Award for the best drama series a year later. Today, when the format of the series emerged from the niche of entertaining genres, becoming a phenomenon of mass culture, the theme chosen by us is especially relevant. Thanks to this research, theoretical approaches concerning the types of change of political conflicts in a globalized world are first applied to the study of the genre of the series.

Ключевые слова: глобализация, космополитизм, фундаментализм, исламофобия, политический конфликт, телесериал, борьба.
Keywords: globalization, cosmopolitanism, fundamentalism, Islamophobia, political conflict, television series, struggle.

Мир, в котором мы живем сегодня, не совсем соответствует предсказаниям Маркса, который утверждал, что дальнейшее развитие науки и технологий сделает мир более стабильным и упорядоченным. С такой точкой зрения на мировое будущее соглашались даже такие идейные противники Маркса, как Джордж Оруэлл и Макс Вебер.

Однако сегодняшний мир не только не стал более «управляемым», как считал Вебер, более того, воздействие многих факторов, изначально призванных сделать современный мир более предсказуемым, а нашу жизнь более

определенной, как, например, научно-технический прогресс, не редко приводит к противоположному результату.

Один из крупнейших социологов современности Энтони Гидденс в одной из книг пишет: «Мир вовсе вышел из-под контроля — мир ускользает из рук»¹, в дополнение к чему приводит пример глобального климатического изменения, причиной которого стало человеческое вмешательство в окружающую среду, подкрепленное современными технологиями. И, как бы это ни было парадоксально, в борьбе с подобными рода опасностями нам не обойтись без все тех же технологий, которые меняются под влиянием глобализации — процесса изменения системы мирового хозяйства со всеми его аспектами.

Глобализация весьма основательно перестраивает наш образ жизни, влияя на повседневную жизнь не меньше, чем на события мирового масштаба. Меняется характер семьи, брака и многих других социальных институтов. Традиции рушатся, поражая фундаменталистов. А конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью становится главным противостоянием XXI века.

Глобализующийся мир — это мир виртуализующийся, и информация в нем постоянно «путешествует» по земному шару, переходя от нас к людям, которые не всегда живут и мыслят так же, как мы, порождая культурное многообразие. И если представители космополитизма приветствуют данное явление, то фундаменталисты не воспринимают его и считают тревожным и даже опасным феноменом.

Желание обрести мировую терпимость в отношении культурного разнообразия, тесно связанного с демократией, которая в свою очередь порождается глобализацией, — основание надеяться на победу космополитической точки зрения.

Смысл самого понятия «глобализация» не до конца ясен, учитывая столь внезапное его появление и не менее внезапную популярность, тем более, что разные эксперты высказывают крайне неоднозначные точки о его значении. Но одно

¹ Гидденс, Энтони. Ускользающий мир : Как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.Л. Коробочкина М.: Весь мир, 2004, с. 18

можно сказать точно, глобализация — это не один процесс, а целая система взаимосвязанных процессов, в данной работе мы остановимся на одном из них — процессе глобализации политических конфликтов.

Понятие «конфликт» является сегодня едва ли не самым распространенным как в публицистической, так и в строго научной литературе. Российские и зарубежных исследователей строили разные концепции определения термина «конфликт», порой даже противоречащие друг другу. Но все они схожи в одном: конфликт — это «явно выраженное состояние борьбы между противостоящими группами, борьбы, понимаемой в широком смысле слова, где участники оспаривают свои претензии на те или иные общественные ресурсы — власть, богатство, статус, ценности и т. п.»².

Истоки специфики политического конфликта приводят нас к определению конфликта социального, так как при всех отличительных чертах политического конфликта, его носителями все же являются субъекты социального мира. Существование и взаимодействие таких социальных групп — фундаментальная основа общественной жизни, абстрагироваться от которой невозможно. В этом смысле политический конфликт не существует сам по себе, он вписан в более широкое понятие — понятие конфликта социального. Но если социальный конфликт представлен многообразием концепций и богат определениями, то определение конфликта политического возникает развивается в рамках политической сферы, а потому его определение более четко и конкретно.

Определение политического конфликта в том или ином контексте будет толковаться, как борьба субъектов политики за власть с целью либо трансформировать, либо сохранить существующий социальный порядок. Эта борьба может быть как теоретической, так и практической. А главное ее условие — обладание политическим капиталом, например, финансами или репрессивным аппаратом.

² Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010

И все же существуют различные парадигмы анализа политических конфликтов, из чего следует, что политические конфликты — это целая система, каждая часть которой имеет свои основания, типологию и динамику.

В социальной и политической структурах общества конфликты характеризуются уровнем, масштабами, остротой, сферой возникновения и рядом других параметров. В политологическом аспекте наиболее значимые конфликты те, что одновременно охватывают все уровни социальной и политической структуры, затрагивают и вовлекают максимальное число участников. Такие социально-политические конфликты относят к числу всеобщих³.

В целом, политическим конфликтам, в отличие от социальных, присущи следующие особенности⁴:

- публичность
- всеобщая значимость
- обусловленность властью
- идеологический характер
- институциональная организованность
- «символическая» идентификация
- конфликт взаимных намерений сторон
- наличие легитимных лидеров
- национальные и социокультурные особенности
- возможность трагических последствий

Международные отношения, в том числе и политические конфликты, можно назвать самым наглядным примером влияния глобализации, которая помимо положительных последствий, описанных в предыдущем параграфе, имеет также и последствия негативные. Такие изменения можно наблюдать на примере большого разрыва между экономическим развитием высокоразвитых стран и стран Азии и Африки, что отражается на уровне жизни и здоровья населения

³ Горшкова В.В. Мир конфликта: субъект и реальность. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014

⁴ Томин Л.В. Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ: монография. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП, 2014

этих государств и приводит к разрастанию конфликтов на этнической и религиозной почвах, которые порой доходят до войн.

Другим последствием глобализации стало появление и развитие общественных групп в различных регионах мира, отвергающих западные ценности и образ жизни. Особенно это явление усиливается в государствах с авторитарными режимами. Таким образом, процессы глобализации, с одной стороны, позитивно воздействуют на развитие мира, как это было описано в первой главе, а с другой, в целом ряде стран они порождают серьезные проблемы, с которыми эти государства не в силах справиться.

В. А. Иноземцев, обсуждая концепции будущего мирового порядка, считает самой перспективной концепцию, «основанную на идее коллективного управления»⁵, реализуемую группой ведущих демократических государств. Но необходимо при этом учитывать тот факт, что глобализация — объективный процесс и его не возможно полностью изменять или ликвидировать, его можно лишь корректировать и направлять.

Ввиду технологически непреодолимой на сегодняшний день экономической зависимости евро-атлантических стран от поставок углеводородных ресурсов из других государств, нарастающего «перегрева» международной валютной системы, расширения и индустриализации регионов Африки, Азии и Латинской Америки, возвращения России на международную политическую арену как одного из политических акторов и ряда других не менее важных глобальных тенденций, США и их союзники вынуждены разворачивать информационную, геоэкономическую и даже военную экспансию в ключевых регионах мира в целях сохранения существующего расклада сил.

Подобного рода методы активизируют идеологию стран второго эшелона, которая основана на защите национальных и духовных ценностей и интересов. Такая идеология зачастую неизбежно принимает экстремистские формы, реализу-

⁵ Иноземцев В. А., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005, с. 10

ясь в террористической деятельности. Так, например, один из идеологов «Аль-Каиды» Абу Хейт объясняет моральное право на убийство четырех миллионов граждан Америки, в том числе и детей, тем, что за последние пятьдесят лет экспансионистская политика США и Израиля привела к ровно такому же количеству жертв в мусульманском мире.

Как правило, причины экстремизма делятся на три типа⁶:

1. социально — экономические причины:

- снижение уровня жизни
- экономический кризис
- распространение оружия в связи с текущими боевыми действиями
- подрыв авторитета правителя
- самоутверждение нации (например, деятельность АСАЛА в Армении)
- распространение СМИ идей о неравенстве, побуждающих к насилию

2. политические:

- репрессии со стороны правящей элиты
- обострение внутривнутриполитических конфликтов
- столкновение интересов двух государств
- разжигание национальной розни отдельными людьми или группами
- недовольство деятельностью правительства иностранных государств
- поощрение терроризма на государственном уровне (Афганистан, Ливия, Иран, Ирак)

3. религиозные:

- религиозный фанатизм

Скандално знаменитые слова из фетвы Усама бен Ладена от 23 февраля 1998 года, в которой он заявляет, что «Все это происходит в то же самое время, когда различные нации атакуют мусульман с остервенением голодного, сражающего»

⁶ Терроризм: причины его возникновения и методы борьбы с ним [Электронный ресурс]. URL: <http://husain-off.ru/hd4n/terror/prichiny.html> (дата обращения: 28.04.2016)

ся за тарелку еды»⁷, олицетворяет экстремизм XXI века как преимущественно религиозный, в отличие от экстремизма второй половины XX века, который в свою очередь объяснялся скорее социально-экономическими и политическими причинами.

Американская политическая элита идентифицировала исламский фундаментализм в качестве своего основного геополитического конкурента еще после завершения холодной войны, когда СССР как великая политическая держава сошел с международной арены. Тогда же под предлогом террористической угрозы было легализовано право на одностороннее применение военной силы со стороны США по отношению к странам из списка «Ось зла», озвученном Джорджем Бушем в ежегодном обращении к конгрессу 29 января 2002 года.

Немецкий профессор Йохен Хериш, анализируя террористический акт 11 сентября 2001 года, обратил внимание на тот факт, что приверженцы идей Усамы бен Ладена не преследовали цель — донести свою позицию до западной аудитории⁸. Наоборот, фетвы лидера «Аль-Каиды» ориентированы на расширение социальной базы группировки и разъяснение еще не определившимся единоверцам суть и причины своей борьбы. Не разоблачить Запад и убедить его в неправомерности действий по отношению к Востоку и исламу в целом, а сделать столкновение цивилизаций еще более необратимым — вот главная задача террористов.

Террористические акты в США 11 сентября 2001 года открыли новую эру не только в сфере геополитики и международных конфликтов, но и в сфере их освещения в СМИ. Последующие за этим военные действия Америки в отношении Ирака и их освещение в СМИ дает возможность проанализировать роль медиа в политическом процессе. Происходит медиатизация политики — процесс, в котором СМИ, отражая события, оказывают влияние на их ход посредством влияния

⁷ Парфрей Адам. Аллах не любит Америку. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2003, с. 385

⁸ Хериш Й. Гротескная коммуникация после событий 11 сентября 2001 года // Goethe Merkur. Война и терроризм. 2003, с. 49

на общественное мнение и политику. Процесс медиатизации политических конфликтов особо актуален сегодня, в период политической нестабильности и конфликтных ситуации в различных регионах мира.

Газеты и журналы являются традиционной формой распространения массовой информации, продолжая играть ключевую роль в информировании граждан и формировании общественного мнения, однако в настоящее время наиболее важным источником национальных и международных новостей становятся аудиовизуальные СМИ⁹.

Формат телевизионного сериала представляет собой одно из явлений массовой культуры, возникшее в XX веке. Со времен появления, культурное значение сериала, учитывая его содержательные, временные и функциональные позиции, крайне возросло. Первоначальная значимость появления формата сериала в массовой культуре была обусловлена рядом причин: заполнение телевизионного время, в виду большого количественного разнообразия каналов; колоссальная социальная значимость, позволяя проводить определённые мировоззренческие ориентиры, тем самым воздействуя на сознание масс — телезрителей.

Но с приходом глобализации основные функции сериала изменились. И уже сегодня у сериала вовсе отсутствует функция заполнения телеэфира, а большинство телесериалов выходят только в сети интернета.

Модели поведения и визуальные образы персонажей фразеологически переносятся зрителями в обыденную жизнь. С одной стороны телесериал — феномен массовой культуры, а с другой — инструмент воздействия на реальную жизнь. Ценностные ориентиры, транслируемые в сериалах, плавно перетекают в нашу обыденность. В этом контексте сериал приобретает некоторые функции СМИ, а если брать во внимание теорию американского исследователя Г. Лассуэлла о четырех основных функциях средств массовой ин-

⁹ Роузмари, Брэди. Современные проблемы освещения внешнеполитических конфликтов (опыт американской журналистики). Санкт-Петербург : Роза мира, 2008

формации (сбор и распространение информации, отбор и комментирование информации, формирование общественного мнения, распространение культуры), то сериал можно назвать полноценным СМИ.

Телесериал — это одна из разновидностей художественных или документальных кинопроизведений. Само название «сериал» подразумевает формат данного рода кинопроизведений, которые состоят из определенного множества последовательных эпизодов — серий, собранных в сезоны.

С развитием жанра сериала, его стали все чаще использовать для трансляции на центральных и кабельных каналах с закономерными интервалами и в определенное время, давая аудитории своего рода разрядку после тяжелого рабочего дня, либо «пищу» для размышления в дневное время, а кому-то и вовсе позволяя восполнить недостаток разнообразия в жизни. А такая особенность сериальной продукции, как интрига, позволила использовать этот формат программ в качестве средства привлечения и удержания аудитории на том или ином канале.

Представление о сериале как о жанре сложилось вместе с появлением западной телепродукции на российских телеэкранах во времена перестройки. Телесериалы североамериканского и латиноамериканского производства привнесли новый культурный опыт в отечественное телепроизводство.

Жанр телевизионного сериала, в отличие от узкоспециализированных телепрограмм, раскрывает целый ряд тем, волнующих зрителя: власть и деньги, победы и поражения, любовь и ненависть и, конечно, жизнь и смерть. Реалистичность сюжета, убедительность, а зачастую и неоднозначность характеров — все это обеспечивает жанру сериала колоссальную популярность.

Телесериал можно назвать своего рода курсом регулярных лекций о том, как следует себя вести в современном обществе. Каждая серия — демонстрация определенного набора жизненных ситуаций, а следовательно и моделей поведения героев в этих ситуациях, во время просмотра которых зритель находит наиболее близкого для себя персонажа, начи-

ная тем самым ассоциировать себя с ним и сопереживать ему, переживая таким образом все то, что происходит на экране.

В ходе этого процесса персонажи из раза в раз используют похожие приемы общения, идентифицирующие его как личность. То, что демонстрируют персонажи, воспринимается зрителем как норма социальной жизни. А разнообразие демонстрируемых жизненных кейсов, которые решают персонажи, наиболее полно передают зрителю социальную позицию героя.

Сериал — один из феноменов массовой культуры, а потому, так же как и другие ее аспекты, подчиняется принципам построения формульных жанров, которые в свою очередь стали основой массовой культуры, успешно уживаясь как в литературе, так и в кино и в телесериалах. Именно поэтому сериал не может не опираться на устойчивые сюжетные линии, вербальные и визуальные клише, вариаций стандартных ситуаций.

Телесериалы регламентируют и нормируют нашу жизнь, ориентируясь при этом на создание социальных норм и образцов поведения. Это своего рода обучающие правила жизни и культурным установкам материалы, находящиеся в открытом доступе. Телевизионные сериалы стали нормой повседневной жизни.

Таким образом, формат телесериала можно отнести к аудиовизуальным СМИ, описанным в параграфе выше. Сериальная продукция, не уступая классическим СМИ, является источником достаточно достоверной информации для аудитории XXI века, чей информационный голод становится все сложнее удовлетворить.

«Homeland» — американский сериал в жанре психологического триллера. Премьера первого сезона состоялась осенью 2011 года на кабельном телеканале «Showtime». Сериал был снят по мотивам израильского телесериала «Военнопленные» Гидеона Раффа. «Homeland» уже получил десятки наград, включая «Золотой глобус» за лучшие мужскую и женскую роль, а также лучшую драму.

Борьба — главный мотив сериала, который проявляется во всевозможных аспектах, основной из которых — борьба США с терроризмом.

Задачей для Кэрри Мэтисон — главной героини сериала, становится уничтожение лидера террористов Абу Назира, который вместе со всеми другими "плохими парнями" сериала является мусульманином. Этим выражается мотив физической борьбы с терроризмом.

Террористы держат в плену сержанта морского флота США Николаса Броуди в течение восьми лет. Через «флэшбэки» Броуди зрителю показаны эти террористы только в двух параметрах: мучающих американского сержанта и молящихся во время мессы. В таком изображении молитвы и насилия «Homeland» соединяет ислам и терроризм. Зритель может также обнаружить для себя и то, что превращение Броуди из морского пехотинца США в террориста сопровождается и его обращением к другой религии: от христианства к исламу. Таким образом, моральная борьба американцев с исламом становится еще одним мотивом.

Исламофобия изображена и более тонко. В начале второго сезона Кэрри и ее коллеги из ЦРУ наблюдают за 43 разными людьми, каким-либо образом связанными с Абу Назиром. Расставляя приоритеты слежения, они решают сосредоточиться только на темнокожих. Беренсон заявляет, говоря о поисках подозреваемого контакта Броуди с Аль-Каидой: «Мы выбираем наиболее вероятное. Сначала темнокожие» должны быть под наблюдением. Когда его белый коллега возражает, что это «расовый профайлинг», Беренсон отвечает, что это «реальный профайлинг. Большая часть агентов Аль-Каиды будут с Ближнего Востока или из Африки». Это при том, что главный агент Аль-каиды в сериале — белый морпех. Само собой, афроамериканец Эстес — почти заместитель Обмамы в сериале — не возражает еврею Беренсону. Он только говорит «Окей».

После событий, именуемых «9/11», крайне возросло количество фильмов американского производства, свя-

занных с событиями в Иране, Ираке и Саудовской Аравии. Именно этим событиям посвящен и сериал «Homeland», основные символические категории которого строятся как раз на отсылках к странам Востока, военным конфликтам на их территории, а также к восприятию ислама в глобальном мире.

Так, главным символом сериала «Homeland» становится команда ЦРУ, которая следит за Аль-Каидой из Лэнгли. Это три контрастных персонажа: американец африканского происхождения Дэвид Эстес, который является главой антитеррористического центра ЦРУ, американский израильтянин Сол Беренсон — глава ближневосточного отдела ЦРУ и американская христианка Керри Мэтисон, прикомандированная к антитеррористическому центру сотрудница ЦРУ. Такой расовый состав главных героев сериала — олицетворение антиисламского американского мультикультурализма.

Следующим по важности и частоте употребления символическим приемом становятся «флэшбэки» Броуди, которые сопровождают сериал на протяжении всех сезонов, напоминая зрителю об ужасах содержания и отношения к пленным в Ираке.

В сериале детально изображен и ислам. Религия изображается как удовлетворение для Броуди, вместе с чем подчеркивается предвзятый характер восприятия ислама американцами. Беспокойный и мечущийся Броуди находит успокоение и безмятежность в молитве. В то время, как его семья и коллеги явно не могут это принять. Когда жена Броуди узнает, что он принял ислам, она швыряет на пол его Коран в английском переводе, после чего в ужасе спрашивает, как он мог перейти в религию, верующие которой «побьют камнями на футбольном стадионе» его дочь, если узнают, что она занимается сексом со своим парнем.

Стоит также обратить внимание на символ «хиджаб» и изображение арабских женщин в целом. В первых минутах пилотного эпизода дается изображение главной героини Керри в хиджабе. Во втором сезоне мы видим

арабскую женщину, так же агента ЦРУ — «вторую жену» руководителя Хизбаллы. Кроме Кэрри, которая вербует и «спасает» угнетенную Хизбаллой женщину, в первом сезоне сериал знакомит зрителя с женой местного вашингтонского имама. Она также сотрудничает с Кэрри, но в данном случае из любви к мужу. Еще одна женщина в хиджабе, которая выглядит и ведет себя как не религиозная, образованная, с английским акцентом — секретная связная Броуди с Аль-Каидой, палестинка по имени Ройя Хаммад. Хаммад — видная журналистка, ее семья и семья Абу Назира «были близки с 1947 года и вместе стали беженцами из Палестины».

Заключение

Когда прежние формы геополитики устаревают, государствам необходимо пересмотреть свою идентичность в целом. «Холодная война» изменила привычную суть международных конфликтов, а после ее окончания, по мнению Гидденса, у большинства стран уже нет врагов¹⁰.

Сегодня государствам угрожают риски и опасности, а не враги, что коренным образом меняет и природу самих государств, и конфликтов — от прежних осталась лишь оболочка в олицетворении наших убеждений.

Зарождается нечто беспрецедентное — глобальное космополитическое общество, которое потрясает как основы нашего традиционного образа жизни, так и суть международных взаимоотношений, в частности политических конфликтов. На становление такого общества влияет множество факторов, а само оно носит противоречивый характер.

Чрезвычайна важна здесь роль медиа. Феномен медиатизации внешнеполитических конфликтов — процесс освещения событий в СМИ и воздействие этого медиаосвещения не только на целевые аудитории этих медиа, но и на политику в глобальном смысле.

¹⁰ Гидденс, Энтони. Ускользящий мир : Как глобализация меняет нашу жизнь. с. 35.

Список литературы

Источники

1. Каплан Э. Homeland. Игра Саула / Эндрю Каплан ; [пер. с англ. Н. Н. Абдуллина] М. : АСТ, 2014
2. Aucoin J. Homeland: Islamophobic Propaganda or Progressive Masterpiece? / [Электронный ресурс] // URL: <http://www.iop.harvard.edu/homeland-islamophobic-propaganda-or-progressive-masterpiece> (Дата обращения: 10.12.2015)
3. Official website of TV series Homeland / [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sho.com/sho/homeland/home> (Дата обращения: 10.12.2015)
4. Steiner T. Dealing with a Nation's Trauma: Allegories on 9/11 in Contemporary Serial US Television Drama Narratives and the case of 'Homeland' / URL: https://www.academia.edu/2272123/Dealing_with_a_Nations_Trauma_Allegories_on_9_11_in_Contemporary_Serial_US_Television_Drama_Narratives_and_the_case_of_Homeland (Дата обращения: 10.12.2015)

Литература

1. Бушев А.Б. Подходы к интерпретации политического информационного и публицистического дискурса. Тюмень: Вектор Бук, 2014.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.Л. Коробочкина М.: Весь мир, 2004.
3. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
4. Горшкова В.В. Мир конфликта: субъект и реальность. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014
5. Зверева В.В. «Настоящая жизнь» в телевизоре. Исследования современной медиакультуры. М.: Издательство РГГУ, 2012
6. Иноземцев В. А., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005

7. Куделев В.В. "Аль-Каида": структуры, союзники и покровители. Ин-т Ближ. Востока, 2008
8. Никовская Л.И. и др. Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. М.: РАПН; РОС-СПЭН, 2007
9. Парфрей А. Аллах не любит Америку. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2003
10. Попова Л.О. Феномен телевизионных сериалов в современной массовой культуре / URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-televizionnyh-serialov-v-sovremennoy-massovoy-kulture-1> (Дата обращения: 20.01.2016)
11. Райт Л. Аль-Каида. Пер. с англ. С. Голованова М.: Geleos Publ. House, 2010
12. Роузмари Б. Современные проблемы освещения внешнеполитических конфликтов (опыт американской журналистики). Санкт-Петербург : Роза мира, 2008
13. Терроризм: причины его возникновения и методы борьбы с ним / [Электронный ресурс] // URL: <http://husain-off.ru/hd4n/terror/prichiny.html> (Дата обращения: 28.04.2016)
14. Томин Л.В. Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ: монография. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП, 2014
15. Хериш Й. Гротескная коммуникация после событий 11 сентября 2001 года // Goethe Merkur. Война и терроризм. 2003.

Аннотация. Актуальность данной работы подтверждается рядом исследований, посвященных мировым процессам, политическим конфликтам и международной безопасности. Политические события начала XXI века ключевым образом меняют структуру мировой политики. Меняется суть и самих конфликтов, они выходят на новый уровень, что связано с новым типом политики в глобальном мире. Они перестают быть территориальными, а разное мировоззрение стран на эти конфликты делает их все более нелокализованными. Проект телесериала «Homeland», первый сезон которого вышел в 2011

году, уже спустя год был удостоен премии «Эмми» за лучший драматический сериал. Сегодня, когда формат сериала вышел из ниши развлекательных жанров, став феноменом массовой культуры, выбранная нами тема видится особенно актуальной. Благодаря данному исследованию теоретические подходы, касающиеся типов изменения политических конфликтов в глобализованном мире, впервые применяются к исследованию жанра сериала

Мельник Анна Геннадьевна, студентка 3 курса факультета коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Любимов С.Е.
Справедливость в гибридных войнах¹

This paper outlines the most essential aspects of hybrid wars as a new kind of warfare typical for the 21st century. This kind of war has not been analyzed properly. However, it can be even more dangerous type of conflict than world war because the enemies per se are hardly determined and consequences of a hybrid attack are unpredictable. This danger of hybrid war demonstrates the necessity to search limitations of war. Now the humanity has the international law as a system protecting peace and protecting human rights during the war. Moreover, there are threats that are not regulated by international law at all, such as terrorist and insurgent activities, or cyber-attacks, or hybrid war precisely. This gap means that normative limitations of war must be added in order to supplement international legal system. Therefore, we will raise a question in this paper if contemporary just war theory can assume this function. Despite this theory has some disadvantages and vulnerabilities it could provide ruling for hybrid warfare. Thus, we will consider contemporary just war theory and its principles and their possible application to hybrid war.

Ключевые слова: гибридные войны, современные войны, государство, теория справедливой войны, Россия

Keywords: hybrid wars, modern warfare, state, just war theory, Russia.

Война является одним из немногих феноменов, характерных абсолютно для всех человеческих культур. Более того, сложно назвать хотя бы ещё один компонент человеческой

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015-2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

культуры, который бы сопровождал человечество на протяжении всей его истории: от эпохи пещерных людей и первых цивилизаций Египта и Месопотамии до эпохи глобального мира, в которой мы сегодня живём. Тем не менее, нельзя сказать, что войны как культурно-исторический феномен оставались неизменными на протяжении всей истории человечества, ибо по мере общественного развития и совершенствования технологий менялся и облик войны. Так, с появлением пороха в Европе навсегда ушли в прошлое средневековые войны, основанные на использовании тяжёлой рыцарской конницы, неуязвимой для стрел и мечей.

С развитием промышленности и дипломатии войны постепенно носили локальный характер и постепенно становились общеевропейскими, а затем и вовсе глобальными. Первой такой войной стала Тридцатилетняя война, в которой погибла половина всего населения Европы (около 8 млн. человек), второй подобной войной были Наполеоновские войны, унёсшие жизни более 1,4 млрд. людей, а третьей — Первая мировая война, в которой по статистике погибло более 20 млн. человек)². Глядя на эту печальную статистику, невольно вспоминаются слова Альберта Эйнштейна «Я не знаю, чем будут воевать в третьей мировой войне, но в четвертой мировой люди будут воевать дубинками».

Конец XX — начало XXI века познакомили мир с ещё несколькими видами войн. Первой из таких войн стала Холодная война, которая стала возможна одновременно и благодаря развитию военных технологий и благодаря развитию международных отношений. Эта война хоть и не унесла столько жизней как Первая и Вторая мировые войны, поскольку не было в ней крупных сражений, подобных Верденской мясорубке или Сталинградской битве, однако, именно Холодная война стала единственным в человеческой истории прецедентом, когда под угрозой оказалась не судьба отдельных государств, а будущее всего человечества. Каждый день была вероятность того, что начнётся ядерная война, в которой не будет победителей и проигравших, а будут только жертвы. Эта ве-

² Арнтц Г. Людские потери во Второй мировой войне. В кн.: Итоги второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 593.

роятность достигла своей кульминации к 1962 году, когда в публицистике бытовал такой символ, как «часы судного дня», на которых часы показывали отметку без пяти минут полночь, а полночь означала конец человечества.

В последнее время в научной литературе активно исследуется феномен «гибридных» войн, которые характерны для сегодняшнего времени. Суть этого нового типа войн сводится к «согласованному применению политико-дипломатических, информационно-психологических, экономических и силовых инструментов для достижения стратегических целей»³. Во многом, этот новый тип войн является как бы развитием концепта Холодной войны, т.к. также не подразумевает активного применения военной силы. Однако, если Холодная война длилась перманентно на протяжении практически половины XX века, а воюющие стороны были чётко определены и действовали во многих случаях открыто, то гибридные войны происходят спонтанно и секретно, ибо носят диверсионный характер. Более того, если Холодная война не унесла подобно мировым войнам миллионы жизней, то гибридные войны, привели к значительным потерям среди населения государств. Таким образом, гибридные войны, совмещают в себе определённые характеристики Холодной войны и мировых войн, поскольку они проводятся тайно, но приводят к человеческим жертвам.

Войны нуждаются в регулировании и регламентировании. Однако, что способно урегулировать военные конфликты? Международное право, вероятно, показало свою несостоятельность в этом вопросе, поскольку практически ни один военный конфликт не был остановлен с помощью санкций, налагаемых нормами международного права за военную агрессию. Если международное право не справляется со своей задачей, то действие нормативных актов можно дополнить этическими нормами, которые можно транслировать на людей через социальные институты. Сегодня подобная проблема исследуется многими мыслителями, однако, наиболее значи-

³ Williamson Murray, Peter R. Mansoor. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press, 2012. P. 114.

мым здесь являются работы представителей современной теории справедливой войны, таких как, Ник Фоушин и Бруно Коппитерс. В данной работе мы попытаемся понять, насколько применимы разрабатываемые ими морально-этические ограничения войны к гибридным войнам и можно ли вообще сделать гибридные войны справедливыми.

1) Основные принципы теории справедливой войны
Ник Фоушин и Бруно Коппитерс отмечают, что в основе теории справедливой войны лежит её разделение на два основных раздела: *jus ad bellum* и *jus in bello*. Первый раздел составляют принципы справедливого вступления в войну, а второй — принципы морального ведения войны. Согласно авторам, «обычно насчитывают шесть принципов или критериев, связанных с *jus ad bellum*, а принципов *jus in bello* — только два»⁴. В рамках данной работы необходимо кратко описать эти шесть принципов, чтобы затем понять, как они могут быть применены в рамках гибридных войн.

Первым критерием *jus ad bellum* является принцип правого дела, который восходит ещё к учению Аврелия Августина. Разумеется, Ник Фоушин и Бруно Коппитерс не используют данный принцип в первоначальном виде, а модифицируют его. Так, согласно их позиции, под правым делом следует понимать, прежде всего, необходимость национальной самообороны, обороны союзного государства или защиты населения страны от агрессивных действий со стороны собственного правительства. Разумеется, все три случая правого дела, а в особенности последние два открыты для злоупотребления, потому что на практике отнюдь не всегда бывает возможным установить реальное положение дел из-за нехватки достоверной информации. Авторы современной теории справедливой войны отчасти понимают это и потому говорят, что принцип правого дела может рассматриваться только в качестве необходимого условия вступления в войну, но никак не в качестве условия достаточного⁵. Именно для того, чтобы исключить или, по крайней мере, минимизировать количество случаев

⁴ Коппитерс Б., Фоушин Н. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М: Гардарики, 2002. С. 16.

⁵ Там же, С. 35

злоупотребления принципом правого дела Ник Фоушин и Бруно Коппитерс дополняют его ещё тремя критериями *jus ad bellum*.

Вторым критерием *jus ad bellum* является принцип легитимности власти. Согласно этому принципу, решение о вступлении или начале военных действий могут принимать определённые лица, такие как, высшие государственные чиновники или определённого рода институты. Говоря о данном принципе, важно отметить, то таким правом не обладают частные организации, генералы и предприниматели⁶. Принцип легитимности власти лежит в основе системы международного права, а потому этот принцип практически никак не дополняет её. Тем не менее, нельзя сказать, что критерий легитимности власти не является актуальным, поскольку сегодня всё чаще наблюдаются случаи появления частных военных организаций, готовых вступить в любой военный конфликт на любой стороне за определённую плату. Если количество подобных организаций будет расти, то это определённо лишь принесёт больше хаоса в наш мир и вернёт его в XVI век, когда по всей Италии шли нескончаемые войны между наёмными армиями, возглавляемыми кондотьерами, которые зачастую сами и разжигали войны, ибо это было им выгодно.

Третьим критерием *jus ad bellum* является принцип добрых намерений. Это принцип говорит о том, что государство не должно вступать в войну преследуя утилитарные цели, а должно при вступлении в войну руководствоваться целью лишь прекратить эту войну. Принцип добрых намерений представляется ещё более открытым для злоупотребления, нежели принцип правого дела, поскольку невозможно хотя бы с определённой точностью заранее определить намерения того или иного государства при вступлении в войну.

Четвёртым критерием *jus ad bellum* является принцип вероятности успеха. Как следует из названия принципа, его суть сводится к тому, что следует вступать в войну, если есть высокая вероятность в этой войне победить. Вероятно, этот принцип также является недостаточно проработанным, поскольку

⁶ Там же,

ещё Карл фон Клаузевиц в своей знаменитой работе «О войне» говорил о том, что для войны всегда характерен своеобразный «туман», который связан с недостатком информации о своём противнике. Соответственно, в ситуации нехватки информации, усугубляющейся ещё и намеренной дезинформацией с обеих сторон, становится практически невозможно вычислить вероятность успеха.

Пятым критерием *jus ad bellum* является принцип соразмерности, говорящий о том, что «ожидаемая цена потерь при проведении военных действий не должна выходить за пределы получаемых выгод»⁷. Тут опять же стоит заметить, что при вступлении в войну практически невозможно оценить потенциальные потери и выгоды. История знает немало примеров, когда, казалось бы, заведомо выигрышные военные кампании оборачивались полной катастрофой. К числу таких военных кампаний можно отнести, например, войну во Вьетнаме, когда сверхдержава фактически так и не смогла одолеть полуаграрную страну.

Наконец, шестым критерием *jus ad bellum* является принцип крайнего средства. Согласно этому принципу, «прежде, чем вступать в войну необходимо убедиться в том, что все дальнейшие дипломатические усилия бессмысленны»⁸. Вероятно, этот принцип более действенный, чем многие другие критерии *jus ad bellum*. Он опирается на человеческую рациональность, а именно, на то убеждение людей, согласно которому, ведение войны дело крайне невыгодное и даже разорительное, а значит, вступать в войну стоит только в крайнем случае.

Первым критерием *jus in bello* является принцип соразмерности в соотношении потерь и выгод от совершения различных военных операций⁹. Этот принцип призывает к минимизации потерь с обеих сторон, если это возможно и всё равно ведёт к победе. Этот принцип, как можно заметить, не носит характер императива, а носит лишь рекомендательный характер, поскольку, главной целью в войне всё равно является

⁷ С. 36.

⁸ С. 37.

⁹ Там же.

победа. Вторым критерием *jus in bello* является принцип различия, призывающий к различению комбатантов и некомбатантов во время боя. Разумеется, в ситуации реальных военных действий подобное различие не всегда возможно, поскольку, война связана с постоянно меняющимися условиями борьбы, да и сам противник может маскироваться под некомбатантов, чтобы получить преимущество. Однако, если подобное различие всё же возможно, то данный принцип призывает к минимизировать потери среди мирного населения. В случае принципа различия мы вновь сталкиваемся с ситуацией совпадения нравственных и правовых норм, поскольку принцип ненасилия в отношении некомбатантов уже давно является нормой международного права.

Таким образом, основные принципы теории справедливой войны не лишены слабых мест и открыты для критики. Авторы теории справедливой войны полагали, что слабые места отдельных принципов будут компенсироваться другими принципам, а через структуру необходимых и достаточных условий вся система в целом будет работать. Кроме того, авторы явно надеются, что принципы справедливых войн будут работать, если их внедрять в сознание людей с помощью различных социальных институтов, таких как, школа, церковь, семья и т.д. Подобная трансляция весьма полезна для государств, поскольку в случае необходимости минимизирует военные потери среди мирного населения, а значит, сохранит множество потенциальных работников, которым придётся восстанавливать страну после войны. Подобная апелляция к разумному эгоизму людей представляется вполне логичной, но всё же недостаточной для работы всей системы принципов, поскольку их несоблюдение даёт настолько весомое преимущество в войне, что победа в ней становится практически гарантированной. Относительно же работы системы принципов справедливой войны через структуру необходимых и достаточных условий мы пока не будем выносить каких-либо суждений, а сразу перейдём к тому, как эта система реализуется в случае гибридных войн.

2) Применение принципов теории справедливой войны в случае гибридных войн.

Согласно Маргарет Бонд — автору работы «Hybrid war: a new paradigm for stability operation in failing states» США инициируют гибридные войны только в рамках стратегии общемировой борьбы с терроризмом (global war on terrorism strategy)¹⁰. Согласно этой доктрине, жертвами террористов, и их невольными пособниками, в первую очередь, являются «несостоявшиеся государства» («failing states»), которые в силу слабости легитимной власти становятся неспособными противодействовать терроризму и бороться с коррупцией на территории государства. Именно против такого рода государств и предполагается ведение гибридных войн, поскольку, согласно автору статьи, с помощью гибридных войн можно добиться реформирования политической системы «несостоявшихся государств» мирным путём, избегая революций и потерь среди мирного населения. Определять же «несостоявшиеся государства», стратегия общемировой борьбы с терроризмом предполагает через перечень научно выработанных критериев, к числу которых относится высокий уровень преступности, распад государственных структур и т.д.

Соответствует ли вышеописанная ситуация принципу правого дела? Для начала, в теории справедливой войны Ника Фоушина и Бруно Коппитерса ничего не говорится о противодействии терроризму в рамках принципа правого дела, что вновь указывает на недостаточную проработанность этой теории в данный момент, ибо она никак не учитывает такую острую проблему современности как терроризм. В некотором роде, описываемую выше ситуацию можно приравнять к тому случаю, когда государство вступает в войну, чтобы защитить население страны от агрессивных действий со стороны собственного правительства. Однако, здесь мы тоже наталкиваемся на весьма весомый «подводный камень», поскольку, концепт «несостоявшихся государств» подвергается критике, с той точки зрения, что он используется как предлог для внешней интервенции¹¹. Таким образом, принцип правого дела

¹⁰ Bond M. Hybrid war: a new paradigm for stability operation in failing states. Pennsylvania, 2007. P. 34.

¹¹ Коппитерс Б., Фоушин Н. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М: Гардарики, 2002 С. 38.

применительно к гибридным войнам либо не работает вовсе, поскольку противодействие терроризму не выделяется теоретиками справедливой войны в качестве правого дела, либо работает лишь частично, поскольку, концепт «несостоявшихся государств» может зачастую использоваться как предлог для внешней интервенции.

В отличие от принципа правого дела, принцип легитимности власти полностью соблюдается в рамках гибридной войны. Причина этого заключается в том, что принцип легитимности власти является не только моральной, но и правовой нормой, о чём уже говорилось ранее. Кроме того, уже по определению, гибридная война — это согласованное применение политико-дипломатических, информационно-психологических, экономических и силовых инструментов для достижения стратегических целей, а подобными ресурсами в современном мире обладают только главы суверенных государств. Таким образом, соблюдению принципа легитимности власти способствует как минимум необходимость, связанная с ограниченностью ресурсов и следование международному праву.

В предыдущем разделе мы отмечали, что принцип добрых намерений открыт для злоупотребления им, поскольку, невозможно проникнуть в сознание людей и увидеть их истинные намерения. Это делает весьма затруднительным контроль соблюдения этого принципа, и поэтому об этом можно судить только на основании опубликованных документов, касающихся проведения гибридных войн в различных странах. Стратегия общемировой борьбы с терроризмом говорит о том, что гибридная война инициируется исключительно для борьбы с терроризмом и преимущественно в «несостоявшихся государствах». Авторы теории справедливой войны не конкретизируют примеры добрых намерений, однако, говорят о невозможности ведения войн в утилитарных целях.

Разумеется, борьба с терроризмом утилитарной целью считаться не может, поскольку выгоду от этого получают все страны в равной степени. Однако, вне рамок общемировой стратегии по борьбе с терроризмом бывают и случаи гибридных войн в целях начала полномасштабной интервенции. Подобная ситуация также не представляется утилитарной целью,

поскольку выгодны от подобной войны весьма сомнительны из-за того, что гибридные войны предполагается вести преимущественно в «несостоявшихся государствах». Война дело дорогостоящее и затраты необходимо понести сразу, а вот прибыль от захвата «несостоявшегося государства» ещё нужно извлечь. Вероятно, использовать гибридные войны для нормальных государств неэффективно, поскольку, в них использование политико-дипломатических, информационно-психологических, экономических и силовых инструментов не принесёт ощутимого результата. Таким образом, принцип добрых намерений в рамках гибридных войн также соблюдается.

Концепт гибридных войн, изложенный в общемировой стратегии по борьбе с терроризмом, предполагает применение целого ряда аналитических предприятий применительно к потенциальному антагонисту перед началом войны. Разумеется, это не может гарантировать успех в гибридной войне, однако, вероятность успеха подобные аналитические предприятия всё же повышают, а в теории справедливой войны мы как раз и имеем дело с принципом вероятности успеха. В связи с этим, принцип вероятности успеха соблюдается также в полной мере. Иначе обстоит дело с принципом соразмерности, поскольку, выгоды от победы в гибридной войне, ведущейся против «несостоявшегося государства» крайне сомнительны, а затраты весьма ощутимы.

В отношении принципа крайнего средства сложно вынести какие-то определённые выводы, поскольку, причины гибридных войн могут быть разными. В случае ведения гибридных войн для борьбы с терроризмом, инициирование войны связано с самим фактом существования терроризма и невозможностью борьбы с ним иными средствами. Ведение же гибридных войн против государств, как уже говорилось ранее, бессмысленно, поскольку из подобных войн невозможно гарантированно извлечь выгоду. Таким образом, мы видим, что практически все принципы *ad bellum* соблюдаются в случае гибридных войн. Исключение составляют лишь принцип правого дела и принцип соразмерности.

Первым принципом *in bello* является принцип соразмерности в соотношении потерь и выгод от совершения различ-

ный военных операций. Действие данного принципа в рамках гибридных войн было подробно описано в случае принципов *ad bellum*. В качестве принципа *in bello* данный критерий также не соблюдается в силу сохранения исходных условий. Принцип различия также не соблюдается, поскольку, гибридные войны ведутся в отношении всех людей, проживающих на определённой территории, будь то комбатанты или нет, ведь гибридные войны эффективно применяются преимущественно для разрушения «несостоявшихся государств», становящихся опорными базами для террористов.

Заключение

В рамках данной работы мы рассмотрели основные принципы теории справедливой войны и их действие в рамках гибридных войн. Принцип *ad bellum* и *in bello* сами по себе имеют множество уязвимых для критики мест, что было продемонстрировано в первом разделе данного исследования. Однако, в рамках гибридных войн многие из этих принципов всё же работают. Исключение составляют принцип соразмерности, который присутствует как в принципах *ad bellum*, так и в принципах *in bello*, принцип правого дела, который, может применяться либо частично, либо не может применяться вовсе в рамках гибридных войн, а также принцип различия, поскольку, гибридные войны иницируются изначально против всех людей, проживающих на определённой территории.

Являются ли гибридные войны справедливыми? Вероятно, всё же нет, поскольку, теория справедливой войны устроена таким образом, что каждый её принцип является лишь необходимым, но недостаточным условием справедливой войны. В связи с этим, даже если один принцип *ad bellum* или *in bello* не соблюдается, война должна быть признана несправедливой, а в случае гибридных войн таких неработающих принципов четыре. Стоит заметить, что теория справедливой войны в целом также нуждается в доработке. Дело не только в том, что практически каждый её принцип открыт для манипуляции им в случае реальных военных действий, а ещё и в том, что некоторые принципы нуждаются в корректировке под сегодняшнее положение дел в мир. Так, принцип правого дела в современной теории справедливой войны не учитывает борьбу с

терроризмом в качестве правого дела, что делает этот принцип практически не работающим в случае гибридной войны.

Непонятен и будущий статус гибридных войн. В истории человечества было немало конфликтов, в которых применялись элементы гибридных войн, однако, не было в XXI веке конфликтов, которые были бы в полном смысле слова гибридными войнами. Если исходить из точки зрения, что войны являются неотделимыми спутниками человечества, и будут существовать, покуда существует человек, то, вероятно, гибридные войны — это лучший вариант для человечества, чем войны мировые, поскольку они носят локальный характер, не приносят такое количество жертв и не угрожают будущему всего человечества. Однако, не может ли гибридная война стать причиной мировой войны? Если подобный переход всё же возможен, то будущее человечества кажется довольно безрадостным. Возможность подобного перехода и делает столь необходимым наличие и развитие теории справедливой войны, ибо если войны не избежать, то лучше, чтобы она была справедливой.

Список литературы

1. *Арнтц Г.* Людские потери во Второй мировой войне. В кн.: Итоги второй мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
2. *Коппитерс Б., Фоушин Н.* Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М: Гардарики, 2002.
3. *Bond M.* Hybrid war: a new paradigm for stability operation in failing states. Pennsylvania, 2007. P. 34.
4. *Korybko A.* Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach To Regime Change. 2015.
5. *Williamson M., Mansoor P.R.* Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press, 2012.

Любимов Сергей Евгеньевич, аспирант школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», стажёр-исследователь Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ.

Куреньшев А.А.

Терроризм как форма регулирования политических отношений в России конец XIX-нач. XX вв.

The article is devoted to the influence of terror on the alignment of political forces in Russia in the late XIX- early XX centuries. Ключевые слова.

Keywords Terror, the political system of Russia regulation.

Многие революционеры, политики, а вслед за ними историки, обратили внимание на некоторые, мягко говоря, странности, сопровождавшие осуществление таких громких террористических актов, как убийство императора Александра II, взрыв на Фонтанке, унесший жизнь все- сильного министра внутренних дел В.К. Плеве, взрыв почти в Кремле, разорвавший в клочья Великого князя Сергея Александровича, гибель от руки агента полиции на глазах у сотен людей, включая монаршею чету главы правительства П.А. Столыпина и т.п. и т.д. Одним из первых обратил внимание на «чудеса», творимые Боевой организацией партии социалистов революционеров один из ее членов М.М. Мельников¹. В своих записках Мельников прозрачно намекает на прямую связь руководства БО, как к тому времени уже разоблаченного Е.Ф. Азефа, так и умершего к тому времени героем Г.И. Гершуни с полицией и, в частности, с С.В. Зубатовым. Большинство революционеров и историков, занимавшихся историей террора, проходили мимо записок Мельникова и игнорировали вопиющие странности, сопровождавшие многие громкие покушения на жизнь представителей власти. Пожалуй, один только Р.А. Городецкий использовал в своей монографии мемуары Мельникова, но и он не решился сделать карди-

¹ См. его воспоминания о Гершуни. ГА РФ Ф. 1699. Оп. 1. Д. 85.

Терроризм как форма регулирования политических отношений...

нальные выводы и обобщения². Ни А. Гейфман, ни Л. Прайсман³, посвятившие свои исследования этой же проблематике, не озадачились самыми важными в связи с террором вопросами. А к ним можно отнести следующие: зачем вообще была создана неонародническая партия, стремившаяся уподобиться знаменитой «Народной Воле»; кем и чем мотивировался выбор объектов терактов; в каком направлении развивалось сыскное дело в России, какое место в деятельности полицейских органов играла провокация. Исследователи словно забыли о существовании такого явления как «нечаевщина». Трактровка деятельности этого великого мистификатора от революции была, на наш взгляд, слишком поверхностной и не увязывалась с тенденциями развития теории и практики освободительного движения в России, с одной стороны и развития политического сыска, с другой⁴. В предисловии к книге Лурье можно прочесть такую характеристику С.Г. Нечаева. «Безусловно, молодой человек, проживший всего тридцать пять лет, из них почти десять проведенный в одиночке Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, — отрицательный герой. Но он — знаковая фигура российской истории. Его идеи оказали огромное влияние на умы революционно настроенной молодежи. Активно действуя за границей, связываясь с Бакуниным, Огаревым и получая материальные средства на революционную деятельность, он на какое-то время ввел в заблуждение относительно масштабов своей личности и размаха «освободительного» движения в России даже прозорливого Герцена. Общеизвестно, что материалы Нечаевской истории послужили Ф. М. Достоевскому основой для романа «Бесы», в котором гениальный писатель предупреждал об огромной опасности появления людей, подобных Сергею Нечаеву⁵. Но о

² См. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., РОСПЭН1998.239 с.

³ См. Гейфман А.В. Сети террора М., АИРО-XX 2002.253 с; Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., РОСПЭН. 2001.324 с.

⁴ См. Лурье Ф. М. Нечаев. М. ЖЗЛ. 2001.249 с.

⁵ Лурье Ф.М. Указ. Соч. С. 5.

том, что Нечаев был автором совершенно новой системы борьбы с правительством в книге не говорится, ни слова! Справедливости ради следует отметить, что у Ф.М. Лурье имеется еще одна книга, тематика которой напрямую связана с предметом настоящей статьи⁶. В книге, посвященной истории сыска в России, ее автор П.А. Кошель пишет: «Вторая половина XIX века — это начало терроризма в России. Членам нелегальной организации «Народная воля» удалось совершить несколько покушений. Правительство посчитало, что III Отделение не справляется со своими обязанностями, и в 1880 году его упразднили. Общее руководство жандармским корпусом возлагалось на министра внутренних дел. В системе министерства стал работать Департамент полиции, при котором был создан Особый отдел для борьбы с политическими преступлениями. Кроме того, с 1880 г. в Петербурге и Москве стали действовать отделения по охране порядка и общественной безопасности (охранные отделения). У них уже имелась специальная секретная агентура. В начале XX века сеть охранных отделений создаётся по стране.

С конца XIX века до 1917 года в России существовал фактор, игравший заметную роль в русской государственности, а именно: борьба правительства с различными оппозиционными и революционными партиями и группами⁷. Эту фразу можно расшифровать и интерпретировать по-разному. Исходя из традиционной концепции, и мы даже сказали бы, схемы отражения революционной борьбы в отечественной и основном массиве зарубежной историографии, вывод Кошеля можно свести к признанию огромной роли освободительного движения в жизни России, его влияния на политику властей как такового. Иными словами: есть революционная борьба с властью, которая каким-то образом заставляет власть предрешающих менять свои планы и замыслы в отношении перспектив развития страны.

⁶ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649-1917 гг. М., 1996 432 с.

⁷ Кошель П.А. Экспедиция тайн и сенсаций – история сыска в России. Т. I.

Терроризм как форма регулирования политических отношений...

Как писал в своей одиозной даже по мысли большинства членов «Народной воли» брошюре, посвященной террору Н. Морозов: «"террористическая борьба именно и представляет то удобство, что она действует неожиданно и изыскивает способы и пути там, где этого никто и не предполагает.

Все, что она требует для себя — это незначительных личных сил и больших материальных средств. Она представляет совершенно новый прием борьбы. /.../ Она одна способна сделать целый перелом в истории революционной борьбы. /.../ Цари и деспоты, угнетающие народ, уже не могут жить спокойно в своих раззолоченных палатах. /.../ Нет сомнения, что косвенным продуктом террористической борьбы в России до ее окончания будет, между прочим, и конституция. Уверившись в негодности полиции и жандармов при новой форме революционной борьбы, правительство попытается привлечь к себе сторонников из классов, заинтересованных в поддержке существующего экономического строя. Наступит время императорского парламента, при котором под покровом общественной воли будет практиковаться такое же бесцеремонное насилие, как в настоящее время в Германии. Правительство будет иметь несколько более сторонников, но уничтожит ли это возможность бороться по-прежнему?

Нетрудно увидеть, что — нет. /.../ Идея террористической борьбы, где небольшая горсть людей является выразительницей борьбы целого народа и торжествует над миллионами врагов, /.../ раз выясненная людям и доказанная на практике, не может уже заглухнуть. Системой последовательного террора, неумолимо карающего правительство за каждое насилие над свободой, она [террористическая партия] должна добиться окончательной его дезорганизации, деморализации и ослабления. /.../ она /.../ сделает свой способ борьбы традиционным и уничтожит самую возможность деспотизма в будущем. /.../ мы твердо уверены, что террористическое движение обойдет все лежащие на его пути препятствия и торжеством своего дела докажет всем противникам, что оно вполне удовле-

творяет условиям современной действительности, выдвигающим на первый план такого рода борьбу". «Итак — террор без конца и без края,- пишет В. Брюханов⁸.

Этот же автор, один из немногих современных историков, кто попытался вписать так называемый «революционный террор» в контекст широкомасштабной политической борьбы идущей в России в некоторые периоды ее развития необыкновенно интенсивно. К таким периодам, несомненно, относятся кризисные, переломные периоды, которые в историографии было принято определять как революционные, периоды реформ. Противоборствующие стороны, даже, казалось бы, совершенно далекие в своей идеологии и практике от насильственных методов ведения борьбы, в эти времена частенько прибегали к помощи террора. К сожалению, за традиционной схемой описания социальных конфликтов, использующей шаблонные, стереотипные определения типа: революционеры-контрреволюционеры, либералы-социалисты, государственная (чаще всего реакционная) власть — либеральная общественность или революционное движение и т.п., нелегко было разглядеть истинную суть происходившего, разворачивающейся в условиях застывшего в своей неподвижности социального строя, механизмов его раскачивания, его медленной трансформации путем таких сильно действующих средств, как террор или угроза его применения.

В связи со сказанным нелишне будет напомнить о том, что «истинно революционной» частью борцов с самодержавием считалась исключительно вооруженная борьба. Достаточно вспомнить то, что писал о роли и значении вооруженного восстания В.И. Ленин в ходе революций 1905-1907 и 1917 годов⁹. Большинство же иных форм и методов политической борьбы ленинизм относил к опор-

⁸ Брюханов В. Трагедия России. Цареубийство 1 марта 1881 года. М., Товарищество изданий КМК 2007. 657 с. С 598.

⁹ См. Ленин о вооруженном восстании. В справочном томе к полному собранию сочинений Ленина раздел «вооруженное восстание» занимает несколько страниц с 83 по 86.

Терроризм как форма регулирования политических отношений...

тунистическим, не эффективным и т.д. Терроризм, как известно, характеризовался марксистами, как оружие, применявшееся исключительно мелкобуржуазными революционерами, ввиду их неспособности организовать и повести за собой массы, из-за непонимания роли пролетариата, как гегемона революции. Факты экспроприаций и вооруженных налетов, а то и просто убийств по политическим мотивам, осуществлявшихся марксистами из РСДРП или Бунда, вообще замалчивались. Всякие электоральные экзерсисы вплоть до 1905 г. напрочь отвергались «истинными революционерами» в качестве методов борьбы за власть. Да и в 1905 г. реакция на избирательные мероприятия царизма со стороны наиболее радикальных участников освободительного движения была резко отрицательной: бойкот и продолжение решительного натиска на власть с целью полной ликвидации самодержавия и замены его демократической республикой или даже диктатурой пролетариата в соответствии с теорией перманентной революции Парвуса-Троцкого или революционной диктатурой пролетариата и крестьянства (В.И. Ленин). Тогда, в 1905 и в 1906 годах эсеры, правда, приняли решение о прекращении террора на время работы Первой Государственной думы. Но это решение не поддержали многие сторонники террора. До них либо не дошло это решение руководства партии, либо они его проигнорировали. Тем не менее, в книге Р.А. Городницкого можно прочесть: «ЦК ПСР в подавляющем большинстве выступил за прекращение террора»¹⁰. Вместо БО был учрежден военно-боевой комитет, который главной своей целью должен был поставить подготовку возможного общего вооруженного восстания с участием военных сил. Все террористические дела ЦК ПСР рассматривал только как привходящий элемент, который должен быть выдвинут, когда это будет необходимо¹¹. БО, однако скоро была восстановлена, поскольку правительство встало на путь реакции и «необходимо справиться с некоторыми особенно зловредными лицами,

¹⁰ Городницкий Указ. Соч. С. 104.

¹¹ Там же. С. 104-105.

как Дурново и некоторые другие...»¹². Немногими страницами ниже Городницкий довольно туманно намекает на то, что в России в то время существовало некое тайное правительство, включавшее в себя С.Ю. Витте, графа А.П. Игнатьева и некоторых других и его, по мысли влиятельного эсера Зензинова, необходимо было уничтожить. Самое интересное в этом деле то, что гласный Тверского губернского земства граф Алексей Павлович Игнатьев был действительно убит 9 декабря 1906 г. в буфете (!) Дворянского собрания эсеровским боевиком Сергеем Ильинским! Сергей Ильинский выходец из богатой семьи был дважды приговорен к смертной казни (второй раз за побег, сопровождавшийся убийством надзирателя), дважды помилован и, в конце концов, повесившийся в тюрьме. Спрашивается, зачем нужно было убивать провинциального дворянина, пусть и члена Государственного совета и генерала от кавалерии?. «Отец Алексея Павловича был крупным царским сановником и занимал в разные годы посты петербургского генерал-губернатора и председателя Комитета министров. 12 декабря 1877 года за заслуги перед отечеством он был возведен с нисходящим потомством в графское достоинство¹³. Обращает на себя внимание та легкость, с которой террорист проник в помещение закрытого для посторонних учреждения. А ведь уже шла революция, уже правительство возглавил убитый очень схожим образом П.А. Столыпин... Странным в связи с этим выглядит заявление Зензинова, сделанное им Следственной комиссии партии эсеров и процитированное Городницким: «Сам Зензинов получил со стороны Азефа предложение участвовать в плане против А.П. Игнатьева. Но в последствии все расстроилось, и ничто из намеченного не было исполнено»¹⁴. Спрашивается: что расстроилось, планы ликвидации определенной группы политических деятелей? Или конкретное покушение на А.П. Игнатьева? В последнем слу-

¹² ГА РФ. Ф. 1699 Оп. 1. Д. 123. Л. 20.

¹³ Анисимов А. Кавалергарда век недолог... " Граф Алексей Павлович Игнатьев.

¹⁴ Городницкий Р.А. Указ. Соч. С. 107.

Терроризм как форма регулирования политических отношений...

чае Зензинов явно лжет. Убийство графа состоялось. Расстроится, могло что-то другое... Сам Зензинов вышел из БО в мае 1906 г., видимо посчитав свою миссию невыполнимой или ненужной в связи с какими-то новыми обстоятельствами. Один из крупнейших современных военных историков В.А. Авдеев отмечает в своей монографии, посвященной деятельности в качестве военного разведчика младшего сына А.П. Игнатьева: «Граф А.П. Игнатьев-старший был противником созыва Государственной думы и сторонником усиления полицейских репрессий в связи с подъемом революционного движения в России. В то же время он не считал для себя невозможным, прибегнув к военной силе, потребовать от императора проведения «реформ». Весьма вероятно, что именно это обстоятельство послужило причиной террористического акта против него, осуществленного при явном попустительстве царской охраны¹⁵. «В годы Первой русской революции 1905 года Алексей Павлович Игнатьев назначается председателем особых совещаний по охране государственного порядка и по вопросам вероисповедания. Он был членом кружка высокопоставленных лиц, называвшегося в прессе «Звездной палатой» и имевшего большое влияние на императора Николая II¹⁶ Современные исследования, однако, доказывают, что если тайное, помимо Николая II и его кабинета, а затем Совета министров, правительство и существовало, то составляли его совсем другие люди. В. Брюханов отмечает, с самого начала царствования последнего российского императора, на него огромное влияние оказывали Великий князь Сергей Александрович и, особенно, его жена, старшая сестра императрицы Александры Федоровны Елизавета¹⁷.

В самом конце своих заметок М.М. Мельников задается вопросом: мог ли С.В. Зубатов, используя боевую организацию, которую он сам и организовал, совершить убийство

¹⁵ Авдеев В.А., Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки 1915-1917 гг. М., 2008 323 с. С. 43.

¹⁶ Там же. С.

¹⁷ См. Брюханов В.А. Указ. Соч.. С.256

Николая II. Мельников отвечает на этот вопрос отрицательно. Мотив отказа от «центрального теракта» Зубатова может многих удивить. Зубатов считал, что мягкий и не очень умный Николай — вполне подходящая фигура для реализации определенных планов реформирования страны, а его убийство и приход к власти более жесткого и мудрого правителя, может этим замыслам помешать. Вспоминая свои разговоры с Г. Гершуни, и размышляя о роли в событиях конца XIX — начала XX вв. Зубатова и Азефа, Мельников пишет: «Думаю так, что Зубатов мог допускать, в крайнем случае, цареубийство (!!! А.К.), хотя в его глазах (планах) возможно Николай был самым удобным царем для России. (... слова Гершуни могу я сейчас точно припомнить. Сказал он их, когда мы говорили о нежелательности покушений на Николая [в то время]..., когда..., когда намечается народное представительство, значит, в верхах торжествует либерализм) — самым удобным, потому что он слабоволен и глуп, его можно провести за нос и в руки взять..- Да при более энергичном царе сели бы [он] ... конституции не дал, а это возможно, — Зубатов сделал покушения на таких же всемогущих[деятелей] как и на Николая. А я думаю, что такие люди, как Зубатов могли бы поступаться принципами [] ... только для конституции Повторю, что сказал мне тогда в Москве Зубатов ...Но это Зубатов, зубатовцы не хотят никакой конституции... они хотят совершенно определенно власти охранки. И вопрос о том мог ли Азеф допустить цареубийство сводился к другому вопросу: к чему больше тяготел А-ф — к Зубатову или зубатовской шайке? Вначале его деятельности было, безусловно, первое, но где гарантии, чтобы под самый конец он не повернул бы к охранке?»¹⁸.

Покушения на царей и некоторых высокопоставленных деятелей или угроза таковых оказывали, тем не менее, существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику государств, внося, порой, такие новые элементы, ко-

¹⁸ ГА РФ ФФ. 1699. Оп. 1. Д. 85. Л.Л.70,70 об.

Терроризм как форма регулирования политических отношений...

торый самым крутым образом меняли судьбы стран и народов. В подтверждение данного тезиса приведем одну цитату из книги Л. Меньщикова. «Теперь можно считать почти установленным тот факт, что наглая провокация Рачковского и с Гекельманом, предоставившая случай французскому министру внутренних дел Констану оказать ценную услугу русскому политическому сыску, заставила твердокаменного монарха, изменит свое отношение к республиканской Франции. Таким образом, на почве провокаторских махинаций создавалась благоприятная почва для заключения франко-русского альянса. А союз этот втянул Россию в международную бойню, и не подлежит сомнению, что «Великая война» сократила на целые десятилетия брешное существование российского самодержавия»¹⁹. «Таким образом, бомбы, заряженные провокатором Ландезеном для Александра III, взорвали трон для его незадачливого заместителя. Воистину: нет худа без добра!»²⁰.

Имя Леонида Петровича Меньщикова стало известно общественности в конце 1990-х гг., когда в печати появились материалы с разоблачением системы царского политического сыска и его тайных агентов. Меньщиков спросил Бурцева, знает ли тот, кто такой Гартинг? Бурцев ответил отрицательно. Тогда Меньщиков сказал ему: «Это ваш старый приятель Гекельман-Ландезен»²¹. А.М. Гартинг, ученик Рачковского, в 1905-1909 гг. возглавлял заграничную агентуру Департамента полиции, сотрудничество с которым он начал еще в 1885 г., будучи студентом Петербургского университета. Именно Гартинг оказался тем самым Ландезеном, который спровоцировал Бурцева и его товарищей в 1890 г., когда под руководством Рачковского организовал лабораторию по производству бомб в Париже. Ландезен скрылся тогда в Бельгии и был приговорен французским судом заочно к 5 годам тюремного заключе-

¹⁹ Меньщиков Л.П.. Охрана и революция (к истории частных политических организаций, существовавших во времена самодержавия)» (в 4-х томах; Москва, 1925 – 1932 с.92-94.

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Меньщиков Л.П. Указ. Соч. С.76.

ния. Однако срок этот он не отбыл, вернувшись в Париж чиновником русского Министерства иностранных дел и завязав близкое знакомство с министром внутренних дел Франции Констаном. Сенсационное разоблачение Гартинга в бурцевском «Общем деле», по словам А.П. Кознова, вызвало громкий скандал во французском парламенте. В ответ на запрос депутата-социалиста Жана Жореса премьер-министр Клемансо вынужден был официально заявить, что отныне деятельность иностранных спецслужб на территории Франции запрещается²². Гартинг был вынужден покинуть Париж, однако деятельность русской заграничной агентуры там приостановлена не была. Надо сказать, что отношения между двумя «охотниками за провокаторами» — Меньщиковым и Бурцевым складывались очень непросто. Они были одновременно и союзниками, и конкурентами, каждый из которых имел собственные источники информации и претендовал на первенство в деле разоблачения предателей революции.

Наступившая после революции 1905-1907 гг. реакция, сопровождавшаяся усилением деятельности политической полиции и ростом числа провокаторов, вызвала закономерное противодействие в виде поиска и выявления предателей в революционной среде, что принесло свои плоды. В 1908 г. В.Л. Бурцевым был разоблачен Е.Ф. Азеф — глава Боевой организации партии эсеров, много лет, являвшийся также платным агентом Департамента полиции. В 1909 г. последовало разоблачение руководителя заграничной агентуры этого департамента А.М. Гартинга, а затем А.Е. Серебряковой, З.Ф. Гернгросс-Жученко и других крупнейших провокаторов. Зарубежная общественность внимательно наблюдала за развивающейся интригой, в то время как в России с интересом и трепетом ожидали новых сенсаций. За всем этим стоял Л.П. Меньщиков. Выйдя в 1907 г. в отставку с высокого поста в Де-

²². Там же. С.77.

партаменте полиции, он начал с громких публикаций в парижских газетах сначала через В.Л. Бурцева, а потом самостоятельно под псевдонимом «Иванов». В дальнейшем Меньщиков уже выступал под собственным именем в качестве историка политического сыска в России. В 1914 г. выходит его книга «Минувшее», раскрывающая тайны заграничной агентуры Департамента полиции, а в 1925-1932 гг. в Советском Союзе публикуется его 4-томник «Охрана и революция», на долгие годы ставший единственным крупным трудом по этой проблеме. Неординарная судьба Меньщикова сразу вызвала большой общественный интерес. Многие воспринимали его как своего рода «Азефа наизнанку». «Что же такое Леонид Меньщиков?» — спрашивала в 1910 г. парижская газета «Le Journal», и сама же находила ответ: «Другой Азев, но Азев в обратном смысле. Это не полицейский, разыгрывающий революционера, а убежденный революционер, предающий полицию, хотя носит ее мундир»²³. По сведениям, переданным в Департамент полиции А.А. Красильниковым, в первую очередь в начале октября 1910 г. Меньщиков встретился с руководством Партии социалистов-революционеров. В ходе переговоров с С.Н. Слетовым, Б.В. Савинковым и В.М. Черновым он даже якобы «выражал желание вступить в партию эсеров и оказать ей большую материальную помощь. Он старался доказать им, что всегда любил эту партию, что он сам убежденный эсер и террорист»²⁴. Симпатию Меньщикова к социалистам-революционерам отмечает и Л.Г. Дейч: по его словам, тот «являлся скорее левым кадетом и, видимо, льнул к эсерам»²⁵. Меньщиков предложил ПСР свои услуги по разоблачению примерно 2 тыс. провокаторов, которые были ему известны²⁶. Меньщикову принадлежала также

²³ Le Journal»,

²⁴ Меньщиков Л.П. Охрана и революция (к истории частных политических организаций, существовавших во времена самодержавия)» (в 4-х томах; Москва, 1925 — 1932) Т. I С. 78.

²⁵ Меньщиков Л.П. Указ. Соч. Т.I. С. 79.

²⁶ Там же. С. 80.

идея создания межпартийной комиссии по борьбе с провокацией. Он предложил эсерам выступить с инициативой ее организации{81}. Впрочем, эсеры встретили Меньщикова с недоверием и использовали его только в качестве источника информации. Л.П. Меньщиков разоблачил и одну из самых известных провокаторш (провокактрисс), А.Е. Серебряковой (мамочки), о которой, кстати говоря, упоминает Л.Ф. Жупикова в своей книге о Е.П. Дурново (Эфрон)²⁷.

Список литературы

1. ГА РФ Ф. 1699. Оп. 1. Д. 85.
2. *Авдеев В.А.* Секретная миссия в Париже. Граф Игнатъев против немецкой разведки 1915-1917 гг. — М., Яуза. — 290 с.
3. *Анисимов А.* «Кавалергарда век недолог...» Граф Алексей Павлович Игнатъев // Киевский телеграфЪ. 2003.№ 5.
4. *Брюханов В.А.* Трагедия России. Цареубийство 1 марта 1881 года. М. Товарищество научных изданий КМК 2007. 657 с.
5. *Гейфман А.В.* сетях террора М.,АИРО-XX. 2002. 256 с
6. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами М., Товарищество русских художников1991. 208 с.
7. *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., РОСПЭН 1998.239 с.
8. *Жупикова Е.Ф.* Е.П. Дурново (Эфрон). История и мифы.: Монография — М.:2012- 350 с.
9. *Кошель П.А.* Экспедиция тайн и сенсаций — история сыска в России. М.: Изд. Литература, 1996. 390 с.
10. *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., РОСПЭН 1997. 512 с.
11. *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649-1917.М., 2006.490 с.

²⁷ Жупикова Е.Ф. Е.П. Дурново (Эфрон). История и мифы.: Монография - М.:2012- 350 с.

Терроризм как форма регулирования политических отношений...

12. Лурье Ф.М. Нечаев. М. ЖЗЛ. 2001. 215 с.
13. Меншиков Л.П. Охрана и революция (к истории частных политических организаций, существовавших во времена самодержавия) // В 4-х томах. Москва, 1925-1932.
14. Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., РОСПЭН. 2001. 390 с.

Аннотация. Статья посвящена влиянию террора на расстановку политических сил в России конца XIX- начала XX вв

Куренышев Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор Академии гражданской защиты МЧС России.

Кудряшова В.К.

Теории контрпартизанской войны 70-80-х гг.¹

This article considers the main views of the British (Frank Kitson) and French (Roger Trinquer, David Galula) theorists on the question of armed struggle against the rebel forces. In exploring the phenomenon of a partisan (based on the work of the German philosopher Carl Schmitt), the partisan war as a consequence of the transformation of war and the basic elements of the counter-insurgency war, especially the theoretical constructs.

Ключевые слова: феномен партизана, трансформация войны, контрпартизанские войны, повстанцы, современные войны.

Keywords: the phenomenon of a partisan, the transformation of war, counter-insurgency wars, the rebels, modern warfares.

Партизанская война как следствие феномена трансформации войны

Наиболее подробно феномены партизана и партизанской войны разбираются в труде немецкого философа и политического мыслителя Карла Шмитта «Теория партизана». Партизан у Шмитта — иррегулярный боец, который ведет борьбу на политическом фронте, что отличает его, к примеру, от бандитов и морских разбойников, в действиях которых нельзя наблюдать политической направленности. Партизан тесно связан со своей партией, отражающей его взгляды, что наиболее отчетливо проявляется в эпоху революционных войн: «Партизан по-немецки именуется Parteigänger (парти-

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2015-2016 гг. с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ец), тот, кто идет с партией, а что это значит конкретно, в разные времена значительно различается...»². В своей работе Шмитт выделяет четыре характерные черты, присущие партизану:

1. иррегулярность (основное отличие партизана от бойца регулярной армии заключается в том, что для него характерен иррегулярный характер боевых действий, так как представители партизанского движения не занимают никаких политических должностей, постов и не имеют никаких публично-политических обязанностей; партизан свободен в своих действиях, хотя может присутствовать дисциплина внутри самого партизанского движения; также, у партизана отсутствуют отличительные признаки, присущие бойцам регулярных армий, такие как форма (но, может использовать униформу противника), открытое и легитимное ношение оружия, скрытая «подпольная» деятельность и другие);

2. повышенная мобильность во время активного боя (партизан действует молниеносно, нанося регулярным армиям или отрядам внезапные, ранее продуманные удары, направленные на ослабление противника);

3. повышенная интенсивность политической вовлеченности (партизан политически ангажирован);

4. теллурический характер (партизан привязан к земле, из-за которой он и ведет боевые действия; если партизан лишается почвы под ногами, то он становится «техником незримой борьбы, саботажником и шпионом», «переносным и заменяемым орудием мощного центра, творящего мировую политику»³).

Также Шмитт рассматривает фигуру партизана с точки зрения международно-правового регулирования. Если обращаться к четырем Женевским конвенциям 1949 г., то в них есть положение, согласно которому организованные бойцы Сопrotивления объявляются не партизанами, а регулярными бойцами. Но действия партизана не могут носить характер организованности. Они, наоборот, внезапны и спонтан-

² Шмитт К. Теория партизана / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2007. С. 28.

³ Там же, с. 38.

ны, что приводит к тому, что действия партизана не являются легальными (не соответствуют международно-правовым предписаниям), так как он действует на свой страх и риск. Поэтому получается, что партизан в какой-то степени оказывается вне области публичного права, не имея преимуществ ни комбатантов, ни нонкомбатантов. Также роль партизана, как отмечает Шмитт, меняется в зависимости от типа войны, в которой участвует партизанское движение: если ведется недискриминационная война, то фигура партизана отходит на периферию; но если происходит процесс криминализации войны (как пример, гражданская война), то «партизан становится подлинным героем войны»⁴. Другая важная черта партизанских войн заключается в том, что различные виды партизанских вооруженных действий могут смешиваться и сливаться в практике любых других боевых конфликтов, что может проявить себя в появлении таких трансформировавшихся вооруженных столкновениях как войны могущественных держав против слабых стран.

Для характеристики современной партизанской войны Шмитт прибегает к следующим аспектам:

1. пространственный аспект (теллурически-земной характер партизанской борьбы, партизан «является одним из последних постов земли пока еще не полностью уничтоженной всемирно-исторической стихии»⁵);

2. разрушение социальных структур (действия партизана в новых условиях общественного порядка, вопрос взятия заложников, открытого и ответного террора);

3. переплетение во всемирно-политических контекстах (Шмитт постулирует зависимость партизанских отрядов от регулярных сил и от заинтересованного третьего лица);

4. индустриально-технический аспект (партизан не остается в стороне от новейших средств и достижений научно-технического прогресса в военной сфере; напротив, он с успехом пользуется и применяет многие из новейших средств вооруженного насилия и полученную информацию для ведения боевых действий);

⁴ Там же, с. 50.

⁵ Там же, с. 109.

5. легальность и легитимность (действия партизана часто оказываются нелегальными, то есть за рамками международного права; но партизан может претендовать на легитимность, которая может быть выражена во всеобщем или частном народном признании);

6. действительный и абсолютный враг («...враг партизана — действительный, но не абсолютный враг. Это следует из политического характера партизана»⁶).

Феномен партизана, описанный Шмиттом, демонстрирует, что партизанские войны не могут быть причислены к вооруженным действиям традиционного типа; партизанская война — асимметричный военный акт, что подтверждает и Кревельд, отмечая, что независимо от успеха партизанской войны, она показывает возможность ведения боевых действий в малых масштабах и без наличия стратегии⁷.

Вследствие того, что партизан находится за пределами парадигмы традиционного понимания военного акта, можно говорить о партизанских войнах как о феномене трансформации войны, опираясь на следующие выводы:

1. партизан пренебрегает правилами ведения боевых действий, регулирующих и регламентирующих вооруженные столкновения между суверенными государствами, поэтому партизан находится за рамками современного публичного права;
2. партизан не является ни комбатантом, ни нонкомбатантом, то есть он не может не только воевать согласно установленным международно-правовым ограничениям, но и находиться под защитой международных конвенций;
3. партизанская война носит нетринитарный характер (как отмечает Кревельд⁸), потому что в ней нарушается связь между тремя основными структурными элементами, а фигура партизана выносится на периферию;

⁶ Там же, с. 139.

⁷ Кревельд М. ван. Трансформация войны / Мартин ван Кревельд; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова; 2-е изд. — Москва: ИРИСЭН, Социум, 2015. С. 285-286.

⁸ Там же, с. 102.

4. война с партизаном — это всегда война «сильного» и «слабого» противников, хотя партизанская организация и выступает в качестве слабой стороны военного действия, на самом деле он обладает рядом преимуществ, которые могут помочь ему ослабить и устранить более сильного противника;
5. война партизана — это борьба с противником без какой-либо закрепленной территории (противник-призрак);
6. трудность в определении партизана в качестве противника;
7. в партизанской войне нарушается принцип правого дела, так как в войне «слабого» и «сильного» противников, если побеждает сильная сторона, то она обвиняется в нападении и ведении боевых действий против слабого (в то же время, правое дело слабой стороны основывается на том, что она жертвует собой в ходе вооруженного столкновения).

Таким образом, можно говорить о том, что партизанские войны типичны для современного мира, так как они относятся к категории новых, асимметричных войн, и, более того, отдельные элементы партизанской войны встречаются в практике других вооруженных столкновений, где происходит выделение «слабого» и «сильного» противников.

Теории контрпартизанской войны

В 1961 г. была впервые опубликована книга французского полковника Роже Транкье «Современная война. Французский взгляд на контрпартизанскую борьбу», которая положила начало возникновению дискуссии о природе военного конфликта. Транкье стал одним из первых, кто заговорил о феномене трансформации войны: классическое понимание вооруженного конфликта уходит в прошлое с появлением ядерного оружия⁹ и с возникновением трудностей при идентификации врага¹⁰, то есть речь идет о возникновении асимметричных военных конфликтов. Война теперь понимается не как дуэль, столкновение двух государств, а как «система

⁹ Trinquer R. Modern Warfare. A French View of Counterinsurgency. Pall Mall Press, London and Dunmow, 1964. P. 114.

¹⁰ Ibid, p. 26.

взаимосвязанных действий — политических, экономических, психологических, военных — цель которой заключается в свержении существующего режима в стране и замена его другим режимом»¹¹. Первостепенная цель современной войны, по мнению Транкье, заключается в победе над противником, который может принимать любые формы и использовать различные методы (идеологические, социальные, религиозные, экономические и так далее) для распространения своего влияния и контроля местного населения. Поэтому, достижение победы становится невозможным без поддержки местного населения: «Современная война требует безусловной поддержки со стороны населения. Эта поддержка должна быть сохранена любой ценой»¹². Кроме этого, должны быть приняты репрессивные меры, помогающие побороть вражескую сторону, такие как:

1. устранение лидеров организации;
2. попытка посеять смуту, следствием которой станет раскол внутри самой организации, что ускорит ее внутреннюю гибель и сделает уязвимой;
3. ослабление вражеской организации иными способами.

Обращаясь к фигуре партизана, Транкье отмечает, что повстанческие отряды должны быть противопоставлены регулярной армии, так как они нарушают правила ведения боевых действий (например, из-за отсутствия униформы и отличительных знаков), поэтому они лишаются права на защиту и рассматриваются как бойцы регулярной армии: например, если вооруженный отряд повстанцев застигнут врасплох, то борцы с партизанской герильей могут расстрелять их на месте¹³. Транкье отмечает, что террорист также рассматривается как боец регулярной армии; кроме того, в отношении террориста допустимым является использование пыток для получения информации.

Давид Галула, получивший прозвище «Клаузевица контрпартизанской войны» в своем труде «Контрпартизанские операции: теория и практика» задает новую перспекти-

¹¹ Ibid, p. 6.

¹² Ibid, p. 19.

¹³ Ibid, p. 18.

ву исследований: он вводит два новых понятия — «революционная война» и «контрреволюционная война». «Революционная война, в первую очередь, внутренний конфликт, хотя нередко на него оказывают влияние и внешние воздействия»¹⁴. Революционная война не сводится к обычной войне, так как она не является продолжением политики с помощью других средств; законы революционной войны отличаются от законов тринитарной классической войны. Главное отличие революционной войны от классических вооруженных конфликтов заключается в необходимости заручиться поддержкой местного населения. Можно проводить контрпартизанскую операцию и с помощью репрессивных мер, но никто не может дать гарантии, что повстанческие отряды навсегда покинут какую-либо отвоеванную территорию, так как существует риск их возвращения после перемещения регулярных отрядов. Изначально, в ходе какого-либо военного столкновения население занимает нейтральную позицию. Именно поэтому необходимо «выиграть поддержку местного населения»¹⁵, так как население представляет собой активное меньшинство; только с помощью совместных усилий местного населения и бойцов регулярных отрядов становится возможным разрушение партизанских образований. Следует отметить, что партизанские отряды также вступают в борьбу с регулярными войсками за поддержку населения, поэтому Галула акцентирует внимание на том, что все силы должно быть направлены на то, чтобы регулярная армия добилась народного расположения быстрее, то есть победит та сторона вооруженного столкновения, которая наилучшим способом обеспечит безопасность гражданскому населению.

Для борьбы с повстанческими отрядами Галула предлагает использовать пошаговую методику, включающую в себя восемь пунктов:¹⁶

1. уничтожение или изгнание партизанских отрядов из региона;

¹⁴ Galula D. Counter-Insurgency Warfare. Theory and Practice. Frederick A. Praeger, Publisher, New York, 1964.

¹⁵ Ibid, p. 11.

¹⁶ Ibid, pp. 79-96.

2. размещение военных сил для предотвращения риска возвращения повстанческих отрядов в данный регион;
3. установление связей и контроля над гражданским населением;
4. ликвидация политических организаций партизанских отрядов;
5. проведение местных выборов;
6. проверка выбранных представителей местной власти с помощью конкретных заданий;
7. создание политического движения, партии;
8. уничтожение остатков повстанческих отрядов.

В работе британского теоретика контрпартизанской войны Фрэнка Китсона «Операции малой интенсивности: диверсии, повстанцы и миротворчество» основной акцент делается не на разрушение повстанческих отрядов, на необходимости чего настаивают французские теоретики, а на их ослаблении, так как против ослабленных партизанских отрядов могут выступить малые вооруженные отряды регулярной армии (небольшие армейские подразделения), что позволяет сэкономить ресурсы. Помимо этого, Китсон не исключает возможности тесного сотрудничества комбатантов и гражданского населения для увеличения шансов на успех. Единственное, чего британский теоретик избегает, — это использования агрессивных методов, которые могут поставить под вопрос безопасность гражданского населения региона.

Таким образом, можно сказать, что между французскими и британскими теоретиками контрпартизанской войны есть много общего (на симпозиуме по вопросам контрпартизанских операций 1962 года в Вашингтоне взаимосвязь двух подходов стала более очевидной), в частности, все авторы отмечают, что ключевым фактором в борьбе с герильей является поддержка местного населения, которой необходимо заручиться для полного уничтожения повстанческих организаций; к тому же, каждый в какой-либо мере говорит о необходимости соблюдения безопасности гражданского населения, хотя, безусловно, в концепции каждого из авторов имеется и ряд существенных расхождений. Интереснее отметить те проблемы, которые вскрываются при сопоставлении фе-

номена партизана в понимании Карла Шмитта и теоретиками контрпартизанских теорий. Например, очевидно, что понимание современной войны у Транкье и Шмитта во многом совпадают, так как речь идет о возникновении асимметричных военных конфликтов, о феномене трансформации войны. Кроме того, вскрывается двойственность термина «партизан», что можно проследить и этимологически:

1. *parti des paysans* (фр., крестьянская партия) — образовано в ходе освободительной партизанской войны в Испании против французской армии Наполеона. Следовательно, партизан — представитель народного отряда, ведущий вооруженную борьбу против иноземных захватчиков;
2. *partie* (фр., часть, отряд) — следовательно, партизанский отряд — это отдельный отряд регулярной армии, осуществляющий самостоятельные вылазки с целью внесения переполюха в стан противника.

Несмотря на двойственность термина, следует отметить, что в современной практике партизан рассматривается как иррегулярный боец, что закрепилось в историческом контексте (частично — во время Наполеоновских войн, в дальнейшем — во время Второй мировой войны; также, появляется отдельный термин для обозначения партизанской войны в Испании и странах Латинской Америки — *guerrilla* — герилья, малая война).

Список литературы

1. *Кревельд М. ван. Трансформация войны / Мартин ван Кревельд; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова; 2-е изд. — Москва: ИРИСЭН, Социум, 2015, 320 с.*
2. *Шмитт К. Теория партизана / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. — М.: Праксис, 2007. — 301 с.*
3. *Atkinson J.D. Insurgency and Counter-Insurgency in the 1960's. World Affairs, Vol. 126, No. 3 (Fall, 1963), pp. 182-185.*
4. *Coyle R. G. A System Description of Counter Insurgency Warfare. Policy Sciences, Vol. 18, No. 1 (Mar., 1985), pp. 55-78.*
5. *Galula D. Counter-Insurgency Warfare. Theory and Practice. Frederick A. Praeger, Publisher, New York, 1964.*

6. *Kitson F. Low Intensity Operations. Subversion, Insurgency, Peace-keeping. Faber and Faber Limited, Great Britain, 1971.*
7. *Trinquer R. Modern Warfare. A French View of Counterinsurgency. Pall Mall Press, London and Dunmow, 1964.*

Аннотация: данная статья рассматривает основные взгляды британских (Фрэнк Китсон) и французских (Роже Транкье, Давид Галула) теоретиков по вопросу вооруженной борьбы против повстанческих формирований. Осуществлено исследование феномена партизана (на основе работы немецкого философа Карла Шмитта), партизанской войны как следствия трансформации войны и основных элементов контрпартизанской войны, особенностей теоретических построений.

Кудряшова Валерия Константиновна, студент бакалавриата 4 курса школы философии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Кононенко О.С., Пучков В.М.

Кризис ООН: пути решения современных проблем в рамках существующей системы

There is a crisis in the United Nations nowadays reflected in the fact that this institute is no longer capable of overcoming modern challenges, among which local conflicts and threat of global war. The article considers the UN's entity from the perspective of prerequisites led to its creation, as well as variants for overcoming the crisis.

Ключевые слова: ООН, мирный союз, кризис, конфликты, информационная война, кибервойна

Key words: UN, Peace Union, crisis, conflicts, information warfare, cyberwarfare.

Актуальность проблемы

Война — одно из самых сложных явлений в человеческой жизни. К теме войны обращались и обращаются не один десяток мыслителей, но никому из них не удалось до сих пор объективно оценить её как с нравственной, так и с научной стороны. Человечество на протяжении всей своей истории принимает участие в войнах. Ученый А.Е. Снесарев сформулировал закон «непрерывной войны»¹, который гласит, что за 3400 лет человеческой жизни (с 1500 года до н.э. — 1900 год) было 6000 лет войны. Эта проблема актуальна и сейчас, ведь, по оценке специалистов, в 2015 году в активной фазе протекало 45 военных конфликтов. И это притом, что человечество, казалось, изобрело уже механизм, который должен был существенно ограничить количество конфликтов, окончательно «заменить латы тогой»², по выражению Уильяма

¹ Снесарев А. Философия войны. — М.: Ломоносов, 2013.

² Пенн У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путём европейского конгресса, парламента или палаты государств. // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. — СПб.: Алетейя, 2003.

Пенна, то есть способствовать отказу от военных в пользу дипломатических методов решения противоречий. С этим механизмом, Организацией Объединённых Наций, связывали надежды на установление мира без войны, однако сейчас в дискурсе, касающемся этого международного института, гораздо чаще фигурируют не только негативные оценки эффективности самой организации, но и критика всей структуры образования. И существующий дискурс, и анализ реальной международной политической обстановки свидетельствуют о том, что Организация Объединённых Наций находится в кризисе, что, в свою очередь, не может не повлиять на всю систему международных отношений. Такое положение создаёт потребность в выяснении природы и поиске путей решения сложившегося кризиса. Этим и обуславливается актуальность нашей работы.

Философские корни системы: ООН как реализация идеи «мирного союза»

Чтобы оценить текущие проблемы ООН, нужно иметь представление о сущности и истоках рассматриваемого института. Организация Объединённых Наций возникла по итогам Второй Мировой войны в 1945 году. Для этого существовали определённые политические, исторические и идейные предпосылки. И если с первыми более или менее понятно, так как сюда относятся и роспуск Лиги Наций вместе с необходимостью создания коллективной системы безопасности взамен ликвидированной структуры, и попытки предотвратить новые конфликты масштаба, сравнимого с масштабом прошедшей войны, и желание закрепить сложившийся баланс сил, то идейные предпосылки, которые тоже имели место быть, нужно разобрать подробнее.

Главной идейной предпосылкой создания такого рода организаций, как ООН и предшествующей её Лиги Наций, безусловно, является концепция вечного мира, начало разработки которой приписывают философам начала Нового времени. Об авторстве этой идеи окончательного мнения нет. Одни считают автором герцога Сюлли, предложившего Генриху IV план создания «христианской республики» —

конфедерации христианских народов Европы. Этот план изложен в последнем томе мемуаров Сюлли (1634). Другие же уверены, что родоначальником идеи справедливо считать Эразма Роттердамского (1466-1536). Очертания «Вечного мира» можно узнать в «Оружии христианского воина» (1501) и «Жалобе мира» (1517). Гораздо позже эту идею развил Уильям Пенн в своём труде «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского конгресса, парламента или палаты государств» (1693). Как можно понять из названия, суть предложения Пенна заключалась в отказе от военных в пользу более выгодных дипломатических («правовых») действий, и главным успехом мировой дипломатии, по его мнению, должно стать создание Конгресса, Палаты государств или Парламента, который займётся разработкой и установлением прав для соблюдения всеми государствами, а также разрешением конфликтов между теми или другими державами, которые не могут быть разрешены к началу заседания с помощью посольств³.

После Пенна идея единого христианского союза государств развивалась дальше, а венцом развития стал труд, вышедший больше, чем век спустя, а именно «К вечному миру» Канта.

Философский проект Иммануила Канта был написан в 1795 году. Название этого проекта, «К вечному миру», представляет игру смыслов. Действительно, можно понимать это словосочетание как воззвание, обращённое ко всем людям, направляющее их на истинный путь достижения всеобщего счастья — мира без войны, но можно его воспринимать и как упрёк, обращённый к правителям, которые толкают наш мир «к вечному миру», к жизни, которая наступит после смерти, когда весь мир пойдёт прахом.

Итак, философский проект Канта⁴ представляет собой статьи договора о вечном мире, которым должны закончить-

³ Уильям Пенн. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путём европейского конгресса, парламента или палаты государств. // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. — СПб.: Алетейя, 2003.

⁴ Кант И. К вечному миру. Философский проект. // Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994.

ся все мировые войны и после которого должна установиться новая система международного права, с комментариями. В комментариях к этим статьям Кант поясняет, в чём, по его мнению, кроется проблема системы международных отношений того времени и как её можно изменить в лучшую сторону.

Кроме того, что было предсказано появление вообще такой организации, как ООН (а до этого Лига Наций), заслуга Канта, суммировавшего все размышления на эту тему и внесшего решающие штрихи в проект, и его предшественников состоит и в том, что были отмечены принципы, которыми такая организация будет руководствоваться. Они и закреплены в основном документе всех международных отношений, Уставе ООН. В Уставе обозначено 7 принципов Организации Объединённых Наций, и все они, в той или иной степени, являются отголосками мыслей, высказанными Кантом и Пенном.

Организация Объединённых Наций — структура, которая не могла сложиться без необходимого контекста и исторического опыта. Но, безусловно, дискуссии о создании подобного «мирного союза», оказали огромное влияние на возникновение этого международного института.

История Организации Объединённых Наций и её роль в решении конфликтов с середины XX до начала XXI века

Анализируя сущность ООН через призму заложенных ещё классиками и закреплённых в Уставе принципов, можно сказать, что одной из главных задач ООН является поддержание мира во всём мире. Чтобы разобраться в природе нынешнего кризиса, нужно оценить вклад Организации в регулирование вооружённых конфликтов на протяжении всего своего существования.

К действиям Организации Объединённых Наций в XX веке, которые заслуживают положительной оценки, можно отнести то, что ей удалось снять остроту Карибского кризиса в 1962 году (тогда огромное значение имела фигура Генерального Секретаря У Тана) и кризиса на Ближнем Востоке в 1973 году (здесь огромную значимость имел Совет Безопасности ООН). В

1988 году усилия ООН по мирному урегулированию позволили прекратить ирано-иракскую войну, а в следующем году, благодаря переговорам, проводившимся под эгидой ООН, советские войска были выведены из Афганистана. В 90-е годы Организация Объединенных Наций оказала содействие восстановлению суверенитета Кувейта и сыграла важную роль в прекращении гражданских войн в Гватемале, Камбодже, Мозамбике, Сальвадоре и в урегулировании или предотвращении конфликтов в ряде других стран.

Однако есть и моменты, когда позиция ООН по отношению к кризисной ситуации или конфликту оценивалась крайне негативно. Крупнейшим провалом ООН называли Миротворческую операцию в Сомали, когда голод в 1992 году унёс жизни более 300 тыс. человек, а ООН либо бездействовала, либо её действия оказывались крайне неэффективными. Кроме того, публикация в конце 1999 года докладов о миссиях ООН в Сребренице⁵ и Руанде⁶ даёт исчерпывающее представление об уроках⁷, полученных в случаях, когда ООН упускала возможность предотвратить переход смертоносного насилия в тотальный геноцид.

Представленные события позволяют нам сделать вывод, что уже к концу XX века кризис Организации Объединённых наций, выражающийся в ограниченности организации в решении мировых проблем, стал чётко обозначен. Мнения о том, что стало этому причиной, расходятся, однако мы придерживаемся той точки зрения, что кризис ООН связан с изменившимся характером проблем, качественно новыми вызовами, с которыми ООН сталкивается всё чаще и чаще, не успев, при этом, для этого перестроиться. Именно такую ситуацию мы можем наблюдать и сейчас.

⁵ Доклад Генерального секретаря, представляемый во исполнение резолюции 53/35 Генеральной Ассамблеи: Падение Сребреницы, Документ ООН A/54/549 от 15 ноября 1999.

⁶ Доклад комиссии по проведению независимого расследования деятельности Организации Объединенных Наций в период геноцида в Руанде в 1994 году, прилагаемый к Документу ООН, S/1999/1257 от 16 декабря 1999 г.

⁷ Ф. Таннер. Предотвращение конфликтов и разрешение конфликтов: пределы многостороннего участия // Международный журнал Красного Креста. - 2000. - №839.

Современные вызовы для организации

Сейчас мы сталкиваемся с самой большой совокупностью внешних изменений и вызовов для мирового порядка с 1991 года, когда прекратил своё существование СССР. Один из исследователей, работающих в системе ООН, Кевин Радд, считает, что специфика современного положения заключается в том, что человечество не встречалось ранее с расстановкой сил, сложившейся в отношениях с великими державами, не встречалось и с подобной интенсивностью процессов глобализации, а также с такими феноменами, представляющими угрозу для множества стран по всему миру, как терроризм⁸. Действительно, описанные явления угрожают стабильности глобального миропорядка. После краха биполярной системы, институт ООН столкнулся с серьёзной проблемой возникновения мировой гегемонии, что существенно ослабило роль ООН, сведя ее функцию к декларированию решений.

В своём исследовании, названном «Конец власти», бывший политик и журналист Мойзес Наим среди прочих рассматривает вопрос о гегемонии США⁹, ссылаясь при этом на другое исследование, проведённое Уильямом Уолфортом. Последний утверждал, что США сейчас — это яркий пример наибольшей концентрации власти в мировом лидере. «Соединённые Штаты — первое в современной истории международных отношений ведущее государство с огромным перевесом по всем основным составляющим власти: экономической, военной, технологической и геополитической» — писал Уолфорт в 1999 году¹⁰.

⁸ Rudd K. The United Nations: What's the Point? //TheAtlantic.com, 02.09.2016.
Точный адрес статьи:
<http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/09/united-nations-rudd/498464/>

⁹ Наим, Мойзес. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе / Мойзес Наим; перевод с английского Николая Мезина, Юлии Полищук, Анатолия Сагана. – Москва : Издательство АСТ, 2016.

¹⁰ Wohlforth, W. C. "The Stability of a Unipolar World" / International security 24, №1 (1999).

Однако череда событий, в числе которых и мировой финансовый кризис, привела к осознанию того, что США, используя весь финансовый, силовой и административный ресурс, уже не в состоянии контролировать весь мир, что, в свою очередь, означало, что миру необходимы форумы для обсуждения политической конъюнктуры. Это и стало причиной возрастания роли старых площадок, как, например, ООН, и возникновения новых, пусть и не таких масштабных, но зато более способных к решению проблем надгосударственных образований, которые в силу схожести позиций, территориальной близости и других факторов быстрее реагируют на вызовы и принимают решения. Примером такой организации является БРИК, а позднее БРИКС, одними из принципов которой являются конкурентное партнёрство в экономическом сотрудничестве, а также признание роли ООН в качестве главного многостороннего форума, на который возложена ответственность за реализацию надежд, содействие миру, порядку и устойчивому развитию в мире. Таким образом, успех новых небольших международных организаций способствует и возрастанию внимания к Организации Объединённых Наций.

С развитием информационно-коммуникационных технологий важное место в политическом дискурсе заняло понятие «информационная война», которая, по большому счету, идет в режиме нон-стоп. Проблема использования технологий информационной войны заключается в том, что они не регулируются, а также нет универсальной защиты от киберугроз и информационного воздействия, что определенно является вызовом для всего человеческого сообщества. Именно регулирование угроз такого типа ООН должна включить в повестку дня для выработки инструментов, уменьшающих опасность от данного типа воздействия.

В настоящий момент остро стоит вопрос о необходимости урегулирования информационного пространства, как на предмет информационных войн, так и на предмет киберугроз. Сейчас эта проблема действительно актуальна, так как информационное пространство максимально за всю историю человечества открыто, и государства пытаются его использо-

вать для расширения своего влияния в мире. Вопрос об информационных войнах поднимался особенно остро в моменты эскалации конфликта на Украине.

В своей статье Дэвид Гевиртц, директор Американского института стратегической перспективы, говорит о том, что кибервойна способна «вернуть нас в каменный век», так как большинство инфраструктурных объектов, такие как электросети, водоснабжение и так далее компьютеризованы, особенно в США. «Плохие парни имеют столько информации, что им не составит труда имплантировать своих агентов в высшие правительственные структуры» — говорит он, вспоминая похищение информации об 21 миллионе государственных служащих США, а также более миллиона отпечатков пальцев, что заставило полностью менять системы безопасности во многих министерствах¹¹.

Растущим числом атак в киберпространстве обеспокоен и глава Международного союза телекоммуникаций ООН Хамадун Туре. Он заявляет, что всем странам необходимо скоординироваться для борьбы с киберугрозами. Так же, по его мнению, необходимо подготавливать кадры не только в развитых, но и в развивающихся странах, «чтобы никакая страна не стала слабым звеном в общем процессе». Доктор Туре призывает от лица ООН к мирному сосуществованию в киберпространстве с целью предотвращения глобальной кибервойны¹².

Американский политолог С. Верба указывает, что кризис — это «изменение, требующее инноваций и институционализации, и при отсутствии их грозящее уничтожением или резкой трансформацией имеющейся системы»¹³. Исходя из этого определения, Организации Объединённых Наций для преодоления кризисного состояния предстоят изменения,

¹¹ Gawirtz D. Could cyberwar knock us back to the Stone Age? // ZDnet.com, 03.08.2015. Точный адрес статьи: <http://www.zdnet.com/article/could-cyberwar-knock-us-back-to-the-stone-age/>

¹² Ткаченко Е. Хакеры зайдут через SIM // Газета.ru, 22.07.2013. Точный адрес статьи: <https://www.gazeta.ru/business/2013/07/22/5486921.shtml>

¹³ Verba, Sidney. Sequences and Development / in L. Binder et al. "Crises and Sequences in Political Development." Princeton University Press, 1971.

которые помогут повысить эффективность института и адаптировать его к новым реалиям.

Возможные пути выхода из кризиса

Среди возможных путей выхода из кризиса обычно выделяют реформирование ООН, в частности, если речь идёт о вопросах урегулирования военных конфликтов, Совета Безопасности ООН. Полемика насчёт необходимости расширения членов этого органа, требования увеличить список стран, обладающих правом вето, или призывы право вето ликвидировать — всё это стало составляющим дискурса, касающегося ООН и международных отношений в целом, со времён составления Устава в 1945 году. С тех пор не раз менялись геополитические расклады, однако призывы остаются прежними.

В своей статье исследователи А. Задохин и А. Орлов¹⁴ выделяют три возможных варианта развития ООН, каждый из которых связан с её реформированием. Первый вариант — судьба Лига Наций, которую, как считают авторы, повторила ОБСЕ. Конечными точками этого пути являются отмена права вето, разрастание Совета Безопасности, что, как ожидается, приведёт к снижению его эффективности, и перераспределение полномочий в пользу Генеральной Ассамблеи. Итогом бы стало «драматичное ослабление ООН, связанное с её неспособностью оперативно принимать решения по блокированию кризисных ситуаций».

Второй вариант — ООН полностью попадает в сферу влияния Соединённых Штатов Америки, становясь инструментом легитимации всех внешнеполитических действий США, что, очевидно, не устроит другие крупные мировые державы, в первую очередь, Россию и Китай. Такой вариант ООН неизбежно утратит всякий авторитет.

Третий вариант — эволюционное рациональное развитие, основанное на базовых принципах, заложенных в Уставе ООН, с сохранением, прежде всего, принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности как мощного сти-

¹⁴ Задохин А., Орлов А. Реформа ООН: мифы и реальность // Научно-аналитический журнал «Обозреватель Observer». - 2004. - №3.

мула для поиска общеприемлемых решений острых кризисных ситуаций.

Однако, пока идут прения по поводу того, как и когда проводить реформу Организации Объединённых Наций, сама организация работает над своей эффективностью путём смещения акцентов своей деятельности. Если раньше ООН больше реагировала на кризисы, то сейчас упор делается на предупреждение их. Развивается идея превентивной дипломатии, впервые озвученная Генеральным Секретарём ООН Дагом Хаммаршёльдом и сформулированная в виде концепции Генеральным Секретарём ООН Бутросом Бутрос-Гали¹⁵. Превентивные меры предназначаются для разрешения разногласий, управления ситуацией или сдерживания споров, пока они не приняли насильственного характера. Управление конфликтами, в свою очередь, означает ограничение, смягчение и сдерживание конфликта. В понятие предупреждения конфликта входят многочисленные действия, такие как избежание конфликта и разрешение конфликта с помощью таких методов, как посредничество, поддержание мира, миротворчество, меры по укреплению доверия и неформальная дипломатии¹⁶. Эти меры призваны нивелировать, насколько это возможно, несовершенство мировой системы коллективной безопасности.

Заключение

В заключение стоит сказать, что кризис в таком фундаментальном для международного права образовании, как ООН, грозит обернуться серьёзными последствиями для всего человечества. Среди таких последствий может оказаться рост числа локальных конфликтов, признаки которого мы наблюдаем уже сейчас, что может вылиться в итоге глобальную войну, угроза которой тем страшнее, чем яснее мы понимаем, что такая глобальная война станет для

¹⁵ Бутрос-Гали Б. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира (доклад Генерального секретаря ООН) — 2 июля 1992.

¹⁶ Ф. Таннер. Предотвращение конфликтов и разрешение конфликтов: пределы многостороннего участия // Международный журнал Красного Креста. - 2000. - №839.

человечества последней. В своём исследовании мы, обратившись к идейным истокам современной системы, доказываем, что главный международный институт современности сейчас в глубоком кризисе, и кризис этот вызван не проблемой идеи, но сложностью реализации системы, способной адаптироваться к столь стремительным изменениям геополитического ландшафта и отвечать на глобальные вызовы, разрешая их в корне. ООН, несмотря на нынешние сложности, — необходимая миру организация, что указывает на необходимость преодолеть эти сложности всеми возможными и рациональными способами, будь то реформа или переосмысление акцентов в работе организации, которая существовала, существует и будет существовать для мира и безопасности на нашей планете.

Список литературы

1. *Бутрос-Гали Б.* Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира (доклад Генерального секретаря ООН) — 2 июля 1992.
2. Доклад Генерального секретаря, представляемый во исполнение резолюции 53/35 Генеральной Ассамблеи: Падение Сребреницы, Документ ООН А/54/549 от 15 ноября 1999.
3. Доклад комиссии по проведению независимого расследования деятельности Организации Объединенных Наций в период геноцида в Руанде в 1994 году, прилагаемый к Документу ООН, S/1999/1257 от 16 декабря 1999 г.
4. *Задохин А., Орлов А.* Реформа ООН: мифы и реальность // Научно-аналитический журнал «Обозреватель Observer». 2004. №3.
5. *Кант И.* К вечному миру. Философский проект. // Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994.
6. *Наим М.* Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе / Мойзес Наим. — Москва: Издательство АСТ, 2016.

7. Пенн У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путём европейского конгресса, парламента или палаты государств. // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. — СПб.: Алетейя, 2003.
8. Снесарев А. Философия войны. — М.: Ломоносов, 2013.
9. Таннер Ф. Предотвращение конфликтов и разрешение конфликтов: пределы многостороннего участия // Международный журнал Красного Креста. 2000. № 839.
10. Ткаченко Е. Хакеры зайдут через SIM // Газета.ru, 22.07.2013. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2013/07/22/5486921.shtml>
11. Gawirtz D. Could cyberwar knock us back to the Stone Age? // ZDnet.com, 03.08.2015. Точный адрес статьи: <http://www.zdnet.com/article/could-cyberwar-knock-us-back-to-the-stone-age/>
12. Rudd K. The United Nations: What's the Point? // TheAtlantic.com, 02.09.2016. Точный адрес статьи: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/09/united-nations-rudd/498464/>
13. Verba S. Sequences and Development / in L. Binder et al. "Crises and Sequences in Political Development." Princeton University Press, 1971.
14. Wohlforth W.C. The Stability of a Unipolar World / International security 24, №1. 1999.

Аннотация: *в наши дни в Организации Объединённых Наций наблюдается кризис, который проявляется в неспособности этого института преодолеть современные вызовы, среди которых локальные конфликты и угроза глобальной войны. В статье рассматривается сущность ООН через призму предпосылок, приведших к её созданию, а также анализируются варианты преодоления кризиса.*

Кононенко Олег Сергеевич, студент 2 курса факультета политологии, Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова.

Пучков Владимир Михайлович, студент 2 курса факультета политологии, Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова.

Соколов Е.С.
Герой в постгероическом мире: война в компьютерных играх¹

This paper considers war representations in video games. The grounded thesis is that in present-day games (end of 1990s - early 2000s) any war is being preset as a modern, professional, postheroic one, aiming at risk minimisation and zero loss. The paper analyses some of important figures: division of combatants/noncombatants, postheroic logic, estimation mechanics, individualisation, emotion handling.

Ключевые слова: исследования видеоигр, репрезентации войны, герой, постгероическая эпоха, новые медиа, мифология.

Keywords: game studies, war representation, hero, postheroic period, new media, mythology.

Игра и война, как это показал еще Йохан Хейзинга², связаны генетически: война выделяется из ряда других форм насилия с появлением множества ограничений и ритуалов, описаний и предписаний. Но исторические формы ведения войны определяют и игры в войну. От деревянной лошадки, сабли и барабана через оловянных солдатиков, воплощающих дисциплинарный режим «народных армий»³, до компьютерных игр, требовательных к моторике и расчету, моделирующих сложные тактические взаимодействия. Что означает этот переход? Как и в какую войну мы сегодня играем? И более конкретно: какой дискурс о войне,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 16-33-01069а2 "Онтология и гносеология видеоигры: мифологические основания геймификации"

² Хейзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры. - М.: Айрис-пресс, 2003. С. 96-111.

³ См. классическое описание "эпохи народных армий": Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. - СПб.: Наука, Ювента, 1997. Т. 4. С. 284-331.

какие репрезентации войны мы обнаруживаем в компьютерных играх? Видеоигры дают доступ к структурам коллективного воображения; способы репрезентации войны в компьютерных играх — столь же значимый объект для исследований в социальных и гуманитарных науках, как образы войны в искусстве или СМИ.

Я хотел бы начать с двух описаний войны:

1. Гордых троян отразили данаи; низверг браноносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей Агамемнон
Мощного сбил с колесницы вождя гализонов, Годи́я:
Первому, в бег обращенному, пику ему Агамемнон
В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие выгнал;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи⁴.

2. 25 марта 1999 года, на второй день войны в Косово, главнокомандующий силами НАТО генерал Уэсли Кларк попросил разрешения применить 24 вертолета «Апач», чтобы атаковать сербскую бронетехнику. Объединенный комитет начальников штабов воспротивился просьбе Кларка на том основании, что «Апачи» уязвимы для средств ПВО, мобильных пулеметов, малокалиберных пушек и переносных ракет. В 1999 году США потратили 15 млрд долларов на парк «Апачей», в частности на то, чтобы увеличить защиту. Только 3 апреля Кларка уполномочили перегнать «Апачи» в Албанию с базы в Германии. Все 24 вертолета прибыли на место назначения только 26 апреля, через 33 дня после начала войны. Армия США решила заботиться об этих 24 «Апачах»: 6200 человек охраны, штаб-квартира и обслуживающий персонал с 26 000 тонн оборудования были переправлены на 550 рейсах тяжелых самолетов, что обошлось в 480 млн долларов. Сюда же входила группа из 14 танков, 42 БМП, 27 транспортных и разведывательных вертолетов. Но даже после этого ни один из «Апачей» так и не вылетел на боевое задание⁵.

Эти два описания войны кажутся контрастными. В первом речь идет о поединках героев, сближающихся друг с

⁴ Иллиада, V, 37-42.

⁵ Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. - М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 107-108.

другом на роскошных колесницах, а затем вступающих в схватку на копьях или мечах⁶. Во втором мы вообще не видим сражения — только военную бюрократию, логистику, лоббирование и т.д. На первый взгляд, компьютерные игры говорят исключительно о героической войне. Действительно, игроки почти никогда не занимаются снабжением или бюрократическими согласованиями, зато нередко спасают мир от «сил зла». Я надеюсь показать, однако, что в компьютерных играх мы обнаруживаем героя в постгероической ситуации⁷. Мой основной тезис можно было бы сформулировать следующим образом: в какую бы войну мы не играли, мы играем в современную, профессиональную, постгероическую войну, стремящуюся к минимизации риска, к нулевым потерям.

Игра может рассказывать о войнах самурайских кланов (Total War: Shogun (2000, 2011)), осаде рыцарского замка (Stronghold (2001)) или о борьбе с постапокалиптическим тоталитаризмом (Half-Life 2 (2004)). Но если отвлечься от нарративов и проанализировать геймплейные структуры, способы и типы представления объектов, способы и типы взаимодействия с объектами игрового мира⁸, легко обнаружить, что в каждом случае игрок занимается менеджментом ресурсов и времени, микроконтролем, использованием уникальных умений юнитов (очевидно, что у оловянных солдатиков нет уникальных умений, они все одинаково стойкие).

Понятно, что говорить о войне в играх «вообще» — довольно рискованная затея. Уже потому, что война в широком смысле, как силовое противостояние, как борьба протагониста и антагониста — это, возможно, наиболее распространенная игровая модель, реализованная в труднообозримом многообразии жанров и сюжетов. Я попытаюсь про-

⁶ См. о "тактике поединков": Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. - М.: Издательский дом "Территория будущего", 2008. С. 32.

⁷ См. о "постгероической ситуации": Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. - М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 96-109.

⁸ См. об исследовательских подходах в game studies: Ветушинский А. To Play Game Studies Press the START Button // Логос, 2015. № 1 (103). С. 41-58.

вести, если угодно, первичную картографию геймплейного пространства и выделить некоторые значимые фигуры:

1. Разделение комбатантов и нонкомбатантов — чрезвычайно устойчивый геймплейный элемент: рабочие/боевые юниты; военные/гражданские; спецназ, террористы и заложники; герои, монстры и мирные жители. Это различие не только функционально (нонкомбатанты почти или вовсе не умеют сражаться), но и, если можно так выразиться, «биополитично». Оно определяет «природу» одних и других, внешний вид юнитов, «здоровье» (health point), навыки, их игровые функции, их восприятие игроком. Вокруг него может быть построен нарратив: спасение заложников или защита мирных жителей, например. Однако «одержимость гражданскими» — не просто сюжетный штамп, мы обнаруживаем здесь скорее не историю, рассказанную через геймплей, а сюжетное обыгрывание устойчивого геймплейного элемента. Иначе говоря: перед нами, разумеется, общее место, но сама распространенность этого топоса позволяет предполагать за ним некую логику, заставляющую заботиться о нонкомбатантах не только полицейских, но также рыцарей или космических авантюристов. Это логика «телевизионной войны»: «гражданские» оказываются в ней жертвами, необходимыми для создания драматического эффекта. Как пишет Жан Бодрийяр: «Заложник занял место воина. Он стал главным героем, протаганистом-симулякром, а точнее, в своем полном бездействии главным недействующим лицом не-войны»⁹. Заложник как «рекламный трюк»¹⁰, как сюжетный и эмоциональный триггер, оказывается важной ставкой, разменной монетой в символической экономике виртуальной войны.

«Нетринитарные», «асимметричные» или «новые» войны упраздняют различие между комбатантами и нонкомбатантами? Террористы или партизаны не носят военной формы? Возможно. Но медийная логика — это логика очевидности, зритель знает на чьей он стороне, игрок знает, в

⁹ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. - М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 22.

кого нужно стрелять, а в кого нет. Здесь действует натурализация, описанный Роланом Бартом мифологический эффект, отражение исторической реальности «в виде природного образа»¹¹. «Естественный свет разума» выводит врага из тени. Игра не обманывает, постулируя очевидность зла, она наделяет его узнаваемыми атрибутами (вроде, черных доспехов или усов¹²). Другие — исламисты, нацисты или русские, инопланетяне, зомби или монстры — изображаются как очевидные и «естественные» враги, убийство которых, заранее обеспеченное культурной санкцией, принципиально не проблематизируется. Мусульмане, например, часто изображаются как смуглые бородатые мужчины, говорящие по-арабски и вооруженные автоматами Калашникова¹³. Разумеется, они террористы и должны быть уничтожены. «У них дешевая кровь. Все, что вы делаете в Call of Duty: просто стреляете в араба», — говорит Рами Исмаил, соучредитель голландской игровой студии Vlambeeg на конференции разработчиков видеоигр в Сан-Франциско¹⁴. «Исламский террорист» — это именование, производящее радикальную редукцию, снятие исторического, политического и морального контекста, запрет рефлексии, запрет на установление причинно-следственных связей. «Исламист» становится,

¹¹ Барт Р. Мифологии. - М.: Академический проект, 2010. С. 305.

¹² Знаменитый геймдизайнер, создатель серии Civilization (1991, 1996, 2001, 2005, 2010, 2016) Сид Мейер на конференции разработчиков GDC 2010: "Например, "Pirates!". Игра, в которую люди приносят множество собственных знаний. Они видят моряка с чёрными завивающимися усами и, возможно, знают, что это будет мегазлодей, с которым они будут сражаться на мечах. И нам не нужна целая предыстория, чтобы объяснять как мы пошли по этому пути и т.д. "Черные завивающиеся усы. Плохой парень. Время битвы на мечах". Миллионы долларов сэкономлены на предыстории". GDC 2010: Sid Meier Keynote - "Everything You Know is Wrong". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bY7aRJE-oOY> (дата обращения: 01.02.2017)

¹³ Я благодарю за этот сюжет Леонида Мойжеса, сотрудника Moscow Game Center, представившего анализ образов мусульман на семинаре, посвященном репрезентации войны в видеоиграх (РГГУ, 06.10.2016).

¹⁴ Репрезентациям мусульман в видеоиграх была посвящена целая секция - "The Current State of Muslim Representation in Video Games" (17.03.2016). URL: <http://www.gdcvault.com/play/1023214/The-Current-State-of-Muslim> (дата обращения: 01.02.2017)

таким образом, фигурой исключенной из мира, скорее сатаной, чем человеком, «формальной фигурой Зла»¹⁵, как называет это Ален Бадью.

2. Внимание к потерям, «постгероическая война». Спасать приходится не только гражданских, но и рядового Райяна. Выручать спутников из беды, выполнять поручения, помогать справиться с психологическими проблемами, стать, наконец, их другом — иногда вокруг этого построена вся игра (например, популярные серии *Dragon Age* (2009, 2011, 2014) и *Mass Effect* (2007, 2010, 2012, 2017) компании Bioware, в которых даже глобальная цель, «спасение мира», отходит на второй план). Враги дегуманизированны, деиндивидуализированны и стереотипизированны, чаще всего они различаются только игровыми характеристиками или способностями, определяющими использование различных тактик для их уничтожения. Союзники, напротив, обладают индивидуальностью, в некоторых случаях — собственной историей и тщательно проработанным характером. Современные ролевые игры наследуют типичные для классического романа способы преломления «большой» истории в судьбах героев или семей. В серии *The Witcher* (2007, 2011, 2015), например, история войны рассказывается через историю Геральта и его друзей, через происходящие с ними изменения, через поиск и моральные дилеммы.

В видеоиграх, однако, развитие героя — это еще и один из базовых элементов геймплея. Большинство современных видеоигр основаны на логике роста: постепенно увеличивается сложность (от простых действий к сложным, от слабых врагов к сильным и т.д.), постепенно появляются новые возможности и стимулы. Эту механику можно было бы назвать «капиталистической» сразу в двух смыслах. С одной стороны, игрок мотивирован к накоплению (очков, уровней, игровых объектов, достижений и т.д.). С другой — инвестируя в развитие персонажей силы и время, он привязывается к

¹⁵ Бадью А. Философские соображения по поводу нескольких недавних событий // Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 г. глазами французских интеллектуалов. - М.: Фонд "Прагматика культуры", 2003. С. 28.

ним и, следовательно, играет больше; коммерческий интерес разработчиков сходится в этой точке с постгероической логикой. Внимание к отдельным персонажам, спутниками или союзникам, в процессе игры постепенно раскрывающим перед игроком свою историю и получающим новые способности, отличает современные видеоигры от игры с оловянными солдатиками, одинаковыми, существующими только как часть дисциплинарного порядка, элемент боевой машины. Игры в войну меняются вместе с войной: от сомкнутых батальонных колонн (на поле боя в XIX веке или на плацу в XX) к отдельным подразделениям (отделения, взводы), к сложным тактическим взаимодействиям, требующим от каждого бойца мастерства и инициативы; от взаимозаменяемости вымуштрованных солдат к политической неприемлемости потерь¹⁶.

Соответствующий этой трансформации сдвиг происходит в игровой индустрии в конце 1990 — начале 2000-х. Сравним, к примеру, стратегические игры 1990-х, такие как *Dune II* (1992), *Command & Conquer* (1995) или *Total Annihilation* (1997) с эталонной современной RTS (real-time strategy) *StarCraft II* (2010-2015). На первый взгляд, логика жанра сохраняется: добыча ресурсов, строительство базы, производство юнитов, уничтожение базы врага. Однако эти игры разделяет целая эпоха, их геймплей принципиально различается: массивные танковые атаки, с одной стороны, скрупулезный менеджмент ресурсов и времени, профессионализация и специализация, микроконтроль и использование уникальных умений — с другой. Даже массивная

¹⁶ Эдвард Люттвак связывает ее с изменением демографического режима: "В семьях, составляющих население исторических великих держав, четыре, пять или шесть детей были нормой, а семь, восемь или девять встречались чаще, чем современные один, два или три. С другой стороны, показатели детской смертности тоже были высоки. В те времена, когда было вполне нормальным потерять одного или более детей вследствие болезни, утрата еще одного сына на войне имела совсем иной смысл, чем для современных американских и европейских семей, где в среднем рождается по 2,2 ребенка или меньше того, причем ожидается, что все они выживут, и каждый из них представляет собой значительно большую долю семейного эмоционального капитала". Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. - М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 99.

атака в StarCraft (такая, как zerg rush) — это рискованная тактическая схема, вписанная в геймплей расчета и контроля. Подобное смещение происходит и в шутерах (shooter games): от уничтожения толп монстров в Doom (1993) или Serious Sam (2001) к тактическим взаимодействиям персонажей разных классов (в играх серии Battlefield¹⁷, например). Сегодня и в массовых сражениях, и в диверсионных операциях компьютерные игры мотивируют игрока к расчету и минимизации потерь. В том числе за счет ачивок (achievement): «победить без потерь», «выполнить задание, не потревожив охрану» и т.д. — но, прежде всего, за счет игровой механики.

3. Профессионализация в компьютерной войне — это опыт и умения. Убивая врагов, юниты получают уровни, звания или доступ к новым умениям. Ветераны сильнее новобранцев, их сложнее убить — но в то же время их нужно беречь, как Наполеон Старую гвардию.

Другая форма профессионализации — специализация. Элементарная организация геймплея — камень-ножницы-бумага. У игрока есть набор инструментов, с помощью которых он решает определенные задачи: использует кавалерию против мечников, копейщиков против кавалерии и мечников против копейщиков (или колющее, режущее, дробящее оружие, или дробовик, автомат, снайперскую винтовку). В разных сеттингах реализована одна механика, основанная на представлении о войне как деле профессионалов, умело применяющих в определенных ситуациях свои совершенно специфические навыки (навыки, делающие их в сравнении с нонкомбатантами фактически другими существами). Моделируется, таким образом, не боевой порядок, не индивидуальные характеристики (честь или слава), а профессиональный навык, специализация. Вернее: и умение держать строй, и мужество в этой перспективе определяются как результат профессионализации, как полученный опыт, «экспа» (experience).

¹⁷ Battlefield 3 (2011), Battlefield 4 (2013), Battlefield Hardline (2015), Battlefield 1 (2016) компании DICE.

Итак, натурализация различия комбатантов/нонкомбатантов, стереотипизация врагов и индивидуализация союзников, геймплей расчета и контроля, логика роста, стремление к «нулевым потерям», профессионализация и специализация — эти фигуры очерчивают контуры виртуальной войны. Стоит, однако, остановиться еще на одном важном моменте: геймплейным и нарративным структурам соответствуют визуальные технологии, использующие достижения голливудской суггестивной машинерии. Исключительное влияние на индустрию компьютерных игр оказали фильмы Стивена Спилберга: «Спаси рядового Райана» (1998) и «Братья по Оружию» (2001). В «Спаси рядового Райана» Спилберг создает «технология присутствия», с почти документальной достоверностью изображая хаос боя. Он воспроизводит фрагменты кинохроники и фотографии Роберта Капы¹⁸ в знаменитой сцене высадки на пляж «Омаха». Он разрывает с «объективистской» перспективой классического Голливуда и стремится воссоздать телесный опыт солдата, используя субъективную камеру («вид из глаз»), опуская ее на уровень земли и отказываясь от штатива, чтобы передать дрожь и тряску¹⁹. Спилберг не противопоставляет героя войны зрителю, напротив он показывает героизм «обычных парней», человеческих, иногда грубых, иногда напуганных, но крепких и надежных, если доходит до дела. Решения Спилберга заимствуют (порой в форме прямого цитирования) шутеры о Второй мировой войне, такие как *Battlefield 1942* (2002), *Medal of Honor: Allied Assault* (2002), *Call of Duty* (2003), *Call of Duty 2* (2005), *Brothers in Arms: Road to Hill 30* (2005) и многие другие. Кинематографические технологии переносят игрока на место рядового участника мирового конфликта: он спасает Европу, наступая плечом к плечу с американскими героями.

¹⁸ Капа Р. Скрытая перспектива. - СПб.: Клаудберри, 2011. С. 167-189.

¹⁹ Штатив используется, например, во всех батальных сценах "Самого длинного дня" (1962), что определяет (среди прочего) большую субъективную дистанцию зрителя. The Nerdwriter "Saving Private Ryan: How Spielberg Constructs A Battle Scene". URL: <http://thenerdwriter.net/2016/9/8/saving-private-ryan-how-spielberg-constructs-a-battle-scene> (дата обращения: 01.02.2017)

«Очеловечивание» героя, сокращение субъективной дистанции, установление более тесного эмоционального контакта могут быть описаны также как в рамках трансформации маскулинности²⁰. Гегемонная маскулинность, выраженная в образах 1990-х годов, сменяется «мягкой» маскулинностью 2000-х. Переход от героев Super Contra (1990), сочащихся тестостероном накачанных бойцов, к командору Шепарду (серия Mass Effect (2007, 2010, 2012)) аналогичен переходу от Терминатора к Нео. Нельзя сказать, что новые герои менее «круты». Однако у них иная конституция, иной телесный экзис, они олицетворяют не разрушающую все на своем пути грубую силу, а скорее романтический идеал. Они напоминают Байрона, писавшего стихи и занимавшегося боксом, внимательнейшим образом относившегося к своей одежде и телу и умершего на войне за свободу Греции. Они так же сочетают силу и изящество, сдержанность и страсть, свободу и неудовлетворенный поиск. Этот переход к наблюдению за чувствами и романтической рефлексии чрезвычайно важен — он дополняет логику расчета фигурой современного героя. Если с ордами безголовых камикадзе должен был расправляться брутальный самец (Serious Sam), то в постгероический пейзаж вписан романтический герой, гораздо более сложный, человечный, способный сомневаться и страдать. Война, заданная серией квантифицирующих жестов, получает дополнение и, одновременно, противовес в фигуре героя, предлагающего игроку микроконтроль эмоций и расчет моральных величин.

Список литературы

Источники

1. The Current State of Muslim Representation in Video Games. URL: <http://www.gdcvault.com/play/1023214/The-Current-State-of-Muslim>

²⁰ Вариант анализа этого процесса: Кон И.С. Меняющиеся мужчины в меняющемся мире // Этнографическое обозрение, 2010. № 6. С. 99-114.

2. GDC 2010: Sid Meier Keynote — "Everything You Know is Wrong". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bY7aRJE-oOY>
3. The Nerdwriter "Saving Private Ryan: How Spielberg Constructs A Battle Scene". URL: <http://thenerdwriter.net/2016/9/8/saving-private-ryan-how-spielberg-constructs-a-battle-scene>

Литература

4. Бадью А. Философские соображения по поводу нескольких недавних событий // Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 г. глазами французских интеллектуалов. — М.: Фонд "Прагматика культуры", 2003.
5. Барт Р. Мифологии. — М.: Академический проект, 2010.
6. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. — М.: РИПОЛ классик, 2016.
7. Ветушинский А. To Play Game Studies Press the START Button // Логос. 2015. № 1.
8. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. — СПб.: Наука, Ювента, 1997.
9. Капа Р. Скрытая перспектива. — СПб.: Клаудберри, 2011.
10. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в меняющемся мире // Этнографическое обозрение, 2010. № 6.
11. Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
12. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. — М.: Издательский дом "Территория будущего", 2008.
13. Хейзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры. — М.: Айрис-пресс, 2003.

Аннотация. В статье рассматриваются репрезентации войны в компьютерных играх. Обосновывается тезис о том, что в современных играх (с конца 1990 - начала 2000-х) любая война геймплейно задается как современная, профессиональная, постгероиче-

Война в компьютерных играх

ская, стремящаяся к минимизации риска и нулевым потерям. Анализируются некоторые значимые фигуры: разделение комбатантов/нонкомбатантов, постгероическая логика, механика расчета, индивидуализация, работа с эмоциями.

Соколов Егор Сергеевич, кандидат философских наук, сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Современная отечественная военная мысль

Стрелецкий Я.И.

Современная война: взгляд из Пентагона

The article discusses the current state of NATO's relations with other countries through the prism of the continuing aggressive policy of the US administration, as well as presented the socio-philosophical analysis of the US military-strategic concepts.

Ключевые слова: НАТО, холодная война, военно-стратегические концепции, гибридные войны.

Keywords: NATO, the Cold War, military-strategic concepts, hybrid war.

Данную проблему целесообразно рассмотреть через предварительный анализ следующих положений. Во-первых, говорим НАТО — подразумеваем США. В самом деле, по экономической, научно-технической и военной мощи США с большим отрывом доминируют в НАТО. Отсюда и политическое, и дипломатическое, и идеологическое давление на «младших братьев» — союзников по блоку, тактика выкручивания «друзьям» рук и навязывание им собственных военно-стратегических взглядов. Во-вторых, определяющими факторами формирования этих взглядов явились, главным образом, следующие: политика однополярного мира, которая рассчитана на геополитическое господство США; новейшие достижения в области науки и техники; современные образцы оружия и боевой техники. В-третьих, откровенная анти-российская внешняя политика Запада во главе с США, открытое, даже циничное нарушение ими международных договоров, рассчитанных на военно-стратегический паритет, демонстративное расширение НАТО на Восток — к границам Российской Федерации.

Сегодня на территории государств, вступивших в НАТО после распада СССР, активно создается и осваивается военная инфраструктура. В Польше и Румынии ведутся работы

по развертыванию средств противоракетной обороны США. Ныне уже никто не вспоминает заверения Вашингтона о ненаправленности этой системы против стратегических ядерных сил России. Создаются штабные структуры США в Румынии, Венгрии, Польше. Идет переброска вооружения и военной техники в Прибалтийские страны: в регион планируется перебросить около 3000 военнослужащих США, около 750 единиц бронетехники. В Польше создаются силы быстрого реагирования, численность которых планируется довести до 30 тыс. человек.

Снова, как и в годы «холодной войны», обывателя пугают избитым мифом о том, что «русские идут», нагнетаются русофобские страхи и на этой почве «доказывается необходимость» срочно принять ответные меры. Так, министр обороны США Эштон Картер, выступая в марте этого года перед членами экономического клуба в Вашингтоне, требовал пятикратного увеличения расходов Пентагона на «противодействие давлению и агрессии России»¹.

На уровне массового сознания эти и подобные им «пугалки» рассчитаны на то, чтобы попытаться обосновать растущие военные расходы, необходимость наращивания ударной мощи НАТО, милитаризацию науки, космоса и т.д. На теоретическом же уровне обновляются старые, разрабатываются новые военно-стратегические концепции. Среди последних представляется возможным и необходимым выделить *два направления*.

1. Концепции, рассчитанные на вооруженную борьбу с противником: неограниченной ядерной войны; ограниченной ядерной войны; обезоруживающего удара неядерными средствами; войны «умным» оружием.

Концепция неограниченной ядерной войны открыто не афишируется. Тем не менее «ястребы» из Пентагона такую войну не исключают. Более того, к ней готовятся заблаговременно, составляют соответствующие «победоносные» планы. Последние разрабатываются с учетом, по крайней мере, следующих обстоятельств. Во-первых, эта война может быть начата

¹ Литовкин В. Пентагон угрожает бюджетом // Независимое военное обозрение. 2016. №8. С. 14.

США «в угрожаемый для страны» период. Во-вторых, при условии «гарантированной нейтрализации» ядерного потенциала противника. И, в-третьих, в условиях подавляющего превосходства США в силах и средствах на решающих ТВД. На основе этих положений весной 2015 г. в официальном журнале военно-воздушных сил США «Стратеджик стадис куортерли» было объявлено о кончине доктрины взаимного гарантированного уничтожения и выдвинут тезис о возможности побеждать в атомных войнах посредством превентивного ядерного удара.

Эти утопические взгляды отражают тот факт, что Великобритания и США после 1991 г., т.е. после распада Советского Союза, не воспользовались шансом учредить действительно мирный порядок, а задалась целью установить глобальное господство в форме мировой империи, основанной на особых англо-американских отношениях. Это намерение стоит за последовательным расширением НАТО и Евросоюза на Восток, а также за систематической стратегией окружения России. В этих условиях руководство нашей страны, как отметил Президент РФ В.В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному собранию, «внимательно следит за развитием так называемой концепции обезоруживающего мгновенного ядерного удара, которая активно развивается в некоторых странах»².

Концепция ограниченной ядерной войны — ответная реакция на непопулярность рассмотренной выше самоубийственной «теории», своего рода «меньшее зло», «приемлемый вариант вынужденных потерь». Сторонники этой концепции считают, что «ограниченная ядерная война» может быть локализована в центре Евразии и направлена на ядро стран БРИКС — Россию и Китай».

Подготовка к такой «ограниченной» ядерной войне против России и Китая идет полным ходом. Обзор военных и внешнеполитических изданий последних месяцев показывает, что внутри трансатлантической системы (НАТО) за кулисами идут ожесточенные дебаты вокруг развертывания ново-

² Послание Президента РФ Федеральному собранию // Российская газета. 13 декабря 2014г. с. 4.

го поколения вооружений — «ядерного оружия ограниченного действия» как на территории Европы, так и в азиатско-тихоокеанском регионе. Ведущие критики этого плана из США и Германии подняли тревогу по поводу модернизации арсенала США, состоящего из 180 тактических ядерных вооружений в Европе, бомб А61. Согласно планам ядерной модернизации, реализуемым администрацией Обамы, новое поколение В61-12 тактического ядерного оружия будет более точным, доставляемым на более дальние расстояния авиацией передового базирования, способным поражать цели глубоко внутри России. При этом, как полагает глава Пентагона, «мы не только должны сражаться так, как мы делаем это сегодня, но и должны быть готовы к битвам, которые могут состояться через 10, 20 и даже 30 лет»³.

Концепция обезоруживающего удара неядерными средствами взята Пентагоном на вооружение относительно недавно. Она предусматривает максимальное уничтожение стратегических ядерных сил России в первом ударе обычными зарядами высокоточных крылатых ракет большой дальности, преимущественно морского базирования. Этим оружием в первом масштабированном ударе должны подавляться: командные пункты и подвижные грунтовые ракетные комплексы с ядерными боеприпасами, объекты противокосмической и противовоздушной обороны, аэродромы, пункты управления и т.д.

По мнению американских военных аналитиков, первый удар может считаться достаточным и эффективным только в том случае, если будут гарантированно уничтожены более 85 % стратегических ядерных сил РФ. Тогда на следующем этапе американская ПРО будет в состоянии перехватить и уничтожить все или большую часть выживших межконтинентальных баллистических ракет РФ и тем самым избежать невосполнимого ущерба.

Если работы по совершенствованию ПРО к 2020г. успешно завершатся, то Комитет начальников штабов США допускает повышение процента неуничтоженных стратегических ядерных сил России при первом ударе даже до 30-

³ Иванов В. Бюджетные торги Вашингтона // Независимое военное обозрение. 2016. №10. С. 4.

35%. Новое достигнутое технологическое качество американской глобальной системы ПРО все равно будет гарантировать защиту от уцелевших стратегических ядерных сил России.

Концепция войны «умным» оружием основана на создании новой роботизированной боевой техники — от беспилотных летательных аппаратов (ЛА), до управляемых на расстоянии роботов — «пехотинцев» и роботов — боевых машин. Идет разработка разнообразного ударного оружия высокой точности, действующего по принципу «выстрелил и забыл».

Нынешнее поколение беспилотных самолетов перестало быть чем-то необычным при ведении современной войны. При этом средства ПВО сейчас вполне уверенно перехватывают весь спектр ЛА на высотах до границы стратосферы. Поэтому сегодня активно разрабатываются новые ударные гиперзвуковые стратосферные и заатмосферные ЛА, против которых пока не существует эффективных средств ПВО. Активно применяется микроволновое, кинетическое и лазерное оружие. Сегодня первые прототипы этого оружия уже принимаются на вооружение. Так, на нескольких эсминцах ВМС США установлены лазерные боевые модули, еще на нескольких кораблях идут испытания кинетических орудий.

«Умные ткани» — принципиально новые материалы с заданными свойствами, способные реагировать на внешнюю среду. Здесь активно развивается направление, связанное с маскировкой, создание микрокапсул, содержащих вещества, аналогично пигменту некоторых подводных обитателей (мастеров маскировки): кальмаров, каракатиц, осьминогов. А также создание медицинских тканей, способных при ранении выделять антисептические, анестезирующие и кровоостанавливающие вещества.

Прорывные открытия в области физики — телепортация, телекинез, нанотехнологии, невидимость и др. Этот скачок, как отмечает член-корреспондент РАН Константин Сивков, будет «по своим последствиям куда более необратимым и потенциально катастрофическим, чем прорыв от физики Ньютона к теории относительности и квантовой механике, который привел к созданию атомной и термоядерной

бомб, лазеров, электронных компьютеров и так далее. Я не сомневаюсь, что созданное по результатам этого прорыва оружие будет такой мощности, что на его фоне атомная бомба покажется детской хлопушкой. Причем сроки его создания окажутся чрезвычайно сжатыми — 10, максимум 15 лет. На мой взгляд, оно будет основано не на использовании свойств элементарных частиц, а на использовании свойств пространства-времени. Думаю, что эту перспективу надо понимать и быть к ней готовыми, надо работать в этом направлении»⁴.

В настоящее время в боевых действиях уже используются «кремниевые насекомые» — летающие микробы, состоящие на вооружении спецвойск Израиля. Они могут подслушивать, делать съемку, а при необходимости и убивать отдельных людей.

Стаи такой «кремниевой саранчи» в сотни тысяч или даже в миллионы особей могут превратить множество военных систем предыдущего поколения (танков, самолетов, радаров, кораблей) в груды ненужного металла.

Продолжает обсуждаться проект «умная пыль» — результат нанотехнологической научной революции. Это система коллективно действующих и невидимых невооруженным глазом передатчиков и других электронных компонентов, способных осуществлять мониторинг, разведку или воздействия на критически важные системы противника.

На основе изложенных выше военно-стратегических концепций Пентагон определяет приоритетные направления развития и реформирования вооруженных сил США. Эти направления отражены в концептуальном документе «Удерживая глобальное американское лидерство. Приоритеты военного строительства в XXI веке». В развитие указанного документа в Пентагоне подготовлен ряд новых положений, главным из которых является программа строительства и применения ВС США «Единые силы — 2020». Она дает общее видение характера применения национальных ВС в будущем. В документе представлено развитие оперативной об-

⁴ Сивков К. XXI век: войны и оружие // Завтра. 2015. №19. С. 1.

становки в перспективе до 2020 г. и далее, обозначены новые направления проведения операций и характерные черты вооруженных сил будущего. В частности, в области ведения вооруженной борьбы делается акцент на обеспечение доступа объединенных сил в любой район мира и ведение ими нетрадиционных боевых действий, операций в космическом и кибернетическом пространстве, противоповстанческих операций и др. Последние дополняются новыми военно-стратегическими разработками НАТО — концепциями, в основном рассчитанными на победу без вооруженной борьбы.

2. Концепции, в основном рассчитанные на победу без вооруженной борьбы.

Концепция «гибридной войны» принята на вооружение правительством США еще в период «холодной войны» против СССР и во многом способствовала его развалу. Ныне эта война или «война управляемого хаоса» активно и нередко результативно ведется с целью «защиты американских интересов» в различных странах мира, в том числе и, в особенности, на постсоветском пространстве и, в первую очередь, против нашей страны.

На Западе «гибридная война» определяется как комбинация открытых и тайных вооруженных действий, провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них. Более обширно «гибридная война» трактуется в редакторском предисловии справочника *Military Balance 2015* как «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использующих дипломатические возможности, масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением»⁵.

«Гибридная война» ведется на основе использования современных информационно-когнитивных технологий с опо-

⁵ Пухов Р. Миф о «гибридной войне» // Независимое военное обозрение. 2015. №19. С. 11.

рой на «мягкую силу» и ограниченное применение военной силы в формате характерных операций по наказанию противника, лишенного возможности к сопротивлению. Расчет делается на дестабилизацию внутреннего состояния страны-жертвы посредством поражения ее общественного сознания подрывными идеями, ухудшения социально-экономического положения, выращивание разнообразных оппозиционных сил, подкупа продуктивной элиты с целью ослабления институтов государственной власти и свержения легитимного руководства с последующей передачей власти марионеточному правительству.

В «гибридной войне» руководство страны-жертвы до последнего момента не чувствует угрозы со стороны противника, ее политическая воля сковывается бесконечными переговорами и консультациями, иммунитет подавляется демагогической пропагандой, в то время как противник ведет активную работу по разрушению структур ее внутренней и внешней безопасности. В решающий момент происходит их подрыв с военным подавлением возникающих очагов сопротивления. Именно таким образом США добились успеха в «холодной войне» против СССР, а в настоящее время создают воронки расширяющегося хаоса в стратегически важных регионах Ближнего и Среднего Востока и пытаются установить контроль над постсоветским пространством. Выступая на IV Московской конференции по международной безопасности, министр обороны Республики Беларусь генерал-майор Андрей Равков отметил, что «в современных условиях, завладев умами большей части населения, можно взорвать обстановку в стране изнутри, спровоцировать внутренний военный конфликт». По оценке Минобороны Белоруссии, это является серьезным вызовом военной безопасности, при этом, «эффективность информационного воздействия становится соизмерима с военными действиями»⁶.

Концепция «гибридной войны» стала теоретической основой для разработки Пентагоном так называемых «гибридных операций». Последние представляют собой новую фор-

⁶ Гундарова Л. Цветы революции растут на парламентских выборах // Независимое военное обозрение. 2016. №15. С. 12.

му ведения боевых действий. Гибридная операция — это операция по отторжению части территории другого государства, в основу которой положено согласованное применение комплекса мер политико-дипломатического, информационно-пропагандистского, финансово-экономического, а также военного характера. При этом военная компания как таковая не приводится, может осуществляться специальными формированиями — силами специальных операций (ССО), в том числе вооруженными военизированными структурами, заранее созданными и подготовленными на отторгаемой территории, с помощью которых возможна нейтрализация регулярных воинских частей и соединений⁷.

Проведением гибридных операций с опорой на силы внутренней оппозиции Запад совершил ряд «цветных революций» в Афганистане, Ливии, Египте, а также на постсоветском пространстве — в Грузии и Украине. Основным направлением «гибридной войны» является война на информационном фронте.

Информационная война против России была открыто объявлена Госдепартаментом США еще в 2008г. В этой войне задействованы газеты, журналы, книги, кинофильмы, радио, телевидение, Интернет. Нескончаемые потоки лжи, фальсификаций, бредовых домыслов и фантазий обрушиваются на телезрителей, пользователей Интернета, читателей. Идёт зомбирование людей, внушение им отвращения и ненависти ко всему российскому, прежде всего, к руководству страны. По утверждению президента Академии геополитических проблем генерал-полковника Л.Г. Ивашова «в США создано главное управление по киберугрозам. А это значит, что информационное пространство становится, наряду с космическим, приоритетным пространством для ведения боевых действий, говоря языком Второй мировой — направлением главного удара»⁸.

Для решения задач информационной борьбы у Пентагона имеются соответствующие силы и средства, с помощью

⁷ Киселев В.А., Воробьев И.Н. Гибридные операции как новый вид военного противоборства // Военная мысль. 2015. №5. С. 3.

⁸ Ивашов Л. XXI век и военные элиты // Завтра. 2016. №15. С. 4.

которых планируются и осуществляются специальные информационные операции. Последние представляют собой интегрированное использование в ходе военной операции информационных возможностей войск (сил) в соответствии с целями операции, направленными на нарушение, искажение или контроль процесса принятия решения потенциальным или реальным противником при одновременной защите своих войск (сил) от аналогичных действий противника.

По оценке западных экспертов, рациональное использование информационных ресурсов позволяет управлять общественным мнением вплоть до изменения системы ценностей широких масс населения, а манипуляции информацией могут кардинально менять восприятие и поведение избранных (целевых) аудиторий. В итоге информационное превосходство над противником стало рассматриваться в качестве важнейшего фактора достижения победы в современной войне. Такой вывод сделан руководством Пентагона в своем ключевом документе «Удерживая глобальное американское лидерство. Приоритеты военного строительства в XXI веке».

Концепция «сетевидной войны» разработана вице-адмиралом ВМС США Артуром Сербовски, научным сотрудником Пентагона Джоном Гарстка и адмиралом ВМС США Джеймсом Джонсоном. В основе «сетевидной войны» — увеличение суммарной мощи воинских формирований путем соединения их в единую сеть, которая позволяет географически рассредоточенные силы (относящиеся к разным видам и родам войск) объединить в едином замысле операции и за счет информационного превосходства использовать эти силы с большей эффективностью путем обеспечения единства взглядов командующих (командиров) разнородных войск (сил) на содержание, роль и место взаимодействия в операции, а также путем самосинхронизации своих действий в интересах достижения общих целей операции.

Как отмечают отечественные военные аналитики, эта концепция является ключевым фактором трансформации вооруженных сил США в более маневренную, мощную и лучше обеспеченную информацией систему, т.е. реализует стратегию эффективных операций: непродолжительных,

малозатратных, с предельно минимальными потерями и «запланированным» ущербом. В связи с этим с большой вероятностью можно предполагать, что сетевые условия позволят применять новые способы действий войск, сил и средств в ходе решения главных целей войны: разгром бесконтактным способом основных группировок противника и уничтожение экономического потенциала государства, подвергшегося агрессии⁹.

Концепция «когнитивного оружия» (от лат. *cognitio* — знание, познание) была предметом заинтересованного анализа на конференции Академии военных наук РФ в мае 2014г., где отмечалось возрастание удельного веса так называемой мягкой силы в многофакторном анализе современных угроз безопасности России. По мнению генерального директора Центра научной политической мысли и идеологии Степана Сулакшина, в условиях ведущейся информационной войны необходимо обратить особое внимание на использование против нашей страны «когнитивного оружия», под которым предлагается понимать внедрение в интеллектуальную среду противника научных теорий, парадигм, концепций, стратегий, влияющих на ее государственное управление в сторону ослабления оборонно-значимых национальных интересов. Применение такого оружия способно вызвать сползание индекса успешности страны в область отрицательных показателей и генерирование внутри нее деградиционных процессов.

Принцип действия «когнитивного оружия» следующий: внедренная ложная теория поражает национальную науку, соответствующие научные школы и поколения. Производные от этого экспертные сообщества, образовательный контур, который готовит ущербные кадры, запрограммированные на ложные представления о важнейших парадигмах управления, развития страны, воспроизводит поколения студентов и аспирантов ущербного сорта. Соответственно возникает ошибочная, контрпродуктивная и деструктивная государственная политика управления и как результат — ослабление оборонно-значимых потенциалов страны. «Когнитив-

⁹ Чекинов С.Г., Богданов С.А. Военное искусство на начальном этапе XXI столетия: проблемы и суждения // Военная мысль. 2015. №1. С. 38.

ное оружие» сравнимо с инфекционным заражением, но действующим не в физической, а в интеллектуальной среде. Так же, как и вирусы, «когнитивная инфекция» распространяется только в благоприятных для этого условиях¹⁰.

Концепция «война за время» реализуется Западом, и в первую очередь США, не столько в традиционном стремлении к переделу ресурсов, захвату новых территорий и т.п., сколько в стремлении максимально ослабить экономических, технологических и цивилизованных соперников и конкурентов, принудить их к догоняющему, а значит подчиненному развитию. Эти войны представляют собой своего рода войну будущего за то, кто кому будет диктовать свою волю на протяжении не годов, а десятилетий, кто задаст миру смыслы, кто определит его структуру, ценности и иерархию подчинения.

Концепция войны за время отражена в так называемой «Управляющей стратегии» США. Ее суть состоит в стремлении устранить не только и не столько реальные угрозы, а угрозы завтрашнего дня для сохранения «американской исключительности». А главное, она предполагает как минимум деструкцию и ослабление, а как максимум, — устранение субъектов подобных угроз: Россию или любое другое государство, ставящее под сомнение американскую исключительность. Кроме того, в стратегии предусматриваются подобные действия и в отношении не только государств, но и негосударственных структур самого различного типа. Значительная часть американского истеблишмента, проанализировав почти десятилетний опыт практического осуществления доктрины, сделала вывод о необходимости ее подкрепления новыми методами, инструментами и способами реализации.

Из анализа рассмотренных выше концепций необходимо сделать, по крайней мере, следующие выводы. Во-первых, либеральная идея о том, что у России врагов нет, что «нам никто не угрожает», себя не оправдала. Угрозы нашей стране не только сохранились, но многократно возросли. В этих

¹⁰ Фомов С. Убить дракона // Военно-промышленный курьер. 2015. № 36. С. 8.

условиях обороноспособность государства Российского необходимо укреплять по всем направлениям, в том числе и высококвалифицированными офицерами. Во-вторых, в XXI в. появился новый компонент в военном искусстве — стратегия «управляемого хаоса». Противодействие этой стратегии традиционными средствами военной организации государства недостаточно и малопродуктивно. В-третьих, в современных условиях нам необходима не только военная, но и общегосударственная организация, способная не только противодействовать угрозам «гибридной войны», но и работать на упреждение.

Список литературы

1. Гундарова Л. Цветы революции растут на парламентских выборах // Независимое военное обозрение. 2016. №15.
2. Иванов В. Бюджетные торги Вашингтона // Независимое военное обозрение. 2016. №10.
3. Ивашов Л. XXI век и военные элиты // Завтра. 2016. №15.
4. Киселев В.А., Воробьев И.Н. Гибридные операции как новый вид военного противоборства // Военная мысль. 2015. №5.
5. Литовкин В. Пентагон угрожает бюджетом // Независимое военное обозрение. 2016. №8.
6. Послание Президента РФ Федеральному собранию // Российская газета. 13 декабря 2014г.
7. Пухов Р. Миф о «гибридной войне» // Независимое военное обозрение. 2015. №19.
8. Сивков К. XXI век: войны и оружие // Завтра. 2015. №19.
9. Фомов С. Убить дракона // Военно-промышленный курьер. 2015. №36.
10. Чекинов С.Г., Богданов С.А. Военное искусство на начальном этапе XXI столетия: проблемы и суждения // Военная мысль. 2015. №1.

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние отношений НАТО с другими странами через призму продолжающейся агрессивной политики руководства США, а также представлен социально-философский анализ военно-стратегических концепций США.

Современная война: взгляды из Пентагона

Стрелецкий Яков Ильич, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имен Героя Советского Союза А.К. Серова.

Содержание

Война, история и культура

<i>Смилянская Е.Б.</i> Начало военного присутствия России в Средиземноморье: блистательная операция с долгими последствиями	5
<i>Кауркин Р.В., Павлова О.А.</i> Некоторые наблюдения о потерях российской армии в войне 1914-1918 гг.	19
<i>Василенко Ю.В.</i> Карлизм в Испании XIX в.: война и проблемы политико-идеологической эволюции	33
<i>Филатов Г.А.</i> Война как элемент идеологии франкизма	45
<i>Петушкова Д.А.</i> Война за конец всех войн: пацифизм, интернационализм и борьба за мир во Франции в годы Первой мировой войны.....	55
<i>Кобринец М.А.</i> Специфика конструирования образа врага в контексте англо-ирландских отношений на рубеже XVI-XVII вв. (на материале «Взгляда на современное положение Ирландии» Эдмунда Спенсера)	65
<i>Иванова А.М.</i> Военное дело и вооружение в культуре арабов раннего средневековья	79

Понятие войны в историко-философской ретроспективе

<i>Гуляев Р.В.</i> Экзегетика философии войны в романе Л.Н.Толстого «Война и мир»	89
<i>Булатова А.Р.</i> Духовные войны и их проекции в интерпретации Николая Бердяева.....	101
<i>Никитина С.В.</i> Василий Васильевич Розанов: взгляд на причины русской революции	115
<i>Малышев-Санкин А.В.</i> Фигура полководца в военно-философских учениях Сунь-цзы и Н. Макиавелли	127
<i>Моисеев Д.С.</i> Метафизика войны в интегральном традиционализме Юлиуса Эвола	137
<i>Гребенников А.А.</i> Политическое учение Карла Шмитта как основание демаркации фигур современного террориста и революционера ..	149
<i>Демидкин В.В.</i> Понятие внутреннего врага у Георга Зиммеля в соотношении с внешним врагом Карла Шмитта.....	165
<i>Зыгмонт А.И.</i> Война в мысли Рене Жирара: от антропологической данности к апокалипсису.....	179
<i>Михеев В.Ю.</i> Миф о религиозном насилии Уильяма Кавано	191

Современные войны: между прошлым и будущим

<i>Кочеров С.Н.</i> Роль идеологии в современной войне	209
<i>Мельник А.Г.</i> Репрезентация политических конфликтов начала XXI в. на телевидении (на примере сериала «Homeland»)	221
<i>Любимов С.Е.</i> Справедливость в гибридных войнах.....	237
<i>Кудряшова В.К.</i> Теории контрпартизанской войны 70-80-х гг.	263
<i>Кононенко О.С., Пучков В.М.</i> Кризис ООН: пути решения современных проблем в рамках существующей системы	273
<i>Соколов Е.С.</i> Герой в постгероическом мире: война в компьютерных играх.....	285

Современная отечественная военная мысль

<i>Стрелецкий Я.И.</i> Современная война: взгляд из Пентагона	297
---	-----

Куманьков Арсений Дмитриевич
ПРОБЛЕМАТИКА ВОЙНЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ
Сборник трудов второй всероссийской конференции
«Проблематика войны в гуманитарных науках:
история и перспективы исследования»

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Печатается с готового оригинал-макета

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536
Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,
+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. +7-921-951-98-99
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by
в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 19,19. Печать офсетная.

Тираж 500 экз.

Заказ №